КРЕТЬЕН ДЕ ТРУА

ПЕРСЕВАЛЬ,
ИЛИ ПОВЕСТЬ О ГРААЛЕ

CHRÉTIEN DE TROYES

PERCEVAL OU LE CONTE DU GRAAL

Кретьен де Труа

ПЕРСЕВАЛЬ, ИЛИ ПОВЕСТЬ О ГРААЛЕ

Пер. со старофранцузского
Н.В. Забабуровой и А.Н. Триандафилиди
Статья, примечания — Н.В. Забабурова

common place
2014

ББК 84 (0) 4
УДК 821"04/16"

Кретьен де Труа

Персеваль, или повесть о Граале / Перевод со старофранцузского Н.В. Забабуровой и А.Н. Триандафилиди. — Москва: Common Place, 2014 — 408 с.

ISBN 978-99970-0108-5

Роман Кретьена де Труа «Персеваль, или повесть о Граале» — великий литературный памятник средневековья, оказавший значительное и долговременное влияние на культуру последующих веков, вплоть до нашего времени, поскольку именно в этом романе был развернут изначальный сюжет о поисках священного Грааля. Полный стихотворный перевод этого произведения на русский язык осуществлен впервые. В издание включены научная статья и примечания к роману.

ISBN 978-99970-0108-5
ББК 84 (0) 4
УДК 821"04/16"

Кто мало сеет — мало жнёт.
Кто добрых урожаев ждёт,
Тот должен бросить в землю зёрна,
Чтоб те взошли в ней благотворно[1].
В бесплодье и благой посев
Умрёт, засохнув и истлев.
Кретьен, зерно бросая, сеет
Так, что роман его созреет
На доброй почве, посему
Сторицей взыщется ему.
Был труд предпринят им во славу
Возвысившего Рим по праву
Филиппа Фландрского, того[2],
Кто Александра самого[3],
Прославленного, превзошёл.
Я б доказательства нашёл,
Что он достойней, не иначе:
Герой тот, в сердце скверны пряча,
Злодейств немало совершил,
А граф ни в чём не согрешил.

Да, граф таков, он злу не внемлет,
Бесчинных шуток не приемлет,
И с чьих бы уст ни лился яд,
Он пресекать злоречье рад.
Он только справедливость ценит,
Служенью Церкви не изменит
И против скверны восстаёт;
Щедрей он, чем в молве слывёт.
Евангелие чтит он верно
И следует ему примерно.
Гласит оно: добро дая[4],
Пусть левая рука твоя
Не знает о делах десницы,
Чтобы даянью втайне крыться,
Ведь зрит всеведущий Отец
Всю глубину людских сердец.
Но что же подразумевает:
«Пусть левая рука не знает?..»[5]
А то, что в ней воплощена
Пустая слава, а она
От лицемерия нам в тягость.
А правая? Она есть благость,
Что милостыней не кичится,
От всех людских очей таится,
А Бог её всегда узрит.
Кто милосердие творит,
Как сказано в Святом Писанье,
Как рек нам Павел в назиданье,

Тот в Боге и Всевышний в нём[6].
Так знайте, истина вся в том,
Что граф наш милосерден, ибо
Деянья славного Филиппа —
Дань милосердью — таковы
И недоступно для молвы
Живут в его лишь сердце чистом,
Что светится добром лучистым.
Не правда ль, превзойти он смог
И Александра, что далёк
От милосердья был безмерно?
Сомнений нет и это верно!
Кретьен старается не зря,
По воле графа претворя
В стихи сказанье о Граале[7].
И в королевстве всём едва ли
Вы лучше встретите роман.
Заказ ему на книгу дан
Филиппом Фландрским; поглядим,
Как сможет справиться он с ним!
Случилось то порой цветущей[8],
Когда листвой покрылись пущи
И встали травы на лугах,
Был слышен щебет ранних птах,
Всё ликовало, посвежевши.
В ту пору сын Вдовы[9], владевшей
Пустынным Лесом[10], весел, бодр,
Оставив одинокий одр,

Коня поспешно оседлал,
Три дротика с собою взял
И при таком вооруженье
Покинул матери владенье,
Чтоб труд крестьянский повидать.
Овёс велела сеять мать
И взборонить свои угодья.
Итак, при благостной погоде
Он въехал в лес, вдруг ощутив
Внезапной радости прилив.
Внимая птицам голосистым,
Проникся он восторгом чистым.
Он наслаждался от души,
И для того, чтобы в глуши
Предаться счастью на природе,
Он отпустил коня поводья.
На сочном, свежем трав ковре
Конь стал пастись о той поре,
А он, владевший дротом ловко,
Вокруг метал с большой сноровкой
Те три, оружие своё.
Вперёд бросал их, как копьё,
И вверх и вниз для интереса,
Как вдруг увидел в чаще леса
Пять рыцарей вооружённых,
Как подобает снаряжённых.
Они, шумя и грохоча,
Рубили с помощью меча

Дубов и грабов сень густую,
Идя сквозь чащу вековую.
Скрипели копья и броня,
Мечи им вторили, звеня.
Юнец не видел, кто они,
Но слышал треск и лязг брони
Людей, что были недалече.
Он молвил, удивившись встрече:
«О дама, матушка моя,
Вы были правы, понял я,
Сказав, что дьяволы вот эти[11]
Ужасней всех существ на свете.
Тем вы смогли мне объяснить,
Что, встретив бесов, осенить
Себя крестом потребно сразу.
Я не последую наказу,
Не стану ради них креститься.
Остёр мой дрот, крепка десница,
Я силу к дроту приложу,
Им приближаться закажу».
Такою предварил он речью
Ту непредвиденную встречу.
Лишь юноша увидел, как
Они, покинув чащи мрак,
Ему предстали в светлых латах,
В шеломах блещущих, богатых,
При ладных копьях и мечах,
В сребре на солнечных лучах,

Лазурных, золотых, зелёных, —
Он вмиг пленился видом оных.
И молвил так себе: «Мой Бог!
Как ангелов за бесов мог[12]
Принять я в леса глубине?
Прости меня, ведь грех на мне,
В своих познаниях я плавал,
Когда сказал, что ангел — дьявол.
Вы, мать, скрывали правду зря,
Об ангелах мне говоря,
Что красотой их совершенней
Лишь Бог, создатель всех творений.
Но здесь сам Бог в лесной тени,
И Он прекрасен, как они,
Хоть в них краса десятой долей.
Раз мне внушила мать дотоле,
Что Бога нужно обожать,
Ему молиться, почитать
Его и всех, кто с ним, я буду,
Днесь обожать, дивиться чуду».
И тут же павши ниц на дол,
Он громко Верую прочёл
И все молитвы стал читать,
Которым научила мать.
Его заметив, самый важный
Другим скомандовал протяжно:
«Остановитесь, пал юнец,
Нас испугавшийся вконец,

И коли подойдём мы вместе,
От страха он умрёт на месте
И не ответит ничего
На то, что спросим у него».
Остановились. Рысью спорой
Подъехал к юноше он скоро
И поприветствовал пристойно:
«Не бойтесь, юноша, спокойно.
— О нет, Спасителем клянусь,
В Него я верю, не боюсь! —
Ответил тот. — Ведь Бог вы, да?
— Да что вы, нет! — А кто тогда?
— Я рыцарь. — Что это такое?
О них не слышал ничего я,
Но Господа прекрасней вы.
Ах, если бы я мог, увы,
На вас хоть каплю походить,
Таким блестящим, дивным быть!»
Тут рыцарь, выслушав ответ,
Спросил беднягу, подошед:
«А пятерых не видел ты ли
И трёх девиц, что с ними были?»
Но знать своё хотел юнец
И вдруг рукою за конец
Копья воителя схватился.
«Сеньор, — к нему он обратился, —
Вы, званье рыцаря носящий,
Что привело вас в эти чащи?

Хочу я знать, скажите мне».
И рыцарь: «Ясно всё вполне.
Услышать новости в надежде,
Тебя о них спросил я прежде,
А ты в ответ ни то ни сё.
Скажу: копьё моё, и всё».
Продолжил юноша: «Простите,
Сеньор, вы мне сказать хотите,
Что с ним так должно обращаться,
Как я с тремя могу справляться[13]?
— Да нет, ты глуп, мой юный друг,
Им бьют, не выпустив из рук.
— Ну что ж, оружие такое
Предпочитать я стану вдвое,
Поскольку я, куда хочу,
Свой дрот как вздумаю мечу
И при нужде могу настичь
Им зверя дикого иль дичь,
Убив их словно бы из лука.
— Мне болтовня твоя докука,
Сказать о рыцарях изволь,
Ты знаешь, кто они, отколь?
А трёх девиц ты не встречал?»
Потрогав щит, тот помолчал,
Затем спросил, возвысив глас:
«А это для чего у вас?
— Сказал ты это мне с издёвкой?
Ответа избегая ловко,

Морочишь голову, юнец.
Я думал: Бог мне, наконец,
Поможет и узнаю всё.
А ты в ответ мне, знай, своё.
Раз объяснений ждёшь моих,
Дам, так и быть, тебе я их
И любопытство пусть уймётся.
То, что ношу, «щитом» зовётся.
— Щитом? — спросил юнец. — О да,
И ты не должен никогда
К нему являть неуваженье.
Он верный друг мой, в нём спасенье
От копий, стрел, и, выйдя в бой,
Им отражу удар любой».
Тут рыцари, что сзади были,
К ним конским шагом подступили
И, поравнявшись с первым тем,
Спросили у него затем:
«Сеньор, валлиец что ответил[14]?
— Невежда он, как я приметил,
О чём его я ни спроси,
Валлиец, Бог меня спаси,
Мне нерадиво отвечает.
Зато про всё, что замечает,
Расспрашивает, как и что.
— Сеньор, валлийцы — знайте то —
Похожи на животных боле,
Чем скот, пасущийся на поле.

И этот — натуральный зверь.
Не стоит времени теперь
На чепуху такую тратить,
И медлить понапрасну хватит.
— Уж и не знаю, — рек сеньор, —
На нас пусть презрит Божий взор!
Но прежде чем поехать дальше,
Всё разъясню ему без фальши,
О чём бы он ни вёл расспрос».
Вновь задан юноше вопрос:
«Прости, но не встречал ли их,
Тех рыцарей ты пятерых
И трёх девиц?» Юнец тихонько
Кольчугу тронул и легонько
Повлёк к себе её тотчас:
«Сеньор, а что это на вас?
Столь тяжела у вас одежда.
— Юнец, ты, видно, впрямь невежда!
Не знаешь? — Нет! — Кольчуга, знай,
По весу, как металл, считай.
— Так из железа? — Видишь сам!
— Не знал. Дивлюсь я чудесам,
Она прекрасна, святый Боже,
Но вам, сеньор, она на что же?
— Всё просто, юноша, смотри:
Хотя бы дротики, все три,
В меня метнул ты или стрелы,
Ан глядь, здоровый я и целый.

— Сеньор, таких не дал бы хоть
Оленям благостный Господь,
Я убивать не смог бы их,
С охотой бы покончил вмиг».
Тот молвил: «Друг мой, услужи мне,
Об этих рыцарях скажи мне
И о девицах, наконец».
Нездравомысленный юнец
Так продолжал: «Сеньор благой,
А вы с рождения такой?
— Нет, юноша, не быть такому:
Нельзя родиться так живому.
— Но кто же дал вам сей наряд?
— Тебе ответить буду рад.
— Скажите же. — Без затруднений.
Пять дней назад и даже мене
Всем этим был я оснащён,
Ведь в рыцари я посвящён
Артуром-королём. Скажи,
Здесь проезжавшие мужи,
Что трёх девиц сопровождали,
Шли мимо шагом иль бежали?»
И тот ответил на вопрос:
«Вон лес, вы видите, возрос,
Обняв возвышенности склоны?
И есть ущелья там Вальдонны[15].
— И что там есть, скажи скорей?
— Крестьяне матери моей.

Они там боронят и пашут,
И коль их видели, расскажут
О проезжавших тем путём».
Те попросили впятером
Поехать вместе с ними, коли
Захочет юноша, на поле
Их к бороняшим проводить.
Не преминув в седло вскочить,
Помчался юноша туда,
Где пахотная шла страда
И сеяли овёс на ниве.
При виде господина, вживе
Работников хватила дрожь.
Но этот ужас отчего ж?
Всё из-за рыцарей, прибывших
В своих доспехах, глаз слепивших.
Они ведь знали: коль их званье
Узнает юноша, желанье
Внушит ему таким же стать,
Что потрясёт смертельно мать.
И знали, что, представь он ясно,
Сколь это звание прекрасно,
Стать рыцарем возжаждет вмиг.
Тут юноша спросил у них:
«Здесь пятерых вы не видали,
Что трёх девиц сопровождали?
— Видали до зари, сеньор».
Тому, с кем вёл он разговор,

Промолвил юноша тогда:
«Сеньор, здесь проезжали, да,
И рыцари и девы эти,
Но мне о короле ответьте,
О том, кто рыцарство даёт.
Ещё скажите, где живёт
Иль пребывает он обычно.
— Скажу, ведь знаю я отлично,
Что государь наш в Кардуэле[16].
Ещё не минуло недели —
Пять дней всего — как был я там.
Коль путь к нему не сыщешь сам,
Найдётся тот, кто путь укажет
Иль всё о нём тебе расскажет,
Коль он покинет рубежи.
Теперь прошу тебя, скажи,
Как называть тебя пристало[17]?
— Сеньор, с охотою немалой.
Я Милый Сын. — Ты не сердись,
Но по-иному назовись.
— Ещё зовусь я Братом Милым.
— Пусть так. Но коль тебе по силам
Сказать мне правду, не таи,
Себя, как есть, мне назови.
— Сеньор, — юнец ответил с пылом, —
Зовусь я Господином Милым.
— Ах, вот так имя, вот те на!
А есть другие имена?

— О нет, сеньор, других-то нету!
— Мой Боже, много я по свету
О разных слышал чудесах,
Но о таком — увы и ах!»
Тут рыцарь вскачь галопом скорым
Помчался к спутникам, которым
Его случилось дожидаться.
И юноша спешил умчаться
В угодья матери своей,
Тревожившейся без вестей
О задержавшемся юнце.
С великим счастьем на лице
Своё возлюбленное чадо
Встречала мать с такой отрадой,
Какую скрыть едва ль могла,
И, подбежав к нему, рекла:
«Мой милый сын! Мой милый сын!
(Так сотню раз). Сполна кручин,
Не видя вас, я претерпела.
Такая скорбь мной овладела,
Что смерти видела я тень.
Где пропадали целый день?
— Где, госпожа? Отвечу честно.
Такое стало мне известно,
Что я восторгом полон весь.
Не говорили ль вы мне здесь,
Что ангелы, творенья Бога,
Краса небесного чертога,

Единственные по природе
И нет их краше в мире, вроде?
— Да, милый сын, и повторю,
Что говорила — говорю.
— Молчите ж, матушка! Сегодня
Я зрел создания Господни
Прекрасней всех на свете сущих,
И я их видел в наших пущах!
Не так прекрасно существо
Творца и ангелов Его!»
Тут матерью был обнят он:
«Ты, сын, мной Богу посвящён,
Мне очень за тебя тревожно.
Ты зрел тех ангелов, возможно,
Которые людей страшат,
Зане что видят, то крушат[18].
— Нет, матушка, нет, нет и нет!
Се рыцари», — ей был ответ.
При этом мать лишилась чувств,
Затем, разъяв немоту уст,
Заговорила в скорби тяжкой:
«Ах, как несчастна я, бедняжка!
Вас, милый сын, хранить я тщилась,
Сберечь от рыцарства стремилась,
Чтоб и не слышали о нём,
Не видели и днём с огнём.
Вы б стали рыцарем свободно,
Коль было б Господу угодно

Спасти нам вашего отца,
А безупречней удальца
И уважаемей, мой сын,
На Островах морских пучин[19]
Вовеки не было героев.
Гордиться можете, усвоив,
Что высоки вы, безусловно,
Как материной родословной,
Так и отцовой, так как я
Из рода рыцарей. Семья
В годину юности моей
Была знатнее всех семей
На Островах в пучине моря.
Но пали лучшие на горе,
Ведь всем известно, что беда
Приходит только к тем всегда,
Кому лишь честь и доблесть ценность.
А злоба, низость или леность
Не могут кары потерпеть.
Достойнейших награда — смерть.
Отец ваш, здесь вам тайну выдам,
Был ранен в пах[20] и инвалидом
Влачил безрадостный удел.
Оскудевал его надел,
И таяла богатств несметность,
Пока не впал отец ваш в бедность.
Тогда, кто честен был, в разоре
Имущество утратил вскоре

Как умер Утерпендрагон,
Которым был Артур рождён.
В стране был хаос, там и тут
Терпел обиды добрый люд,
И все, кто мог, те убежали.
Но ваш отец бежал едва ли,
Он здесь в лесу уединённом,
В своём владении исконном,
Жил впроголодь, зане был нищ
И не имел других жилищ.
Тогда вы были в колыбели,
Лет двух не боле, и имели
Двух братьев, что красой цвели.
Когда два брата подросли,
Отец им дал совет, веля
Предстать пред троном короля,
Чтоб получить вооруженье.
Один отправился в служенье
К Эскавалону[21] (сразу он
Им в рыцари был посвящён),
А младший — к Бан де Гоморету[22]
И от него честь принял эту.
Так в день один мои сыны
И были в чин возведены.
И в тот же день пустились в путь.
Они не мешкали ничуть,
Спеша вернуться в отчий дом,
Чтобы со мною и отцом

Событье празднеством отметить.
Но нам не довелось их встретить,
Они погибли оба, ах,
В бою с оружием в руках!
Рыдали мы, скорбя и мучась.
У старшего ужасней участь,
Ах, очи выклевали враны!
Таким был найден бездыханный.
Оплакивая сыновей,
Отец не вынес тех скорбей
И умер он, с тех пор живу я,
В великой горести тоскуя.
Моя единственная радость,
Вы, утешение и сладость,
Одни остались у меня.
Погибли дети и родня,
И Бог для счастья моего
Не дал мне больше ничего».
Но сын не обратил вниманья
На матери повествованье,
Он только молвил: «Дайте есть.
Вы говорите что невесть,
А мне во что бы то ни стало
Поехать к королю пристало,
Чтоб дал он рыцарем мне стать!»
Его удерживала мать
И охраняла как могла,
Одежду странную дала:

Рубаху вроде власяницы,
Штаны, что шьют всегда валлийцы,
Из одного куска тканья
И брака, и чулки кроя[23],
К ним безрукавный балахон,
Оленьей кожи капюшон.
Так приодела сына мать.
Три дня он согласился ждать,
Тем самым заплатив негусто
За материнские ей чувства.
А мать в отчаяние впала,
Его лобзала, обнимала,
В слезах горючих говоря:
«Мой милый сын, на вас смотря,
Объята горем я, понура.
Приехав ко двору Артура,
Попросите оружье вы.
Он не откажет вам, увы,
И дать его не пожалеет.
Когда ж носить его приспеет,
Что делать будете вы с ним?
Ведь вы с оружьем боевым
Не обращались до того,
Не знали что и для чего.
Боюсь я, так как знаю верно,
Что подготовлены вы скверно.
А это и не мудрено,
Ведь человеку не дано

Знать то, чему он не обучен.
Но если был урок получен,
То удивительней не знать.
528 Позвольте, сын, совет вам дать,
К нему прислушаться вам стоит,
Коль разум ваш его усвоит,
Немалый прок он принесёт.
532 Вы — рыцарь, этот час придёт,
Будь воля Господа на это.
Коль даму встретите вы где-то
Иль деву, что угнетена,
536 И будет помощь им нужна,
Вы им поддержку предложите,
Попросят — помощь окажите,
Как честь предписывает вам.
540 А кто не уважает дам,
Себя же покрывает срамом.
Служите девушкам и дамам
И чтимы будете всегда.
544 Служите, если есть нужда,
Навязчивости избегайте
И им ничем не досаждайте.
Коль вас девица поцелует,
548 Пусть поцелуй лишь и дарует,
На прочее даю запрет[24]:
Найдите силы молвить «нет».
Но если вам она, быть может,
552 Кольцо или кошель предложит,

Берите, я не возражу.
Ещё вам, сын, одно скажу:
Коль с вами спутник, не тяните,
Его назваться попросите,
Так вы поймёте, кто он есть.
Дружите с теми лишь, в ком честь:
С кем честные общаться станут,
Того, поверьте, не обманут.
Ещё хочу я настоять,
Чтоб стали церковь посещать
Иль монастырь; молитесь Богу,
Он даст и честь вам, и подмогу,
И добродетель. Только так
И удостоитесь вы благ.
— Что церковь, матушка, такое?
— Се место чистое, святое,
Где славят Господа, который
Создал небесные просторы
И этот мир, и всё живое.
— А монастырь есть что такое?
— Скажу вам в точности о том:
Сие святой прекрасный дом,
И он реликвиями свят;
Там жертву Иисуса чтят,
Сего пророка иудеи
Терзали, мучили, злодеи.
Он предан был и, казнь прияв
И в муках смертью смерть поправ,

Он всех мужчин и женщин спас:
Дотоле души в смертный час
Ввергались в ад из плоти бренной,
А Он их вывел из геенны
Ценой мучений у столба,
Распятья, с тернием у лба.
И чтоб вы мессы посещали
И все заутрени свершали,
Чтоб Господа могли любить,
Прошу вас в монастырь ходить».
Тут сын ей: «Матушка моя,
И в монастырь и в церковь я
Ходить всегда охотно буду
И обещанья не забуду».
Засим не медлил он ничуть,
Простился с матерью и в путь,
А мать рыдала безутешно.
Был конь его осёдлан спешно.
Он по-валлийски был одет,
А башмаки — грубее нет.
Уже три дрота он привычно
Взять собирался, как обычно,
Но мать изъяла пару всё ж,
Чтоб меньше был с валлийцем схож.
Изъяла б все, коль то могла бы.
В руке держал он прутик, дабы
Им подгонять в пути коня.
Мать обняла его, стеня,

Уж так она его любила,
И Богу сына поручила:
«В какой бы ни были стране,
Пусть счастье Бог не так, как мне,
А больше даст вам, милый сын».
На расстоянии в один
Бросок пращи он оглянулся
И, мать увидев, ужаснулся:
Как бы расставшись с жизнью, та
Без чувств лежала у моста.
Но тут коня он подстегнул,
По крупу прутиком хлестнул,
И в лес аллюром конь покорный
Понёс его дорогой торной.
Так утро он скакал и день,
Пока не пала ночи тень.
Заночевал в лесу он где-то,
Проспав до самого рассвета.
Встав на заре под птичий гомон,
На скакуна вскочил верхом он
И без привалов поскакал.
Вдруг на лугу, где вытекал
Из родника ручей журчащий,
Увидел он шатёр, дивящий
Чудесной красотою взор.
Был алым спереди шатёр,
А сзади лентами увит,
На лентах золото блестит.

Златой орёл вверху был сделан,
На солнце словно пламенел он,
И сам шатёр сверкал при этом
Живым златым и красным цветом.
Сиянье он лучил вокруг;
Окрестный лес и весь тот луг
Под светом от шатра сияли.
А рядом шалаши стояли,
Сложили их из листьев, веток.
В обычаях валлийцев этак
Приюты возводить в бору.
Юнец приблизился к шатру
И молвил, прежде чем войти:
«Бог, видя дом Ваш на пути,
Я б вёл себя сродни неверцам,
Когда бы здесь я с чистым сердцем
Не стал бы поклоняться Вам.
Я верю матушки словам:
Монастыри, и правда, эти
Прекраснее всех мест на свете[25],
И должен я в монастыри
Всегда входить, чтоб там внутри
Молиться Господу не всуе.
Ему молитву вознесу я,
Как только в Божий дом войду,
И Он мне нынче даст еду,
Что так нужна мне поутру».
Итак, он подошёл к шатру,

Который не закрыт был, кстати.
Посередине на кровати
Под покрывалом шелковым
668 Что же увидел он? Пред ним
Девица на одре спала.
Совсем одна она была,
Без свиты и девиц-служанок.
672 Ушли девицы спозаранок
Цветов и свежих трав нарвать,
Чтоб ими пол в шатре устлать,
Как было то заведено.
676 И он вошёл неслышно, но
Коню случилось оступиться.
От шума этого девица
Вдруг пробудилась, и простак
680 К ней обратился, молвив так:
«Девица, к вам с приветом я,
Так мне велела мать моя.
Она дала мне наставленье
684 Приветствовать без промедленья
Девиц, где б я ни встретил их».
Та задрожала, в этот миг
Решив, что мальчик полоумный.
688 Она б сочла себя безумной,
Когда могла бы допустить
Наедине хоть миг с ним быть.
«Уйди, юнец, иль худо станет,
692 Коль друг мой здесь тебя застанет.

— Но прежде жду я поцелуя.
Клянусь главой, не досажу я,
Так мать меня учила прежь.
— Уйди, ведь сказано тебе ж.
И с поцелуем здесь не выйдет,
А если вдруг в шатре увидит
Тебя мой друг, тебе конец».
Руками сильными юнец
Схватил её бесцеремонно,
В приличиях не искушённый,
Он силой подступился к деве,
И та, хоть отбивалась в гневе
И как могла сопротивлялась,
Однако втуне так старалась:
Глаголют, юноша в тот час,
По крайней мере, двадцать раз
Поцеловал её лицо,
А видя на персте кольцо
С чистейшим изумрудом, молвил:
«Я б волю матери исполнил,
Забрав кольцо у вас. Клянусь,
На этом и остановлюсь.
Хочу его. Итак, кольцо мне!
— Нет, не получишь и запомни, —
Ему девица объявила, —
Его возьмёшь ты только силой».
Схватил её за руку малец
И с силой потянул за палец,

И так кольцом он овладел.
Себе на перст его надел,
Сказав: «Девица, вот отрада:
Теперь уеду я с наградой.
Лобзать вас слаще, ей-же-ей,
Чем в доме матушки моей
Служанку с горькими устами!»
Девица залилась слезами:
«Не уноси кольцо как вор,
Иначе ждёт меня позор.
Поверь мне, рано или поздно
Ты не избегнешь кары грозной,
Заплатишь жизнью за грабёж».
Всё слышал юноша и всё ж
К словам остался он не чуток,
Всё потому, что пуст желудок,
И голод жёг его огнём.
Увидел он кувшин с вином,
Фиал, из серебра отлитый,
Поднос из тростника, накрытый
Салфеткой белого белей.
Он снял салфетку, а под ней,
Глядь, три паштета из косули.
Но мешкать пред едой тому ли,
Кто голода не мог терпеть?
И он набросился на снедь,
Стал поглощать её кусками
И трижды жадными глотками

Фиал до дна опорожнил.
Затем, жуя, проговорил:
«Девица, я не съем всё это.
Прошу, отведайте паштета,
По одному съедим сейчас,
Паштет же третий про запас».
Та, что рыдать не прекращала,
Внимания не обращала
На речь непрошеного гостя,
Кусала длань свою от злости,
В то время как он ел и пил,
Пока свой глад не утолил.
Затем остатки и объедки
Прикрыл при помощи салфетки,
И собираясь в путь-дорогу,
Он поручил девицу Богу:
«Господь, девица, вас храни,
И не печальтесь вы, ни-ни,
Что днесь кольцо у вас беру я,
Поскольку прежде чем умру я,
Вам чем-нибудь да услужу.
Засим извольте, ухожу».
В слезах ответила девица,
Что за него ей не молиться,
Раз он своей дурной манерой
Её унизил выше меры,
Что может женщина терпеть,
А потому вовеки впредь

Услуги от него не примет
И в помощи нужды не имет,
И пусть забудет он знакомство
С девицей — жертвой вероломства.
Так слёзы, сидючи, лила
И друга своего ждала.
А был в лесу он в эту пору.
Следы копыт предстали взору,
И был он страшно удивлён,
Тем паче, что подругу он
Застал в весьма плачевном виде.
«Демуазель, приметы видя,
Я мню, здесь рыцарь был сейчас.
— О нет, сеньор, заверю вас,
Здесь юный был валлиец глупый,
До дерзости нахальный, грубый,
Он пил без удержу вино,
Что вами здесь припасено,
И съел все три паштета ваши.
— И, милая, в слезах вы? Даже
Коль всё б он выпил здесь и съел,
Я б огорчений не имел.
— Но дело здесь совсем не в том.
Я плачу о кольце моём,
Что взял он и увёз с собою.
Я б лучше умерла, не скрою,
Чем так с ним отпустить каналью».
Тут рыцарь, стиснутый печалью,

Вмиг хладнокровье потерял.
«О Боже, срам-то! — он сказал. —
Раз взял, пусть с ним и остаётся.
Но что-то было, мне сдаётся,
О чём не рассказали вы.
— Поцеловал меня, увы.
— Поцеловал? — Да, так и было,
Но против моей воли, силой.
— Скажите лучше, что по воле.
Иль не понравилось вам что ли?
Сопротивленья ни следа. —
В нём ревность вспыхнула тогда. —
Считаете, что вас не знаю?
Не так уж глуп я, уверяю,
Чтоб лицемерия не видеть.
Вы зло смогли меня обидеть,
За это кара будет вам.
Я вашей лошади не дам
Овса и кровь ей не пущу,
Покуда я не отомщу.
Подкову лошадь потеряет —
Пусть без подковы ковыляет,
А сдохнет — вслед мне прямиком
Идти вы будете пешком,
Своей одежды не меняя,
Идти, босая и нагая,
Пока его не обезглавлю.
Месть по-иному я не справлю».

Сказал и начал есть затем.
А юноша скакал меж тем
И угольщика повстречал,
Тот пред собой осла толкал.
«Скажи, виллан, с ослом который,
Как в Кардуэл добраться скоро?
Король Артур мне нужен тот,
Который рыцарство даёт.
— Найдёшь, идя прямым путём,
Ты замок на брегу морском,
Там и предстанешь пред Артуром,
То ли весёлым, то ли хмурым.
— Тогда ты мне назвать изволь
Причину, по какой король
Быть может весел или хмур.
— Скажу тебе: король Артур
Повёл все рати и знамёна
Войной на короля Риона[26].
Властитель Островов сражён.
Вот почему и весел он.
Но не доволен он исходом —
Своих воителей разбродом.
О них вестей нет у него.
И хмур король наш оттого».
Услышав новость от виллана,
Был рад герой наш несказанно
И мчал указанным путём,
Пока на берегу морском

Он не увидел замок прочный,
Красивый, неприступный, мощный.
Заметил он, как из ворот
Выходит рыцарь и несёт
В деснице кубок золотой.
Копьё, поводья, щит в другой
Руке держал он; облаченье
Так шло ему, что загляденье.
Доспехи и оружье алы[27].
От красоты их небывалой
На месте юноша застыл.
Их возжелал и так решил:
«Могу поклясться честью я,
Их попрошу у короля,
Коль даст — сочту сие успехом,
И будь я проклят, коль к доспехам
Другим я возымею страсть!»
Тут в нетерпении попасть
Скорее в замок, он помчался.
Когда ж со встречным поравнялся,
Тот натянул вдруг повода.
«Стремишься, юноша, куда?
— Я к королю, чтобы сейчас же
Просить сии доспехи ваши.
— Что ж, это славная идея.
Скачи и возвратись скорее,
А королю ты передашь:
Коль хочет мне вернуть оммаж

На свой надел, пусть отдаёт
Или кого-нибудь пошлёт,
С кем бы сразился я законно.
Я заявляю, что исконно
Принадлежит мне та земля.
Заверь при этом короля,
Что я намерен взять с собой
С вином сей кубок золотой,
Из коего он пил сейчас».
О передаче этих фраз
Ему бы попросить другого,
А тут вниманья никакого:
Валлиец ехал прямо к цели.
Король и рыцари воссели
За стол обеденный уже.
Зал был на первом этаже.
Он въехал на коне в чертог[28],
Что столь же длинен, сколь широк,
В чертог просторный и прекрасный.
В конце стола Артур безгласный
Сидел, в раздумья погружён.
Не разговаривал лишь он,
А все беседовали дружно.
Кого приветствовать здесь нужно —
Неясно юноше, дотоль
Ведь он не знал, кто здесь король.
Но вот Йонет с ножом поднялся[29].
Пока он к гостю приближался,

Тот молвил: «Ты, что держишь нож
И с ним ко мне сюда идёшь,
Кто есть король здесь, отвечай мне».
Йонет был куртуазен крайне,
Сказал он: «Вот он, друг мой, вот!»
К Артуру устремился тот
И кое-как его приветил.
Король ни слова не ответил.
Тогда он повторил привет,
И вновь молчание в ответ.
Воскликнул: «Бог мне да поможет!
Как делать рыцарей он может,
Когда молчит лишь и молчит!
Знать, и меня не отличит!»
Намереваясь удалиться,
Он поспешил поворотиться,
Но близко к королю растяпа
Коня направил так, что шляпа
Слетела у того на стол.
Король от дум в себя пришёл
И на пришельца поднял взор.
Он так сказал ему: «Сеньор,
Добро пожаловать. Мне видно,
Вам стало оттого обидно,
Что я ответил вам едва ль.
Уста сковала мне печаль,
Поскольку враг мой худший самый,
Мной ненавидимый, упрямый,

Мне досаждающий всегда,
Посмел явиться к нам сюда,
Чтоб завладеть землёй моею.
Он так безумен, что злодею
Насильно взять её неймётся.
Он Алым Рыцарем зовётся,
И он из леса Кинкруа.
И королева здесь была,
Пришла она в сие собранье,
Чтоб выразить негодованье
И раненых всех осмотреть.
Меня бы не могли задеть
Пустые супостата бредни,
Но он, как грубиян последний,
Взял кубок, бывший предо мной,
И резко так, что всё вино
Пролил на платье королеве.
И королева в скорбном гневе
От подлой низости такой
Тотчас укрылась в свой покой,
Чтоб с жизнью счёт свести, наверно.
Спасет ли Бог в беде безмерной,
Жива ль она, не знаю я».
Всей этой речью короля
Пришлец не тронут был нимало,
Но позабавился сначала
Над оскорбленьем королевы.
«Сир, рыцарство дадите ль мне вы?

Хочу уехать без промешки».
Так он сказал не без насмешки,
Но чистотой лучился взор.
Что не в себе он, понял двор,
Но в нём признал задатки чести
С незрелой красотою вместе.
Король сказал: «О, спешьтесь, друг.
Коня на попеченье слуг
Вы предоставьте, я прошу.
Как вы хотите, всё свершу,
Так честь велит мне (Бог да видит):
Всё в ваших интересах выйдет».
На это юноша ответил:
«Из тех, кого в лесу я встретил,
Никто не спешился с коня,
А слезть вы просите меня.
Клянусь, не спешусь ни за что.
Вы дело делайте, а то
Я уезжаю непременно.
— Мой друг, — король ему степенно, —
Как честь велит, вам помогу.
— Поклясться Господом могу,
Не стану рыцарем, покуда
Я Алым Рыцарем не буду!
Так подарите мне доспехи
Того, кто нынче без помехи
Ваш кубок золотой увёз!»
Был сенешаль задет всерьёз[30]

Такою речью неучтивой:
«Друг, ваша просьба справедлива,
Возьмите их как свой трофей,
Вы ж, как последний дуралей,
У нас их требуете здесь».
Сказал король: «Оставьте спесь,
Во имя Бога, Кей, вы дерзки,
И шутки ваши слишком резки
С тем, с кем знакомы вы едва ль.
Здесь вы не правы, сенешаль.
Сей юноша, будь не в обиду,
Пусть глуповат немного с виду,
Но можно полагать, что он
В семье достойной был рождён
И коль беда вся в воспитанье,
В плохом наставнике, познанья
Приобретёт он, может статься.
Грех над другими насмехаться
И, обещая, не давать.
Достойный человек бросать
Не должен на ветер слова,
Иль кара будет такова,
Что тот, кому вы обещали,
Но обещанье не сдержали,
Вас будет презирать потом.
Отсюда к выводу придём,
Что лучше другу отказать,
Чем заставлять его страдать.

И знайте истину простую,
Что обещания впустую
Вас самого же и обманут:
Все уважать вас перестанут».
Так Кею государь сказал.
Юнец же, покидая зал,
Заметил деву-чаровницу
И поприветствовал девицу.
Та, возвратив ему привет,
Со смехом молвила в ответ[31]:
«От сердца чистого я верю
И в том вас, юноша, заверю,
Что в мире не было, и нет,
И никогда не будет впредь
Воителя, достойней вас.
Я это поняла сейчас».
Та не смеялась уж дотоле
Шесть с лишним лет, и так как вволю
Со смехом громко речь вела,
Она услышана была.
Тут Кей, вспылив негодованьем,
Был недоволен предсказаньем,
По щёчке, что нежнее пуха,
Её хлестнул он оплеухой
Так, что упала наземь та.
И в гневе он толкнул шута,
Стоявшего пред очагом,
В огонь пылающий пинком

За то, что прежде этот шут
Твердил, бывало, там и тут:
«Девица эта засмеётся,
Когда ей встретить доведётся
Того, кто рыцарством велик».
Тогда раздались плач и крик.
Юнец как ничего не слышал —
За Алым Рыцарем он вышел.
Йонет, что ведал каждый лаз
И двор оповещал тотчас,
Без всякого сопровожденья
Покинув зал, в одно мгновенье
В саду чрез тайный ход пробрался
И на дороге оказался,
Где юношу тот рыцарь ждал.
Юнец же быстрой рысью мчал
Впрямь на врага, дабы успеть
Его оружьем завладеть.
Тот ждал и чашу золотую
Поставил на плиту большую,
Как вдруг узрел: ему навстречу
Мчит юноша и грозной речью
Так обращается к нему:
«Доспехи вам уж ни к чему.
Носить не вправе вы их боле,
То короля Артура воля!»
Ему ответил рыцарь так:
«А что, нашёлся тот смельчак,

Что встать за короля намерен?
Пускай не прячется теперь он,
Раз есть действительно такой.
— Кой чёрт, сеньор, вы надо мной
Так издеваетесь? Снимайте
Своё оружие и знайте:
Оно уж мне принадлежит.
Приказ вам медлить не велит».
Другой в ответ ему: «Юнец,
Я спрашиваю, наконец,
От короля придёт ли кто-то
Со мною для сведенья счёта?
— Сеньор, снимите вы броню,
Иначе не повременю
И сам сниму я с вас оружье.
Ещё поколочу к тому же,
Чтоб не дурачили меня».
Тут гневный рыцарь шест копья
Схватил двумя руками ловко
И двинул им с такой сноровкой
Между лопаток молодца,
Что прямо в шею жеребца,
Упав, уткнулся тот лицом.
Гнев овладел тогда юнцом:
Удар не в меру был болючим,
А стыд — невыносимо жгучим.
И вот он точный взял прицел.
Враг поберечься не успел,

Дрот в глаз и мозг ему вонзился
Да так, что с кровью мозг пролился,
Ему загривок окропив.
Дыхание перехватив,
Объяла боль его всего.
Не молвив слова одного,
На землю рухнул он плашмя.
Валлиец спешился с коня
И, дрот свой вытащив, скорее
Снял щит, подвешенный на шее
Убитого. Беда с шеломом:
Как снять его? каким приёмом?
Хотел он было взять и меч.
Не зная, как его извлечь,
То так, то так вертел он ножны
И стал тянуть неосторожно,
Что мочи вырвать меч хотел.
Йонет на всё это смотрел,
Смеясь над парнем неуклюжим:
«Что вижу я и как с оружьем
Вы обращаетесь, дружок?
— И самому мне невдомёк:
Король ваш отдал мне доспехи,
Но снять их не дают помехи.
Мне тело б на куски рассечь,
Чтоб хоть один доспех совлечь,
Так плотно прилегли, смотри,
Снаружи к телу, изнутри,

Став с ним как целое одно.
Их отделить мне мудрено.
— Не беспокойтесь, погодите,
Я сам сниму их, коль хотите.
— Поторопитесь и сей миг
Немедля мне отдайте их».
Раздел, разул его Йонет.
Вот ни брони на мёртвом нет,
Ни туфель, ни штанов, шелом
Снял с головы его, потом —
Экипировку остальную.
Но победитель ни в какую
Не пожелал наряд свой снять
И не хотел Йонету внять.
А уговаривал тот долго
Надеть тунику, что из шёлка
С подкладкой мягкою, доселе
Носимой рыцарем на теле.
Йонет не смог его разуть,
Ведь башмаки менять отнюдь
Был юноша не расположен:
«Чёрт побери, ужель я должен
Подарок матери презреть
И это на себя надеть!
Моя рубашка не тряпьё,
И мне ль, пеньковую, её
Менять на тонкую рубаху?
Тунику, держащую влагу,

На ту, что в миг единый мокнет?
От сожалений пусть усохнет
Тот, кто взамен одежды лучшей
Наряд наденет самый худший!»
Безумца вразумлять вотще:
Опричь оружья вообще
Не прикоснулся ни к чему.
Зашнуровав штаны ему,
Йонет на них приладил шпоры,
В кольчугу облачил, которой
Нигде мы лучше не найдём,
Затем на голову шелом
Он водрузил, и сел тот ладно.
И показал ему наглядно,
Как меч на поясе носить,
Так чтоб свободно с ним ходить;
Ему он ногу в стремя вставил
И сесть на скакуна заставил —
Юнец ни стремени, ни шпор
Ещё не видел до сих пор,
Пуская в ход лишь прут иль плеть.
Йонет учил его владеть
Щитом, копьём, ему отдав их.
Так прививал полезный навык.
И молвил юноша: «Друг мой,
Возьмите лошадь вы с собой,
Она и резва и умна,
Но мне уж больше не нужна,

И потому отныне ваша.
А эта золотая чаша
Пусть к государю возвратится.
Вы передайте той девице,
Что за её обиду Кею,
Пока я жив, отмстить сумею».
Йонет пообещал помочь —
И, мол, исполнит всё точь-в-точь,
О чем его валлиец просит.
Простились. Кони их уносят.
Туда, где двор вкушал обед,
Чрез ту же дверь вошёл Йонет
И отдал кубок королю:
«О сир, я радость в вас вселю:
Тот рыцарь, что здесь был недавно,
Добыл в бою ваш кубок славно
И передал его для вас.
— О ком вы это мне сейчас? —
Спросил король, ещё грустя.
— Сир, говорю вам не шутя
О том валлийце молодом,
Что въехал к нам сюда верхом.
— Так это он, валлиец некий,
Что у меня просил доспехи,
Принадлежащие тому,
Кто прибегал здесь ко всему,
Чтоб нанести мне оскорбленье?
— Да, это он, и нет сомненья.

— А как же смог добыть он кубок?
Иль снизошёл тот до уступок
И добровольно возвратил?
— Скажите лучше, что добыл
Его валлиец, став убийцей.
— Прошу, подробней о валлийце.
— Я знаю только то, что видел:
Тот рыцарь юношу обидел,
Боль причинил ему древком,
А он ударил прямиком,
И меткий дротик, словно в воск,
Вонзился в череп; вытек мозг,
И так он вышиб дух злодею».
Король тут обратился к Кею:
«Ах, как меня вы огорчили!
Ваш злой язык, рассадник гили,
Такую чушь нагородил,
Что общества меня лишил
Того, кому обязан я.
— Он передать просил меня, —
Сказал Йонет, — той бедной деве,
Которую ударил в гневе
Кей сенешаль, что за неё
Он отомстит, коль на сиё
Даст изволение судьбина».
Тут шут, сидевший у камина,
Вскочил, услышав речь такую,
И перед королём, ликуя,

Подпрыгнул и пустился в пляс.
«Мой добрый сир, — сказал смеясь, —
Господь храни меня, внемлите:
Грядут ужасные событья.
Всё скоро сможете узреть.
Придётся Кею сожалеть
О деле рук и ног своих,
О языке, что глуп и лих,
И о своём дурном злоречье.
Через неделю недалече[32]
Ему тот рыцарь отомстит
За то, что был ногой я бит.
К тому ж пощёчина девице
К нему вернётся, но сторицей
Ему заплатят за удар
И купят дорого товар,
Дав незабвенную науку,
Ведь правую сломают руку
Ему меж локтем и плечом.
На перевязи под жгутом
Полгода он её проносит».
А Кея в гневный жар как бросит
От слышанных обидных слов,
Что, разъярённый, был готов
Так проучить шута за номер,
Чтоб тот при всех на месте помер.
Он отказался от сего:
Король не поддержал его.

Король сказал ему: «Ах, Кей,
Виновник муки вы моей!
Когда бы юноша тот смелый
Владел оружием умело,
Да хоть бы пользоваться мог
Мечом, копьём, он в краткий срок
Венчался бы великой славой.
Не стоит сомневаться, право.
Но он не знает, вот досада,
Что надо делать, что не надо
С любым оружием, и меч
Не сможет при нужде извлечь.
Верхом на рыцарском коне
Столкнуться может он вполне
С тем, кто забрать коня захочет.
Враг не замедлит и наскочит.
Его убьёт иль ранит враг,
Ведь неотёсанный простак
В бою не сможет защититься,
И вмиг судьба его решится».
Так сожалел король душевно
О доле юноши плачевной,
Но в жалобах не видя толк,
Он речь закончил и умолк.
Валлиец между тем, гоня,
Чрез чащу направлял коня
На луг, граничащий с рекой,
Превосходящей шириной

Полёт стрелы из арбалета.
Река стремительная эта
Границы русла перешла
И по лужайке вниз текла.
Спустившись, встал он у реки
И понял: воды глубоки,
Темны и быстротой чрезмерной
Луару превзошли, наверно.
Пешком пошёл он вдоль теченья,
Пока напротив, в отдаленье,
Скалу он не заметил вскоре.
Она сходила склоном в море
И мощный замок был на ней.
Как будто из скалы своей
Он выплывал, казалось оку.
Величественно и высоко
Вздымался крепостной донжон.
Когда свернул пред устьем он,
Пред ним возникли укрепленья,
Что в устье поперёк теченья
Поток пересекли собой;
В них бурно бил морской прибой[33].
На четырёх углах стены,
Из камня тесаны, видны
Две пары низких башен мощных,
Изрядно укреплённых, прочных.
И замок весь казался чудным,
На вид прекрасным и уютным.

Пред укреплённым входом — мост,
Из камня сложен и непрост,
С бойницами, как у твердыни.
Стояла башня в середине,
А от неё шёл мост подъёмный,
Что днём мостом, а ночью тёмной
Был дверью, ведшей в башню ту.
Юнец приблизился к мосту,
И так как в алом одеянье
Он привлекал к себе вниманье,
Немедленно навстречу гостю
Из замка вышел некто с тростью,
И он богато был одет.
Два юноши ему вослед
Шли в одеяньях поскромней.
Уроки матушки своей
Наш юноша отменно помнил.
Он поздоровался и молвил:
«Сеньор, приветствовал я вас,
Как мать давала мне наказ.
— Господь тебя да охранит», —
Так незнакомец говорит.
«Простак», — решил на первый взгляд.
Затем добавил: «Милый брат,
Откуда держишь путь? — Откуда?
От короля Артура буду.
— А что же делал при дворе ты?
— Король, хвала ему за это,

Возвёл в чин рыцаря меня.
— В чин рыцаря? Не слышал я,
Чтоб кто-нибудь сегодня вспомнил
О том, когда он то исполнил:
У короля иных забот,
Я думаю, невпроворот.
Но ты развей недоуменье:
Вот на тебе есть облаченье,
Откуда у тебя оно?
— Оно мне королём дано.
— Но как? Ответь-ка, брат мой, честно».
Тут обо всём, что нам известно,
Поведал юноша ему.
Но если смелость я возьму
Всё вам рассказывать повторно,
Вы заскучаете, бесспорно.
Никто не стерпит, нет сомненья,
Такого рода повторенья.
Сеньор ещё спросил его,
Куда коня он своего
Девать сим временем намерен.
«Пущу на волю, пусть теперь он
Поскачет на приволье здешнем.
Я это делал также с прежним,
Что дан был для охоты мне.
— А вы с доспехами вполне
Умеете ли обращаться?
— Я в них умею облачаться,

Снимать умею на манер,
Как это делал мне в пример
Тот, кто их с мёртвого совлёк.
Мне будет в них немалый прок —
Легки они, не давят грубо.
— Клянусь душой, мне это любо, —
Сказал сеньор. — Доволен я.
Но что, скажите не тая,
Вас привело, мой друг, сюда?
— Учила мать меня всегда
Искать людей достойных всюду,
Просить советов, коим буду
Я следовать, как и урокам.
К успеху — по таким дорогам!»
Сеньор ответил: «Милый брат,
Благословенна будь стократ
Мать ваша за советы эти.
К чему стремитесь вы, ответьте?
— Стремлюсь. — К чему? — Меня примите,
Гостеприимство окажите.
— Охотно, только при условье
Пообещать, не прекословя,
Исполнить то, что попрошу.
Себя поздравьте — приглашу.
— В чём просьба? — Следовать советам
И мне довериться при этом.
— Клянусь Творцом. — С коня сойдите».
Один из тех, что были в свите,

Взял скакуна за ремешок,
Другой доспехи снять помог.
Так он остался в той одежде,
Что мать ему вручила прежде —
В опорках, в куртке из оленя.
Сеньор, забрав без промедленья
Стальные шпоры у него[34],
В них на коня сел своего;
Повесил меч на портупею,
Копьё взял в руки с речью сею:
«Приспело вам освоить, друг,
Начала боевых наук
И поучиться у меня,
Как шпорить, сдерживать коня
И как орудовать копьём».
Затем с развёрнутым флажком
Он показал ему примером,
Как щит держать, таким манером
Заставив сдвинуться вперёд,
Чтобы щитом касался тот
Волос на лошадиной шее,
Копьё в крепленье вдел скорее
И принял в шпоры скакуна.
Сто марок скакуну цена:
Коня не встретите покорней,
Сильней, стремительней, проворней.
Сеньор с завидным мастерством
Владел щитом, копьём, конём,

Ведь с детства приобрёл уменье.
Юнец смотрел в благоговенье.
Маневры подведя к концу,
К заворожённому юнцу
Подъехав с поднятым копьём,
Спросил он: «Так же ль со щитом,
С копьём справляетесь, как я?
Так направляете коня?»
С восторгом тот на речи эти —
Мол, он ни дня б не жил на свете,
Владений бы не пожелал,
Пока б всё это не познал.
«Тому, что делать не умеешь,
Научишься, когда имеешь
Охоту трудности сносить, —
Стал дворянин его учить. —
Чтоб удостоиться наград,
Усилья, воля, зоркий взгляд
Приблизят достиженье цели[35].
Но вы не видели доселе
Такого рода упражнений
И не заслужите хулений,
За то, что вам они впервой».
Он спешился, а молодой
Тотчас схватил копьё и меч
С решимостью героя сеч
И завсегдатая турнира,
Как будто он все страны мира

Проехал в жажде авантюры.
Но это — щедрый дар Натуры.
Когда в наставниках она
И сердце трудится сполна,
Успехов быстро достигают:
Природа с Сердцем помогают[36].
Усилья были не бесплодны,
Так что наставник благородный
Доволен был учеником.
Подумал он: когда б знаком
Был сызмальства с наукой бранной
И упражнялся б непрестанно,
Он многого уже б достиг.
Урок исполнив, ученик
С копьём к наставнику идёт.
Держа копьё, как делал тот,
Спросил: «Сеньор, а всё ли ладно?
С моим оружием я складно
Здесь обращался иль всё зря?
Досель, по правде говоря,
Узреть и не мечтал такого,
Но я хочу владеть толково
Оружием, как вы, точь-в-точь.
— Ну что ж, мой друг, коль вы не прочь,
Всему обучитесь, не бойтесь.
Вы ни о чём не беспокойтесь».
В седло садился троекратно,
Юнцу показывал наглядно

Три раза он приёмы сеч,
Чтоб тот копьё, коня и меч
Как следует теперь освоил.
Когда урок его устроил,
Спросил он юношу: «Мой друг,
Что делать будете, коль вдруг
Вам рыцарь встретится в дороге
И нападёт на вас в итоге?
— Его в ответ ударю я.
— Вдруг пополам древко копья?
— Тогда на этот крайний случай
Мне кулаками биться лучше.
— Нет, не поступит рыцарь так.
— А как же надо? — На мечах
Сразитесь с ним, держитесь правил».
Тут он копьё пред ним поставил,
Желая преподать урок,
Чтоб он владеть оружьем мог
И знал отлично, как сражаться,
Как от ударов защищаться,
Коль атакует вражий меч,
Как в нужный миг разить и сечь.
Закончив, меч свой взял он в руки:
«Вот по такой, мой друг, науке
Сражайтесь, коли нападут».
Но молвил юноша: «Сей труд
Я знаю лучше всех людей,
Ведь в доме матушки моей

Пробил до ста щитов и чучел,
Чем уж себя не раз измучил.
— Раз так, в свой дом вас приглашу.
Идёмте, милости прошу,
Что бы ни думали о том,
Вам будет искренний приём».
Тогда пошли они бок о бок,
И молвил юноша, неробок:
«Мессир, учила мать моя,
Чтоб в обществе чужого я,
Не зная имени его,
Не пребывал, и оттого,
Коль мудро я воспитан ею,
Знать ваше имя вожделею».
«Мой друг, — сказал благой сеньор, —
Зовусь я Горнеман де Гор»[37].
Держась за руки, в ту минуту
Они приблизились к приюту.
Пред лестницей слуга стоял,
Короткий плащ в руках держал.
Его на юношу надел,
Чтоб тот, кто сильно пропотел,
Поскольку так разгорячился,
Не захворал, не простудился.
А рыцарь проживал в палатах
Больших, просторных и богатых,
Где было челяди полно.
Уж стол накрыт, на нём вино

И яства тонкие стояли.
Как руки вымыли, вначале
Хозяин гостя усадил,
Сам рядом сел и положил
С ним вместе из одной есть миски[38].
К чему описывать изыски
Тех блюд, что подавались там?
Лишь об одном отчёт вам дам:
Наелись и напились вволю.
Когда пришёл конец застолью,
Хозяин (вежлив, куртуазен)
Спросил, а будет ли согласен
С ним месяц юноша пожить
Иль даже год здесь погостить,
Придись лишь то ему по нраву.
А примет он его на славу,
Всему обучит в должный срок,
И всё ему послужит впрок.
«Мессир, — ответил гость сеньору, —
Не знаю, где я в эту пору
И далеко ли мать моя,
Но Бога умоляю я
Меня к ней привести скорее.
Я видел, как она, бледнея,
Без чувств упала у моста.
Жива ли? Знаю, что спроста
Ей причинил я горя много,
Её оставив у порога.

В её здоровье не уверен,
Гостить у вас я не намерен —
И завтра на рассвете в путь».
Тот не настаивал ничуть,
Беседа кончилась на том,
И оба спать пошли молчком:
Постели были уж готовы.
Как только день зачался новый,
Сеньор пошёл его искать.
Он спал ещё, ему в кровать
Велел подать он одеянье:
Слуга принёс из тонкой ткани
Рубашку; красные штаны
С туникой алою даны
Изысканной индийской ткани.
Велел нести он одеянье,
Чтоб тот переодеться мог,
И так затем ему изрёк:
«Мой друг, наряд наденьте новый,
Коль доверять вы мне готовы.
— Сеньор, — юнец ему в ответ, —
Могли б и лучше дать совет.
Одежду, что мне сшила мать,
Как можно с этою равнять?
А мне надеть её велите?»
Сказал сеньор: «О нет, простите,
Клянусь главой, сие бесценно,
Но мне клялись вы, несомненно,

Когда в жилище шли моё,
Что делать будете вы всё
Согласно моему указу».
«Будь так, — тот согласился сразу, —
Наперекор вам не пойду».
И быстро облачившись в ту,
Одежду материну скинул.
Сеньор склониться не преминул
И шпору прикрепил ему.
Так по обычью одному:
Кто в рыцари возвёл кого,
Наденет шпору на него[39].
Здесь было юношей немало,
И всяк во что бы то ни стало
Спешил помочь его облечь.
Затем сеньор взял добрый меч
И прикрепил к его бедру,
Поцеловал и по добру
Сказал, что посвящает ныне
Его в ранг рыцаря, святыней
Дающийся от Бога нам,
Где места нет лихим делам.
И он добавил: «Милый друг,
Коль выпадет на долю вдруг
Вам биться с рыцарем, в бою
Науку помните мою.
Коль будет вами верх одержан,
Так что противник иль повержен,

Иль защищаться не силён,
И о пощаде просит он,
С ним расправляться не стремитесь,
И вместе с тем остерегитесь
Болтать, рассказывать везде,
Язык свой не держа в узде.
Кто где ни попадя толкует,
Клеветником прослыть рискует.
И потому нас учит умный:
Впадает в грех болтун бездумный.
Мой вам совет: поменьше слов.
Ещё просить я вас готов:
Коль повстречаете вы где
Девицу, даму ли в беде,
Придти на помощь к ним спешите,
Тогда вы благо совершите,
Как нам велят и долг, и честь,
Коль знанье и возможность есть.
Ещё остерегу вас ныне
Я от греха слепой гордыни.
Охотно посещайте храм,
Создателя просите там,
Чтоб душу вашу он призрел
И облегчил земной удел
Как доброму христианину».
Юнец ответил дворянину:
«Храни вас римские святые,
Благой сеньор, слова такие

Как речи матушки моей.
— Друг, воздержитесь от речей
О том, что мать учила вас
И что дала такой наказ.
За всё говоренное прежде
Не упрекаю вас в надежде,
Что вы не повторитесь впредь.
Сие прошу уразуметь,
Ведь продолжая в том же духе,
Дурные породите слухи,
Безумцем посчитают вас.
Переменитесь, в добрый час!
— И что сказать мне, господин?
— Скажите, что вассал один,
Надевший шпору вам на ногу,
Всё объяснил вам на дорогу».
И тот поклялся: никого
Не назовёт опричь него,
Так он воспринял наставленья.
Дав юноше благословенье,
Хозяин длань над ним простёр
И молвил: «Дорогой сеньор,
Храни вас Бог, и пусть в пути
Он будет впредь вас так вести,
Чтоб вы не ведали препоны».
Тут рыцарь новоиспечённый
Его покинул в нетерпенье
Вернуться в матери владенья

И убедиться, что она
Жива и здравия полна.
И углубился в лес дремучий.
Распознавал дорогу лучше
Он средь лесов, чем средь равнин.
И видит: замок-исполин
Вознёсся, укреплённый, чудный.
Вкруг стен его лишь дол безлюдный[40]
Да хлябь морскую рыцарь зрит
И к замку мощному спешит.
Он встал пред дверью, что в стене,
Но прежде чем пробраться к ней,
Необходимо минуть мост.
Столь шаток он, что путь непрост —
Едва ли удержаться можно.
На мост взошёл он неоплошно,
И без каких-либо потерь,
И оказался там, где дверь.
Он понял: заперта на ключ.
И постучал, был стук могуч.
Вскричал, ответа ожидая.
И вскоре, бледная, худая,
У зала главного окна
Явилась девушка одна.
Она спросила: «Кто стучится?»
Подняв глаза, узрев девицу,
«Подруга милая, — он рек, —
Я рыцарь и ищу ночлег,

Прошу позволить мне войти
И ночь здесь гостем провести.
— Вы всё получите сейчас же,
Хоть не по доброй воле нашей,
Но сделаем, сеньор, что можем,
Дадим приют вам с мягким ложем».
На том она ушла, а он
Пред дверью ждать был принуждён
И опасался: не пришлось бы
Стучать, возобновляя просьбы.
Но тут с секирами у шей
Явились четверо людей —
Мечи у пояса — засим
Дверь отворили перед ним,
Сказав ему: «Сеньор, входите».
Иначе шел бы ход событий,
Они помчались бы верхом,
Но в испытании лихом
От голода и тяжких дней
Казались мертвеца бледней.
И если видел рыцарь наш
Вне стен безжизненный пейзаж,
То и внутри не лучше было:
Где проезжал, везде уныло,
Дома заброшены, в руинах,
Тоска на улицах пустынных,
И он не встретил никого.
Две церкви города того

Принадлежали двум аббатствам:
Одно известно пустосвятством,
Другое — для безумных дам.
1760 И не найти убранства там,
Нет драпировки на церквях,
А стены в дырах и щелях,
И колокольни там не крыты,
1764 Все помещения открыты
И днём и ночью всё равно.
Нет мельниц, чтоб молоть зерно,
И нет за стенами снаружи
1768 Печей, чтоб делать хлеб к тому же,
И за денье не купишь ты
Там хлеба иль иной еды.
Дела в том городе, знать, плохи:
1772 Нет вин, зерна и хлеба крохи,
Нет сидра, пива — ничего.
Четыре воина его
К дворцу, что глиной крыт, приводят,
1776 Отдав оружье, рыцарь сходит.
По лестнице, ведущей в зал,
Слуга приветливый сбежал
С накидкой серой[41]; не преминул,
1780 Её на рыцаря накинул.
Его коня слуга другой
Отвёл в конюшню на постой
И дал зерна довольно скудно,
1784 Ведь с этим в доме было трудно.

Другие слуги из дворца
Ввели по лестнице юнца
В покой торжественный, в котором
Предстал он знатным двум сеньорам
И деве, пребывавшей с ними.
Сеньоры были не седыми,
А поседевшими слегка.
Когда б ни беды, ни тоска,
В них был бы духа, сил расцвет,
Как в пору первых зрелых лет.
Но дева мнилась элегантней,
И грациозней, и нарядней,
Чем ястреб или попугай.
И золото, и горностай
Её накидку и блио,
Темно-пурпурные равно,
Украсили каймой особой,
Тогда как серый, черный соболь,
Что не широк, не длинен был,
Накидки ворот обрамил.
Коль рассказать я должен буду
О красоте, подобной чуду,
Что женщине дарует Бог,
Сейчас бы сделать это мог,
От истины не отступая:
Власы струились, ниспадая,
И можно было заключить,
Чего совсем не может быть,

Что это злато пробы чистой,
Тончайшей ковки — так лучисты.
Высокий лоб покат слегка,
Его не скульптора ль рука
Из камня, древа ль иссекла?
Смоляна бровь вразмёт легла,
А лик очами озарялся,
С живинкой взгляд её смеялся,
И были очи чуть враскос.
Как линия, прямой был нос.
На лике роза с белизною
Так сочетались меж собою,
Что пурпур на сребре тусклей.
Чтоб завораживать людей,
Создал Всевышний это чудо.
И никогда ещё покуда
Он не творил такого дива.
Войдя, приветствовал учтиво
Девицу рыцарь, та — его,
И так же гостя своего
Приветствовали господа.
За руку взяв его тогда,
«Сеньор, — красавица сказала, —
Гостеприимство наше мало
Достойно будет вас, увы,
И если уж слыхали вы
О нашем положенье нищем,
Быть может, вы сочли, что ищем

Любого повода сейчас,
Как бы избавиться от вас.
Но если соблаговолите,
Всё ж в нашем доме погостите,
Пошли вам Бог счастливых дней».
Тут он последовал за ней
В покой красивый и просторный,
В котором потолок узорный.
Там сели на кровать вдвоём
На покрывале шелковом.
Четыре рыцаря (затем
Их стало пять, и шесть, и семь)
Вошли в покой и осмотрелись,
Безмолвно группами расселись,
Смотря на гостя молодого,
Не обронившего ни слова.
Не начинал он разговор,
Блюдя совет, что дал сеньор.
А тем пришлось лишь удивляться,
И стали рыцари шептаться:
«Мой Боже, — каждый произнёс, —
Я задаю себе вопрос,
А не немой ли рыцарь юный?
Прискорбно было б, ведь в подлунной
Других таких не повстречать.
Моей он даме так под стать,
Как та ему. Была б чета,
Когда б не эта немота!

И тот пригож, и та красива,
И пары не было на диво,
Чтоб так друг другу подошла».
И все сочли, что создала
Их друг для друга Божья воля,
И не бывать им порознь боле.
Любой, кто в комнату пришёл,
Об этом только речь и вёл.
Ждала девица что есть сил,
Чтоб с нею он заговорил,
Но наконец ей стало ясно,
Что будет он сидеть безгласно,
Не положи она начала,
И дева дружески сказала:
«Сеньор, отколь ваш путь лежит?
— Девица, — рыцарь говорит, —
Гостил я в замке, где, радушный,
Сеньор живет великодушный.
Прекрасных башен в замке пять,
Одна всех больше, но назвать
Я не могу частей всех зданья,
Как и твердыни той званье,
Я знаю только, что сеньор
Зовётся Горнеман де Гор».
Она в ответ: «Ах, друг прелестный,
Всё вы поведали чудесно,
Как куртуазность нам велит.
Пусть Царь небес вас наградит.

Сеньор тот, правда, благороден,
И мне такой ответ угоден,
Всё так, святым Рикье клянусь[42],
То подтвердить не затруднюсь,
Ведь я племянница его,
Но с ним не виделась давно.
Он благороден безупречно,
И не встречали вы, конечно,
В дороге ласковей приём,
Ведь он настаивал на том,
Чтоб принимать гостей радушно,
Богато и великодушно,
Как то предписывает честь.
А здесь осталось пять иль шесть
Хлебов, отправленных мне дядей,
Священником, что благодати
Причастен святостью души.
Вина варёного кувшин[43]
На ужин припасён последний,
И есть косуля, что намедни
Убита стражником моим».
Накрыть столы велит засим.
Столы накрыли, сей же миг
Все сели ужинать за них,
Был ужин кратким и не сытным,
Но показался аппетитным.
Закончив, разошлись все вскоре.
Кто прошлой ночью был в дозоре,

Те спать идут; при свете звёзд
Те, у кого сегодня пост,
К охране города спешат.
Числом их было пятьдесят,
Конюших, рыцарей-дозорных.
Меж тем усильем слуг проворных
Устроен гость был как пристало:
И простыни, и покрывало,
Подушки — всё принесено
И рыцарю отведено.
Роскошно убранное ложе
Он получил тогда, но всё же
За исключением того,
Чем усладить могла его
Та, что его очаровала,
Когда б ему принадлежала,
Или другая. Только он,
Ещё невинный, в сладкий сон
Пал, как ребёнок, беззаботно.
Но запершись в покоях плотно,
Меж тем хозяйка не спала,
Она встревожена была,
Ведь не на кого положиться
В той тягостной войне, что длится
И начата против неё.
Вертелась, вскакивала всё,
Страдая тихо в одиночку.
Надев на белую сорочку

Из багряницы плащ, она,
Отваги, мужества полна,
Отправилась за приключеньем,
А вовсе не за развлеченьем:
Решила к юноше попасть
И рассказать ему хоть часть
Того, что так её терзало.
Вот со своей кровати встала,
Из спальни вышла госпожа,
От страха плача и дрожа
Так, что дышала еле-еле;
Вот подошла она к постели,
Где видел гость десятый сон.
Был громок всхлип её и стон.
Пред ним колени преклонив,
Она взрыдала, оросив[44]
Герою всё лицо почти,
Но дальше не могла идти
И разбудила гостя плачем.
Тот был немало озадачен,
Лишь ощутив, что влажен лик,
И он узрел её в тот миг,
Та обняла его за шею
Со всею страстностью своею,
И так же он её обнял
И к персям ласково прижал,
Спросив её: «О чаровница,
Чего хотите вы, девица?

Почто я здесь вас нахожу?
— Ах, сжальтесь, рыцарь, вас прошу
Во имя и Отца и Сына,
Не осуждайте беспричинно
Меня за то, что к вам пришла я.
И если я почти нагая,
То не из помыслов срамных
Или намерений дурных,
А просто нет на свете боле
Печальней, тягостнее доли,
Чем та, что пала на меня,
И нет покоя мне ни дня.
Скорблю, страдаю всякий день я,
Нет никакого исцеленья,
И столь судьба ко мне сурова,
Что не увижу ночи новой
И послезавтрашнего дня —
Умру, сама себя казня.
Здесь из трехсот и десяти
Мужей, способных бой вести,
Осталось только пятьдесят,
Поскольку двести шестьдесят
Врага лихого жертвой стали
Ангигеррона, сенешаля[45]
Сеньора Кламаде де Иль[46],
Он тех убил, тех заточил.
Печалюсь я о заточённых
Не меньше, чем об умерщвлённых,

Ведь знаю, что убьют их тоже,
Они не выйдут на свет Божий.
Из-за меня пасть многим смелым,
А мне отчаянье уделом.
Пришлось терпеть осаду нам
Всю зиму, лето, только сам
Ангигеррон не появлялся,
А вражий сонм всё разрастался,
Всё меньше становилось нас,
И до того иссяк припас,
Что и пчеле здесь нет еды.
Так туго нам от сей беды,
Что если Бог нам не поможет,
Наш замок завтра же, быть может,
Во власть злодею попадёт,
И нам не отстоять оплот.
Захватят замок — быть в плену мне,
И потому всего разумней
Убить себя, а там пускай[47]
Он завоёвывает край.
Мнит Кламаде меня своей,
И он получит, но, ей-ей,
Моё безжизненное тело.
Кинжал из тонкой стали белой
Я в тайном ларчике держу,
Себя им в сердце поражу.
Всё рассказала я на совесть,
Теперь уйду, закончив повесть,

Чтоб отдохнули до утра вы».
И рыцарь наш достигнет славы,
Коль будет храбрым, он готов,
Ведь не придёт девица вновь
Лить слёзы у его лица —
Всё рассказала до конца,
Чтобы вдохнуть в него желанье
Пойти на это испытанье,
Лишь храбрость в сердце он приемли,
Чтоб защитить её и земли.
«Подруга, — рыцарь говорит, —
Пусть вас улыбка озарит,
Утешьтесь, больше не грустите,
Ко мне поближе подойдите,
Не плачьте, слёзы здесь излишни.
Вас завтра наградит Всевышний
Судьбой счастливей, чем досель.
Ложитесь-ка со мной в постель,
Что широка и для обоих,
Пробудьте ночь в моих покоях».
И та: «Раз вам по нраву сё,
Будь так». Он лобызал её,
Прияв в объятия свои,
А после с нежностью любви
Укрыл девицу тёплой тканью.
Та не противилась лобзанью —
Ей не понравилось едва ли.
Они бок о бок пролежали,

Рука в руке, уста в уста,
Всю ночь, покуда день не встал.
Она изведала украдкой
Всю прелесть сна, в котором сладко,
Устами, дланями сплетясь.
В свои покои возвратясь,
Она оделась спозаранок
Сама, без помощи служанок,
Чтоб никого не разбудить.
А стражи стали приходить
И воинам, что ночью спали,
Велеть, чтоб с лож они вставали.
Так поднялись все на заре.
А госпожа о той поре,
Не медля, к гостю устремилась.
«Сеньор, — учтиво обратилась, —
Пошли вам Бог удачных дней,
Ведь знаю я всего верней,
Что вам недолго оставаться,
В дорогу нужно собираться.
Смирилась я, пора вам в путь.
Любезным не было б отнюдь
Мне дальше речь о том вести,
Ведь здесь вы не нашли почти
Ни удовольствия, ни нег.
Пусть вам Господь пошлёт ночлег
В приюте лучшем, где б вы боле
Нашли вина и хлеба-соли,

Чем всё, что получили здесь».
И тот ответил: «Но не днесь
Пущусь я к новому постою,
Сперва я мир у вас устрою,
Коль будет то под силу мне.
Встреть я врага у вас в стране,
Я спуску не дал бы ему,
И не печальтесь посему.
Но коль его убить смогу я,
Прошу награду я такую:
Отдайте мне любовь свою,
Иных желаний не таю».
Не без кокетства та сказала:
«Вы просите ничтожно мало,
Награда в сущности пустяк,
Отказ же будет принят как
Гордыни грешной проявленье.
Вот потому и возраженья
Вы не услышите в ответ.
Однако не просите, нет,
Меня подругой вашей стать
На том условье, что отдать
Вам жизнь из-за меня придётся.
То слишком горько, мне сдаётся.
Природа, возраст, верьте мне,
Вам не позволят на войне
Противостать врагу такому,
Воинственному и лихому,

Как мощный рыцарь, что снаружи.
И поединок с ним к тому же
Вы не осилите, увы.
— В обратном убедитесь вы, —
Ответил рыцарь, — я как раз
Собрался биться с ним сейчас,
Меня б вы не отговорили».
Одним притворством просьбы были,
Ведь запрещала то, чего
Сама хотела от него.
Таим желанья мы порой,
Как только видим, что другой
Готов на всё, чего хотели,
Тем самым достигая цели.
Она в уловке преуспела,
Ведь то внушить ему сумела,
На что дала запрет ему же.
Велел он принести оружье.
Подав коня, открыли дверь.
И вот с их помощью теперь
Он, облачённый, сел в седло.
Все беспокоились зело,
Твердя: «Сеньор, храни вас Бог,
Пошли Он горестный итог
Ангигеррону-сенешалю,
Что мучит нас такой печалью».
С рыданьем весь честной народ
До самых врат его ведёт.

И увидав о той поре,
Что рыцарь был уж на дворе,
Вскричали громко все окрест:
«Благой сеньор, пусть истый Крест,
Приявший отпрыска Господня
По Отчей воле, вас сегодня
От гибели, тюрьмы хранит,
От всех напастей защитит,
В надёжном месте вас укроет
И добрым кровом удостоит,
Чтоб быть вам в счастье и красе».
Так за него молились все.
Бойцы, что город осаждали,
Его увидев, указали
Ангигеррону на него.
Тот у шатра у своего
Сидел, уверенный, что ныне
До ночи он возьмёт твердыню,
Что нет таких во всём краю,
Кто б с ним померился в бою.
Поэтому он шоссы снял.
А в войске каждый уповал
Завоевать и замок сильный,
И вместе с ним весь край обильный.
Его заметив после всех,
Ангигеррон, надев доспех,
Подъехал рысью на коне,
Дородном, сильном скакуне,

К нему с вопросом: «Что здесь рыщешь?
Зачем пришёл и что здесь ищешь,
Войны иль мира, молви мне?
— А ты что ищешь в сей стране?
Зачем убил ты, отвечай,
Здесь многих рыцарей, а край
Разграбил низменно и дерзко?».
Ответил рыцарь гневно, резко:
«Я замок покорить хочу,
Ещё донжон я захвачу,
Что взять не мог и по сю пору,
А деву — моему сеньору.
— Какая наглость! — рек юнец, —
Будь проклят молвивший наглец,
И от всего, что ищешь здесь,
Придётся отказаться днесь».
Ангигеррон ему: «Поди-ка!
Клянусь Отцом, Святым Владыкой,
Что очень часто платит кто-то
И без вины за грех кого-то».
Юнцу не по нутру сиё,
Он выставил копьё своё,
И рыцари схватились сразу,
Не обронив притом ни фразы.
Из ясеня, их копья прочны,
Имеют наконечник мощный,
Весьма удобные древки.
Летучи кони; седоки

Отменной силой отличались,
Взаимным гневом распалялись.
Удар. Щиты расселись вмиг,
И копья треснули у них.
Свалились оба с сёдел в прах,
Но вскоре снова на конях
Сражаются, храня молчанье,
И ярость в них сродни кабаньей.
Удары нанесли друг другу
В щит и в железную кольчугу
Столь быстро, сколь позволил конь.
С их силой ярости огонь
Смешался так, что копья в щепы.
Упал Ангигеррон свирепый,
Он ранен в руку был и бок
И от мучений изнемог.
Противник спешен, на земле.
Поняв, что кончен бой в седле,
Он меч свой вытащил и с ним
Атаковал, несокрушим.
Я и не знаю, как измыслить
Бой описать, как перечислить
Все нападенья, все удары,
Но бой был долгий, жаркий, ярый.
И вновь Ангигеррон упал.
Противник с гневом наступал,
Чтоб тот пощады запросил.
Сначала рыцарь возгласил,

Что о пощаде нет и речи,
Однако вспомнил недалече
Наставника благой наказ:
Он убивать не должен, раз
Противник у него во власти —
Бой выигран и не отчасти.
А побеждённый молвил вдруг:
«Не будьте так жестоки, друг,
Чтобы ко мне не ведать жалость.
Я признаю, что вам досталась
Победа полная в бою.
Ты храбрый рыцарь, признаю,
Твоя же слава не такая,
Чтоб каждый, нас обоих зная,
Но не присутствуя на бое,
В тебе увидел бы героя,
Способного меня убить.
Но если б мог я подтвердить,
Что ты меня низвергнул в прах
В бою, с оружием в руках,
Перед шатром, людьми моими,
Поверят мне, твоё же имя
Так разнесут на целый свет,
Что выше не было и нет.
И коль сеньора ты слуга
И перед ним за все блага
Имеешь долг, то рассуди,
Меня к сеньору отряди,

И я тотчас к нему отправлюсь
И от тебя ему представлюсь
Как пленник твой, скажу ему,
Что, мол, готов я ко всему,
Что только твой сеньор мне скажет,
Считая благом, мне прикажет».
И юноша: «Будь проклят тот,
Кто большего просить дерзнёт.
Дорогу ведаешь уже?
В тот замок к даме-госпоже,
Моей подруге. Скажешь ей,
Что впредь и до скончанья дней
Не навредишь ничем ей боле,
Затем её предашься воле
Беспрекословно, навсегда».
А тот: «Убей меня тогда,
Зане она б меня убила,
Ведь, знай, ничто ей так не мило,
Как смерть, мучение моё.
Я видел смерть отца её,
Ей много горя причинил,
Всех рыцарей её лишил,
Пленяя тех, а тех казня.
Фатальным будет для меня
Томиться у неё в неволе,
Мне не измыслить горшей доли.
К иной подруге или другу
Пошли меня, тебе услугу

Я окажу и, может быть,
Не станут там мне зла чинить,
А от неё лишь смерть приму».
Тут юноша велел ему
К его наставнику пуститься,
Поведал, как зовётся рыцарь,
И лучше каменщика он
Устройство замка, мост, донжон,
И башню каждую, и вал,
И стены замка описал
Столь хорошо и столь умело,
Что рыцарь понял: плохо дело,
Ведь в самый ненавистный край
Его отправят невзначай,
Где лишь тюрьму ему присудят.
«Сеньор, никто мне рад не будет
В краю, куда идти велишь мне.
Ты шлёшь туда, спаси Всевышний,
Где давний враг мой — господин.
Однажды брат его один[48]
Пал в битве от моей руки.
Ты лучше жизнь мне пресеки,
Но не вели туда стремиться,
Иначе с жизнью мне проститься.
— Клянусь я честью, — тот ему, —
К Артуру ты пойдёшь в тюрьму
И поприветствовав его,
От имени от моего

Попросишь посмотреть на деву.
Кей-сенешаль, предавшись гневу,
Её ударил за смешок,
Что у неё я вызвать смог.
Став узником о той поре,
Ты скажешь всем, что при дворе
Я ни за что не появлюсь,
Пока отмщеньем не упьюсь»[49].
Ответил рыцарь: не иначе
Как должно справится с задачей.
Помчался в замок победитель;
В тюрьму собравшийся воитель
Велел знамёна опустить,
Осаду замка прекратить —
Вот ни брюнетов, ни блондинов.
А люди, замок свой покинув,
Встречали рыцаря у врат,
Но сожалел и стар и млад,
Что он врага не обезглавил
И головы им не доставил.
Но всё же люди ликовали,
С защитника оружье сняли,
Покинуть стремя помогли.
«Сеньор, почто — они рекли, —
Вы головы Ангигеррона
Нам не отдали благосклонно?
— Клянусь я честью, — им герой, —
Быть может, плох поступок мой,

Ведь много ваших им убито.
Не будь он под моей защитой,
Из вас любой мне поперёк
Его на гибель бы обрёк,
Но если милость не явлю
Я к побеждённому в бою,
То буду подлою натурой.
И знайте: пленником Артура,
Как я велел, он стать намерен,
И станет, коли слову верен,
А он мне дал его как раз».
И вышла девушка тотчас,
Она от радости цвела,
В покои рыцаря ввела,
Чтоб дать ему отдохновенье.
Он, получивши дозволенье,
Лобзал и обнимал её.
Забыв про пищу и питьё,
Так целовались, обнимались
И нежно, ласково шептались.
А Кламаде был убеждён,
Что вот захватит замок он.
Слугу он встретил по дороге.
В глубокой скорби и тревоге
Тот передал худые вести
О сенешалевом бесчестье:
«Сеньор мой, Боже, дело плохо», —
Он так сказал и не без вздоха

Стал рвать-терзать власы свои.
«Так что случилось, объяви?»
Юнец на это Кламаде:
«Ваш сенешаль теперь в беде:
В бою поверженный, понуро
Идёт он в пленники Артура.
— Как всё случилось, расскажи,
Кто сделал это, укажи.
Откуда рыцарь тот пришёл,
Что в поединке поборол
Столь доблестного паладина?»
Юнец заверил господина:
«Сеньор, кто рыцарь тот, не вем,
Я только видел перед тем,
Как Борепер он покидал[50],
Доспех на рыцаре был ал.
— И что мне делать, посоветуй! —
Тот вне себя воскликнул это.
«Сеньор, коль вы за ним пойдёте,
Вы ничего не обретёте».
Тут вышел рыцарь в сединах,
У Кламаде он был в вождях,
И молвил: «Плох юнца совет,
И никакой в нём пользы нет.
Советам следуйте разумным,
Обдуманным, а не бездумным,
Иначе глупость совершите.
Напротив, сир, вперёд спешите.

Извольте же уразуметь,
Как вы могли бы овладеть
И рыцарем, и замком оным.
Всё будет ясным и резонным,
И вы увидите тогда,
Как это сделать без труда.
Нет в Борепере ни питья,
Ни провианта, знаю я,
Защитники все ослабели,
А мы сильны и в здравом теле,
Не знаем голода и жажды.
Коль осаждённые однажды
Предпримут вылазку и бой,
Мы сдержим натиск их любой,
Себя победою прославим.
Мы двадцать рыцарей поставим
Перед вратами, чтоб сдержать их,
А рыцарь, держащий в объятьях
Свою подругу Бланшефлёр,
Отважится на бранный спор,
Да только будет не по силам —
Он станет узником унылым,
Умрёт, не получив подмоги
От тех, кто чахлы и убоги.
А целью наших двадцати
Их отвлекать, чтоб подойти
И чтоб нагрянуть нам нежданно
И одолеть их невозбранно.

В долине мы их взять должны,
Напав с обратной стороны».
И Кламаде: «Даю согласье
На предложенье в одночасье.
Моя дружина — мой оплот,
Здесь рыцари числом пятьсот,
Оснащены, все при оружье,
Есть тысяча бойцов к тому же,
Легко мы сломим остальных».
Он двадцать рыцарей своих
У врат поставил при знамёнах.
Увидели из замка оных —
Врата открыли, как велел
Защитник их. Он, гневен, смел,
На рыцарей пустился тех,
Атаковал он сразу всех.
Тот, кто хоть раз им был разим,
Уже не думал, что пред ним
Юнец, не искушённый в схватке.
На шкуре собственной в миг краткий
Всяк мощь копья его познал:
Кого он в перси поражал,
Кого — в живот, кого — в десницу,
Четвёртому сломал ключицу,
Тот свален с ног, тот пал пронзённым.
Передавал он осаждённым
И узников и их коней,
И то желанный был трофей.

Но видят войско: как лавина,
Оно к ним хлынуло долиной,
А рыцарей пять сотен в нём,
Бойцов же тысяча притом.
Все площадь заняли большую
И шли к воротам напрямую,
Меж тем открыты были двери.
Увидев многие потери,
Что их соратники несли,
Они к воротам потекли
Все сразу, гневаясь и злясь,
Рядами тесными сойдясь.
Защитники собрались в строй,
Чтоб встретить натиск их лихой,
Не дать приблизиться к воротам,
Но были слабы, скудны счётом,
А те имели подкрепленье
Из воинского ополченья —
Сопротивляться не смогли
И в стены замка отошли.
Над входом лучники стояли
И все без промаха стреляли
В бойцов, штурмующих оплот.
Дорогу прямо до ворот
Один отряд проторил силой
Одним рывком. Не тут-то было:
Защитники низвергли дверь.
Несдобровать врагам теперь —

Громада тяжестью своей
Убила всех, кто был под ней.
Для Granted Кламаде нет зрелищ жутче:
Утратил он отряд свой лучший
Под этой дверью подвесной.
Он ждал снаружи, сам не свой,
И соблюдал предосторожность,
Ведь смерть могла повлечь оплошность.
Но тот, чьи слушал он советы,
Сказал: «Сеньор, не диво это,
Что человеку не везёт,
Ведь счастье ль, беды нам даёт,
Известно, промысел Господний.
Лишились многих вы сегодня,
Но всяк святой в свой праздник чтится.
Пришлось вам рыцарей лишиться,
Гроза обрушилась на вас.
И пусть за ними верх сейчас,
Но вскоре сдастся замок слабый.
И вырвите мне очи, кабы
Он простоял хотя б пять дней!
Вы и донжон возьмёте сей,
И выйдут все вам покориться,
Коль вы решите согласиться
Сегодня-завтра медлить здесь,
Достанется вам замок весь.
И хоть противилась упрямо,
Молить вас Богом будет дама,

Чтоб взять её благоволили».
Затем шатры они накрыли,
И все последовали им
И под шатром ещё одним
Как довелось расположились.
Защитники разоружились,
А рыцари, что взяты в плен,
Избегли уз, темничных стен:
С них взяли рыцарское слово
В плену остаться и худого
Чтоб не чинил из них никто.
На долю выпало им то.
В тот день свирепый ветер дул,
Он лодку на море столкнул,
Была она полным-полна
Припасов разных и зерна.
Господня милость порадела —
Она пристала к замку целой.
Её из замка увидали
И к морякам гонцов послали[51]
Спросить, откуда и куда
Плывут попавшие сюда.
И вот отправились посланцы
Спросить, откуда чужестранцы,
Куда плывут, чего хотят.
«Купцы мы, — те им говорят, —
И пищу возим для продажи:
Вино и окорок говяжий,

Свинину, солонину, хлеб
Для человеческих потреб».
Объяла радость бедолаг:
«Благословен Господь, всеблаг,
Примчал Он вас порывом ветра!
Добро пожаловать! Мы щедро
Заплатим всем, что только есть.
Сребра и золота не счесть
Получите вы за зерно,
Пришлём за мясо и вино
Вам слитков полную телегу[52].
Друзья, причаливайте к брегу,
Дадим и больше, коль нужда».
Работа спорилась тогда:
Торговля, купля всем в охотку,
Они опорожнили лодку
И в замок груз внесли затем
На радость осаждённым всем.
А как они узрели нёсших
Великий груз снедей хороших,
Легко мне можете поверить —
Восторгов было не измерить.
Тут не дремал никто: тотчас
Стряпня на славу началась.
А Кламаде, терявший время
Пред замком с рыцарями всеми,
Мог и немного подождать,
Ведь стало им еды хватать:

Вина, баранины, свинины,
Говядины и солонины.
Все повара в работе ловки,
И поварята для готовки
Поспешно разжигали печь.
А у юнца заботы с плеч —
С подругой нежился вольготно,
В объятья принят был охотно
И поцелуи ей дарил.
Их услаждал взаимный пыл.
А в главном зале уж не тихо,
Царила радость бурно, лихо,
Еда как наслаждений верх.
Старались поварята всех
Как должно рассадить в трапезной.
Как было тщанье их полезно!
Поев, все встали из-за блюд.
А Кламаде и присный люд
Тем временем пришли в расстройство.
Владело ими беспокойство
От вести, что враги сейчас
Еды восполнили запас.
Об отступлении рядили,
Мол, не достанет их усилий
Измором замок захватить,
Осада тщетна, стало быть.
Гнев Кламаде не ведал рамок,
Он отрядил посланца в замок,

Советоваться не хотел
И передать ему велел,
Чтоб Алый Рыцарь в новом дне
С ним встретился наедине
И на просторе без заминок
Вступил, коль сможет, в поединок.
Услышав это извещенье,
Пришла красавица в смятенье,
Но вести следовало внять,
Ответ без промедленья дать,
Ведь Кламаде ждал результата.
Старанья возросли двукраты,
И горю не было конца,
Но как остановить юнца?
Мужчины, женщины напрасно
Молили юношу согласно
Не выходить сражаться с тем,
Кто никогда ещё никем
Не побеждён был в бранной сече.
«Сеньоры, бросьте эти речи, —
Ответил он, — так лучше будет.
Ничто на свете не принудит
Меня от боя отступить».
Велел он просьбы прекратить,
И больше все просить не смели,
Затем направились в постели
И сон вкушали до утра.
Но всё ж печаль была остра

Из-за того, что их сеньор
Отверг молений жарких хор.
Подруга же всю ночь почти
2628 Его молила не идти,
А в праздной неге оставаться,
Ведь было нечего бояться
Ни Кламаде, ни войск его,
2632 Но не добилась ничего.
И это было очень странно,
А прибегала неустанно
И к обольщениям она,
2636 Была с ним ласкова, нежна,
Ключом любви стремилась к дверце,
Что у него таилась в сердце,
Но дверцу ту не отворить
2640 И друга не отговорить.
Напротив, он оружье просит,
И посланный слуга приносит
Его мгновенно, со всех ног.
2644 Затем в доспех его облёк.
И каждый был обеспокоен,
Скорбел, ведь этим был расстроен.
Царю царей их поручив,
2648 На скандинавского вскочив
Коня[53], что подвели ему —
А медлить было ни к чему —
Юнец умчаться не преминул
2652 И сокрушавшихся покинул.

Увидел Кламаде героя,
Что выехал на поле боя,
И мысль тотчас ему пришла:
Что если рыцарь из седла
Его намерен выбить живо?
Равнина гладка и красива,
Их только двое было там,
Ведь Кламаде своим бойцам
Пред тем рассеяться велел.
Всяк у седла копьё имел[54].
Итак, они столкнулись в брани
Без долгих слов, без пререканий.
Меч с ясеневой рукояткой,
Копьё у каждого — пред схваткой
Они пришпорили коней.
Отменны силою своей,
Ведомы ненавистью ярой,
Они столкнулись, от удара
Щиты растрескались у них,
И надломились копья вмиг
Так, что упали оба в прах.
Но миг один, и на мечах,
Поднявшись, пеши, биться стали,
Равно умением блистали.
Была б долга об этом повесть,
Когда б я вёл её на совесть,
Но не хочу себя гнести,
Ведь слово стоит двадцати.

Всё, наконец, так получилось,
Что сдался Кламаде на милость
Противника, всё принял он,
Как сенешаль Ангигеррон,
Ведь узником ни в коей мере
Стать не желал он в Борепере
И даже за всё злато Рима
Не согласился бы, вестимо,
Идти к достойному сеньору
В тот замок — загляденье взору.
Пообещал он, не юля,
В тюрьму Артура-короля
И передать посланье деве,
Которую, ударив в гневе,
Обидел злобный Кей до слёз.
Но за неё отмстить всерьёз
Хотелось рыцарю тому,
Коль силы даст Господь ему.
И, побеждённый, он клянётся,
Что завтра до восхода солнца
Всех тех, кто был здесь заточён,
Освободит немедля он.
И что до дней своих скончанья
Он будет прилагать старанья,
Чтоб этот замок защитить,
К нему врагов не подпустить;
Помимо этого всего,
Ни он, ни рыцари его

Впредь беспокойства не доставят
Девице той, что замком правит.
Так земли Кламаде вернул
И вместе с тем не обманул,
Распорядился дать свободу
В плену томимому народу.
Приказы, отданные им,
Тотчас исполнили засим,
И всем была дана свобода.
Минула узников невзгода,
Они с собой пожитки взяли,
Уж их в темнице не держали.
Сам Кламаде свой выбрал путь
И ехал не куда-нибудь.
Как ведомо из наших книг,
В те дни обычай был у них,
Чтоб рыцарь, узником назвавшись,
Одежду ту, в какой, сражавшись,
Он побеждён был, не снимал
И снаряженья не менял,
Чего-либо иль добавляя
Иль самовольно отнимая.
Приняв условья по закону,
Держал вослед Ангигеррону
Путь Кламаде в Динадарон[55],
Где был тогда Артуров трон.
А счастью не было границ,
Когда вернулись из темниц

Освобождённые от плена,
Томительного, несомненно.
В палатах рыцарских и в зале
Все веселились, пировали,
Забыв о тяжких прежних днях.
Меж тем в церквах, в монастырях
Во все колокола звонили,
Хваленья Богу возносили
Монашки и монахи там.
По улицам и площадям
Водили хороводы, пели,
А в замке шумное веселье
Сменило прежнее унынье,
Ведь не страшны враги им ныне.
Ангигеррон всё гнал коня,
А Кламаде через три дня
Был там, где прежде ночевал он,
И по следам, что оставлял он,
В Уэльс, в Динадарон, примчал.
Король Артур там двор собрал,
В просторном зале находился.
Вот Кламаде к нему явился,
Один, сполна вооружён.
Его признал Ангигеррон,
Что передал двору посланье,
Как только прибыл, в полном тщанье,
Не упуская ни детали.
Его здесь, впрочем, задержали,

Чтобы совет судил его.
Узрев сеньора своего,
Что алой кровью был покрыт,
Узнав его, он говорит:
«Сеньоры, чуду подивитесь!
В доспехах алых юный витязь
Прислал к вам рыцаря сего.
Сейчас вы видите его.
Он побеждён им, вероятно,
На нём я вижу крови пятна,
Они — свидетельство того,
И узнаю я самого:
Проехал к вам немало миль
Сеньор мой, Кламаде де Иль.
Во всей империи едва ли
Вы б мужа доблестней сыскали.
И лучший может быть в беде».
Двору представил Кламаде
Ангигеррон такою речью.
Друг другу бросились навстречу.
Итак, их встреча совершилась.
Всё в праздник Троицы случилось,
И королева за столом
Сидела рядом с королём
В кругу баронов и графинь,
И королей, и герцогинь.
По окончанье месс из храма
Вернулись рыцари и дамы.

Кей, сбросив плащ, прошёл чрез зал,
В руке он тросточку держал,
Из-под берета, белокуры,
Спускались пряди шевелюры.
Красивей рыцаря, чем он,
Не видел мир наш испокон,
Но красота его и слава
Теряли блеск от злого нрава.
На нём туника — чистый шёлк
Оттенков пёстрых, также шёл
Ему и пояс дорогой,
Что сделан мастера рукой,
Притом с отделкою богатой:
Застёжки, бляшки — всё из злата.
То помню хорошо весьма —
Гласит история сама[56].
Но встреч с ним каждый избегал,
Пока он шёл чрез этот зал.
Ведь было людям не по нраву,
Что он насмешек лил отраву,
За что был каждому несносен.
Будь весел он или серьёзен,
Всё выдавало злобу в нём,
И очевидную притом.
Его издевки, злые шутки
Так были гнусны всем, так жутки,
Что избегали с ним бесед.
Он минул зал и, подошед

К Артуру-королю свободно,
Промолвил: «Сир, коль вам угодно,
Пора приняться за жаркое.
— Оставьте, Кей, меня в покое,
Я так хочу. Ни я, ни двор
В великий праздник до тех пор,
Пока какая-нибудь весть
К нам не придёт, не станем есть».
Такая речь у них велась,
И прибыл Кламаде в тот час,
Чтоб объявить себя пленённым
Во всём своём наряде бронном:
«Храни Господь вас, добрый сир!
Таких владык не видел мир,
Что превзошли б вас хоть однажды.
О том свидетельствует каждый,
Кто слышал прежде хоть бы раз
О ваших подвигах рассказ.
Прошу вас выслушать меня,
Ведь сообщить вам должен я,
Хоть не легко мне, признаю:
Тот, кем повержен я в бою,
Меня послал сюда к вам сразу,
Чтоб, следуя его приказу,
Мне вашим узником назваться,
И мне пришлось повиноваться.
На спрос об имени его
Вам не отвечу ничего,

Одно могу сказать вам всё же:
Он в алых латах, и, похоже,
От вас их принял удалец.
— Друг, да хранит тебя Творец, —
Сказал король, — мне знать полезно:
Ты волен ли, скажи мне честно,
Здоров ли ты душой и телом?
— Сеньор, всё докажу вам делом, —
На это молвил Кламаде, —
Я не встречал ещё нигде
Достойней рыцаря, чем он.
Поговорить я принуждён
С девицей, что он рассмешил,
А Кей с ней дурно поступил,
Дав ей пощёчину жестоко.
И будь на это воля рока,
Он отомстит, как мне сказал».
При этом шут возликовал,
Воскликнув радостно: «О сир,
Пусть мне Господь дарует мир:
Быть за пощёчину расплате.
И вовсе не шучу я, кстати,
Поскольку Кею — так случится! —
Рукой и сдвинутой ключицей
Придётся искупать обиду».
Сказал, а Кей не подал виду,
Что этим как-то он задет.
И не из трусости, о нет,

Не снёс главу он балагуру —
Боялся досадить Артуру.
Король тут обратился к Кею:
«Я, Кей, о том лишь сожалею,
Что он не с нами в этот миг.
Всему виной твой злой язык,
И потому-то зол весь день я».
Король отдал распоряженье,
Встаёт Жирфле[57], а с ним Ивэйн,
Что был влиятелен, почтен
И при дворе всегда в чести.
Король велел им отвести
В покои рыцаря, где девы
Из окруженья королевы
Досугом время проводили.
И гостю оба услужили,
Сопроводив его; в том зале
Ему девицу указали,
И рыцарь поспешил донесть
Желанную девице весть,
Которую ждала она.
Та до сих пор была грустна,
Всем на пощёчину пеняя.
Уже оправилась младая
От боли, прежде пережитой,
Но ею не было забыто
То оскорбленье до сих пор[58].
Ведь кто не помнит свой позор,

Едва ль достоин уваженья.
Проходит боль, но оскорбленье
Сердца достойных тяготит,
Лишь подлецам неведом стыд.
Так Кламаде свой долг исправил
И при себе затем оставил
Король пожизненно его.
А защищавший от него
Владенья юной госпожи
С ней веселился от души
И праздновал с подругой. Кабы
Он захотел лишь, отдала бы
Ему и земли и себя,
Красавица, его любя.
Но в сердце горестном опять
Он вспоминал родную мать,
Как та пред ним без чувств упала,
И он во что бы то ни стало
Поехать к ней намеревался.
Просить подругу не решался,
Ведь запрещала та отъезд,
Веля всем подданным окрест
Молить его, дабы не ехал.
Но их мольбы ему помеха ль!
Всем обещанье он даёт,
Что если мать свою найдёт,
Он заберёт её с собой.
Мол, пусть уверится любой,

Что он вернётся в земли эти
И коль уж нет её на свете.
На этом он пустился в путь,
Пообещав когда-нибудь
Вернуться к дорогой подруге,
А та печалилась о друге
И с ней печалился весь град.
Когда он выезжал из врат,
Увидел шествие такое,
Как в Вознесение святое.
Монахи шествовали там,
Как в праздник по воскресным дням
В шелковых мантиях драгих,
Монахини в плащах своих.
И речь держал к герою клир:
«Ты нас освободил, мессир,
Дав из изгнанья возвратиться,
И горю нечего дивиться —
Оплакиваем твой отъезд.
Такая скорбь нам тяжкий крест,
Так не страдали никогда мы».
И он им: «Братия и дамы,
Вам больше нет причин для страха.
Иль не сочтёте вы за благо,
Чтоб навестил я мать свою,
Что днесь одна в лесном краю?
Зовётся он Пустынный Лес.
И я вернусь к вам с ней иль без,

Поскольку слову верен я.
И если мать жива моя,
Монахиней пребудет с вами,
А нет — служите мессы в храме
За упокой души безгрешной,
И примет Бог её, конечно,
В святое лоно Авраама.
Вам, братья, вам, честные дамы,
Кручину надо побороть:
Коль даст вернуться мне Господь,
Всех одарю вас как пристало
И поднесу даров немало».
Тогда расстались люди с ним.
Ушёл он с дротиком одним,
Как в день прибытья своего.
Весь день скакал, но никого
Не встретил он: ни сарацина,
Ни доброго христианина,
Кто мог бы указать дорогу.
Взывал он непрестанно к Богу,
Моля Всевышнего о том,
Чтоб вновь узреть в дому родном
Во здравьи матушку свою.
Твердил молитву он сию
И въехал на берег потока
У некой башни невысокой.
Стал созерцать он быстрину,
Но не дерзал вступить в волну

И молвил: «Боже Всемогущий,
О, если б мог поток бегущий
Я пересечь и мать найти,
Живой, здоровой обрести!»
Он ехал вдоль реки и скоро
Приблизился к скале, которой
Пересекался берег так,
Что дальше не пройти никак.
Тогда увидел рыцарь лодку,
Что шла вниз по теченью ходко.
Сидело двое в том челне.
Он ждал, уверенный вполне,
Что близ него они причалят,
Но те на середину правят
И остаются, утвердясь
На крепком якоре тотчас.
Сидевший спереди в челне
Закинул удочку, на ней
Имея в качестве примана
Рыбёшку не крупней гольяна[59].
И так как рыцарь знал едва ли,
Как можно продвигаться дале,
Он их приветствовал тогда,
Спросив: «Скажите, господа,
А есть ли брод или мосток,
Чтоб перебраться чрез поток?»
«Мой брат, — ответил рыболов, —
Поклясться честью я готов,

Нет ничего и лодки нету
Вместительной и больше этой,
В которой мы сейчас сидим,
3020 В неё ж не сесть и пятерым.
А вверх и вниз на двадцать лье
Не перебраться вам в седле —
Ни брода нет, ни переправы.
3024 — Тогда скажите, Боже правый,
Где б смог я переночевать?
— Сего вам будет не хватать,
Как и другого, признаю,
3028 Я на ночь вам приют даю.
В скале расщелину найдёте,
По ней на этот холм взойдёте,
А как осилите подъём,
3032 Увидите в долине дом,
В котором проживаю я
Вблизи дубравы и ручья».
И рыцарь наш без промедленья
3036 К вершине начал восхожденье.
Когда же склон преодолел,
Так ничего и не узрел,
Опричь долины и небес.
3040 Подумал он: «Зачем я лез?
Потратил только время даром.
Да обречёт Всевышний карам
Того, чьему я внял совету.
3044 Послав меня на кручу эту,

Он говорил, что дом найду,
Как только на неё взойду.
Но далеко зашёл рыбак
В своём предательстве, раз так
Мне навредить хотел бесстыдно».
Но тут в долине стало видно
Верхушку башни на пути.
Вплоть до Бейрута не найти[60]
Прочней и краше башни той.
С бойницами в скале крутой
Она, квадратная, стояла.
Пред ней была большая зала
И две входные галереи.
Туда направившись скорее,
Подумал рыцарь, что исправно
Всё объяснил ему недавно
Тот, кто казался рыбаком.
И уж ни плутом, ни лжецом
Не называл его юнец,
Найдя жилище наконец.
И вот к двери он подъезжает
И мост подъёмный замечает.
В то время мост опущен был,
И рыцарь на него вступил.
Встречали четверо героя:
Не при оружье были двое,
А третий принял жеребца,
Чтоб фуража дать и сенца;

Слуга четвёртый не преминул —
На гостя алый плащ накинул.
Его отводят к галереям.
Вплоть до Лиможа не сумеем[61]
Найти им равных по красе,
Хоть и обыщем земли все.
Гость в галереях ожидал,
Пока хозяин не прислал
За ним двух слуг, и ими он
Был в зал просторный приведён,
Квадратный, с потолком высоким.
Сколь длинным был он — столь широким.
Средь зала, видит гость младой,
Почиет на одре седой
Сеньор величественный, чинный,
Убор на нём был соболиный
Чернее ягоды тутовой,
Поверх был алый плат шелковый.
В одежде чёрной, словно дёготь,
Лежал он, опершись на локоть,
Перед горевшим очагом.
Поленья полыхали в нём
Между столпами четырьмя.
Вкруг очага того стоймя
Четыре б сотни уместились,
И все б нисколько не теснились.
Столпы — четыре исполина —
Поддерживали свод камина,

Из меди сделаны на диво.
И слуги подошли учтиво,
К сеньору подведя юнца.
А тот, увидев пришлеца,
Его приветствовал и рек:
«Прошу вас, добрый человек,
Простить меня, что я на ложе
И что приветствовал вас лёжа.
Я очень слаб, всё дело в этом.
— Сеньор, — не медлил тот с ответом, —
Не беспокойтесь, не сержусь,
Здоровьем, радостью клянусь,
Каких молю себе у Бога».
Хозяин тут привстал немного
И молвил: «Друг мой, что стоите?
Ко мне поближе подойдите,
Спокойно сядьте пред одром,
Прошу вас искренне о том».
И юноша сел рядом с ним.
Сеньор спросил его засим:
«Мой друг, вы прибыли откуда?
— Из Борепера-замка, сударь,
Я выехал с рассветом дня.
— Знать, утомили вы коня,
Ведь путь вы начали, пожалуй,
Ещё не вняв тому сигналу,
Что возвещает о заре.
— Напротив, сир, о той поре

Уж о заре оповестили».
Пока они так говорили,
Явился юноша с мечом,
На перевязи чрез плечо
Тот у него подвешен был.
Сеньору он его вручил.
Тот из ножон его извлёк,
Узнав, где сделан был клинок,
По гравировке на металле.
А судя по добротной стали,
Он в то же время смог понять,
Что этот меч нельзя сломать,
Но есть один лишь случай крайний,
Что ото всех держался в тайне
Его искусным ковачом.
И молвил прибывший с мечом:
«Сеньор, племянницею вашей,
С златыми кудрями всех краше,
Вам послан был подарок сей.
Меча прекрасней и прочней
Нигде вы больше не узрите.
Кому хотите, подарите,
Но госпожа моя желает,
Чтоб им владел как подобает
Тот, кто у вас его возьмёт.
Лишь три подобных сделал тот,
Кто меч ковал, и умереть
Ему придётся, ибо впредь

Такого не создаст меча он».
Тогда вручил его хозяин
Младому гостю своему
И отдал перевязь ему,
Что уж сама дороже клада.
Эфес из лучшего был злата
Во всей Аравии, и были
Ножны в венецианском стиле.
Меч с драгоценным тем убором
Был вручен юноше сеньором,
Который молвил: «Меч, сеньор,
Принадлежит вам с этих пор,
Вы у бедра его носите,
Испробовать не премините».
Тот с благодарностью надел,
Поправить перевязь сумел,
Затем меч из ножон извлёк,
И подержав в руке клинок,
В ножны вложил его обратно.
И знайте, что свой меч булатный,
Будь он в руке иль у бедра,
Применит, коль придёт пора,
Решительно и в миг единый.
Тут он увидел у камина
Слугу и в нём узнал того,
Кто брал оружье у него.
Он дал ему без промедленья
Свой новый меч на сохраненье

И сел с хозяином радушным,
Приветливым, великодушным.
А было в зале том светло
От стольких свечек, сколь могло
Их поместиться в этом месте.
Пока вели беседу вместе,
Вступил какой-то отрок в зал,
Он белое копьё держал
Посередине за древко,
Меж очагом прошёл легко
И теми, кто сидел на ложе.
И гость, и все узрели тоже
Копьё из белого металла
И каплю крови, что свисала
С его железного конца,
И как она на длань юнца,
Алея пурпуром, ниспала.
Такое таинство средь зала
В тот вечер юноша узрел,
Однако вовсе не посмел
Просить о чуде разъясненья,
Ведь твёрдо помнил наставленья,
Какие прежде рыцарь дал,
Когда ему повелевал
Словами вовсе не бросаться.
И чтоб невежей не казаться,
Он неуместным счёл вопрос
И ни словца не произнёс.

В то время отроки другие
Внесли подсвечники златые
С отделкой дивной из эмали.
Те, что подсвечники держали,
Пленяли красотой своей.
Не меньше десяти свечей
Подсвечник каждый увенчали.
Затем настал черёд грааля:
В руках девица в зал внесла[62].
Она за юношами шла,
Красивая, в нарядном платье.
Когда вошла, по всей палате
Распространился свет тотчас,
Он от грааля шёл, лучась
Так, что все свечи стали бледны,
Как звёзды в небе в час рассветный
Или когда луна ясна.
За девой той ещё одна
Несла серебряное блюдо[63].
Грааль, как истинное чудо,
Из чистого был сделан злата,
К тому же щедро и богато
Усыпан россыпью камней.
И не найти нигде ценней,
Поскольку камни на граале
Все остальные затмевали,
Как это было и с копьём.
Такое диво прямиком

Пред гостем пронесли чредой
И скрылись в комнате другой.
Он за процессией следил,
Но не решился, не спросил
О том, кому грааль был вверен,
Ведь помнил твёрдо и теперь он
Благого рыцаря урок.
Поставлю то ему в упрёк,
Поскольку часто слышал ране,
Что в разговорах и в молчанье
Вредны излишества равно.
Но худо ль, благо ль суждено
Из-за того, что отмолчался —
Он от расспросов воздержался.
Велел хозяин, и тотчас
Исполнен слугами приказ:
Готова скатерть и вода.
Сеньор и юноша тогда
Омыли руки влагой тёплой.
Тут вносят слуги расторопно
Большой слоновой кости стол.
Гласит рассказчик, что пошёл
На этот стол кусок единый.
Его держали челядины,
Пока другие, столь же скоры,
Не принесли столу опоры.
Те стойки были из эбена,
Неуязвимого отменно,

Зане два свойства было в нём:
Нельзя ни порчей, ни огнём
Его разрушить хоть частично,
Ведь древо прочности отличной
Тем двум опасностям равно
Сгубить вовеки не дано.
Вот стол на стойках утверждён,
Вот скатертью застелен он.
А что за скатерть! Нет, едва ли
На белой столь трапезовали
Сам папа или кардинал.
На первое слуга подал
Олений окорок с жарким.
Меж тем по кубкам золотым
Разлил изысканные вина
И на глазах у господина
Нарезал мясо с перцем, после
Их на серебряном подносе
Подал он вместе с пирогом.
Тем временем перед юнцом
Вновь пронесли грааль по зале,
Но у служителя грааля
Вновь не решился он спросить —
Не мог наставника забыть
И давешний его укор
За то, что на слова был скор.
Держал он в мыслях наставленье,
Не позабыл и в то мгновенье.

Его молчание, однако,
Превыше меры было всякой.
Как только блюдо подавали,
Грааль пред юношей являли,
А он всё думал: почему
Такая честь дана ему?
То любопытно было крайне,
И он решил, что спросит втайне
Пред тем, как отправляться в путь,
О том из слуг кого-нибудь,
Лишь надо до утра помедлить,
Пока благой сеньор и челядь
Спать не уйдут в свои постели.
Размыслив так об этом деле,
Стал от души он пить и есть.
На брашна не скупились здесь
И также, впрочем, на напитки,
Здесь подавалось всё в избытке[64]
И было очень вкусным, сытным,
Изысканным и аппетитным.
То, что вкушал сеньор и гость,
По вкусу, верно бы, пришлось
Монархам, графам и вельможам.
Пред тем, как разойтись по ложам,
В беседе время скоротали.
А слуги ложа застилали
И на ночь фрукты принесли.
То были смоквы, миндали,

Гранаты, финики и груши,
Электуарии к тому же[65]
И множество ликёров знатных,
И терпких вин, и ароматных,
Без перца, мёда, и сироп.
У рыцаря глаза на лоб
От непривычного изыска.
Сеньор ему: «Уж полночь близко,
Пора нам спать, окончим ужин,
И так как телом я недужен,
Пусть отнесут меня скорей».
Явилось четверо людей,
Проворных, сильных молодцов,
И взявши с четырёх концов
То одеяло, на котором
Лежал сеньор их, ходом скорым
Тотчас же удалились с ним
Туда, куда велели им.
А с рыцарем остались слуги,
Чтобы оказывать услуги.
Готовы были ко всему,
Лишь только б угодить ему.
Когда он пожелал того,
Те сняли башмаки с него,
Раздели споро; и для сна
Готовы простыни из льна...
Он только утром пробудился,
Когда повсюду свет разлился

И новый день провозвестил;
Всяк в замке на ногах уж был.
Он огляделся: нет ли слуг,
Но было ни души вокруг,
И самому пришлось подняться.
Хоть нужно было постараться
Всё сделать так, как подобало,
Не ждал он помощи нимало:
Обулся быстро, встал, пошёл
За снаряженьем, что на стол
Вечор переложили слуги.
Итак, без чьей-либо услуги
Себя одел он и обул
И к двери комнаты шагнул,
Которая, как помнил ясно,
Была открыта, но напрасно:
Он обнаружил, что теперь
Закрыта крепко эта дверь.
Стучал он без толку и звал,
Никто ему не открывал,
Никто не отозвался даже.
А звал он долго и тогда же
Пошёл к двери, что в зал вела.
Она не заперта была.
Спустился рыцарь по ступеням.
Скакун его с вооруженьем
Стоял, готовый, под седлом,
А рядом щит с его мечом

Прислонены были к стене.
Он сел в седло и на коне
Стал всё осматривать вокруг,
Но ни конюших там, ни слуг
Вооружённых не увидел.
К воротам двинулся воитель,
А мост опущен был тогда.
Всё для того, чтоб без труда
И без каких-либо препон
Мог выехать из замка он,
Когда бы то ни пожелалось.
Все слуги, как ему казалось,
Ушли в дубраву посмотреть,
Попалась ли добыча в сеть,
Ведь мост опущенным узрел он.
Но медлить больше не хотел он,
Решив на поиск их спешить,
Чтоб у кого-нибудь спросить
Об окровавленном копье.
Быть может, связано сие
С граалем иль с какой заботой.
Он выехал через ворота,
Но и моста ещё не минув,
Почувствовал, что, ноги вскинув,
Скакун готовился к прыжку.
Будь конь слабей, не начеку,
Тут бы обоим им конец.
Вспять обратился удалец

Узнать, в чём дело: тут он понял,
Что кто-то мост внезапно поднял.
На зов никто не отвечал.
«Ответь же, — рыцарь закричал, —
О ты, который поднял мост!
Есть у меня к тебе вопрос,
А ты не виден, выходи же
И подойди ко мне поближе,
Чтоб я поговорил с тобой
О вещи важной, о какой
Знать непременно жажду я».
Была напрасной речь сия,
Никто не отвечал на зовы.
И он поехал в сень дубровы
По некой тропке, а на ней
Вдруг отпечатки ног коней
Совсем недавние заметил.
«Сюда поехали не эти ль,
Кого ищу я? Мнится: да».
Чрез лес помчался он туда,
Куда вели следы копыт.
И вдруг случайно рыцарь зрит
Девицу юную под дубом.
Та, как в мучении сугубом,
Стенала, плакала и выла.
«Увы мне, — дева говорила, —
Как ты ко мне, судьбина, зла!
Будь проклят час, когда была

Я рождена или зачалась!
Чего б со мною ни случалось,
Не знала я таких скорбей.
Мне смерть любимого, ей-ей,
Вовеки не перенести.
О, если б Смерти отвести
Удар свой от него и всё же
Сразить меня по воле Божьей!
Почто его, а не меня?
Как жить с сегодняшнего дня,
Раз вижу друга бездыханным?
Навек рассталась я с желанным,
И жизнь бесцельна. Смерть, вонми,
У тела душу отыми,
Чтобы она с его душой
Умчалась спутницей-рабой».
Так дева скорби изливала.
В объятьях рыцаря держала,
А рыцарь обезглавлен был.
Её заметив, поспешил
Наш рыцарь к девушке навстречу.
Приветствовал учтивой речью,
А та — его, главу склонив
И скорбных слёз не прекратив.
Тогда ей рыцарь говорит:
«Кто это сделал? Кто лежит,
Простёртый, на руках у вас?
— Сеньор, убит он в ранний час

Каким-то рыцарем. Но всё же
Дивлюсь я, да простит мне Боже,
Как можно двадцать пять вам лье
Своим путём по сей земле
Промчаться и жилья не встретить,
Ни одного, могу заметить,
Удобного хоть сколько — всяк
Здесь подтвердит, что это так.
Меж тем ваш конь лоснится, диво,
Ухожена на совесть грива.
Не будь расчёсан, вымыт, холен,
Овсом и фуражом доволен,
Таким бы не был он на вид,
Каков сейчас: и чист, и сыт.
О вас могу сказать я то же:
Так выглядите, что, похоже,
Вы на ночь обрели приют
Там, где довольство и уют».
И он ей: «Милая девица,
Я смог удобством насладиться.
И то, что вид такой имею,
Не мудрено, я разумею,
Ведь стоит здесь воскликнуть нам,
Как ясно крик услышат там,
Где сладко спал я эту ночь.
Вы край не знаете точь-в-точь,
Или его не осмотрели.
Здесь замок есть и, в самом деле,

Нет замка лучше и богаче.
— Вы ночевали не иначе
У Рыболова-короля?
— Бог весть, девица, знаю ль я
Рыбак ли он или король?
Но мудр он, куртуазен столь!
Гадать о чем-то будет втуне.
А в час вечерний накануне
Двоих я встретил в челноке,
Неспешно плывших по реке.
Один орудовал веслом,
Другой рыбачил, а потом
Путь к своему сказал жилищу,
Где я обрёл приют и пищу.
— Ах, сударь, — девушка в ответ, —
То был король, сомнений нет.
Он получил раненье в сече,
И таково его увечье,
Что двигаться не может он.
Был дротиком он уязвлён
Меж бёдер прямо[66], потому-то
Страдает он от боли лютой
И на коня не в силах сесть.
Но чтоб развлечься, боль отвесть,
Он просит, чтобы посадили
Его в челнок и с ним поплыли
На ловлю рыбы. Оттого
И Рыболов зовут его.

И это у него пристрастье
Из-за постигшего несчастья,
Его лишившего всего.
Охота уж не для него
В лесу, на речке иль на луге,
Дичь для него стреляют слуги,
А зверя — лучники в лесах.
Бывать он любит в сих краях,
Поскольку средь его владений
Нет замков краше, совершенней
Сего удобного жилья
Под стать величью короля.
— Девица, — молвил рыцарь ей, —
Слова такие же, ей-ей,
Вам только что я говорил.
Вчера я очарован был,
Когда предстал пред ним средь зала.
Стоял поодаль я сначала,
А он позвал меня засим,
Мне предложив сесть рядом с ним.
И чтоб не стал я обижаться,
Что был не в силах он подняться
И поприветствовать меня,
С ним рядом сесть был должен я.
— Он оказал большую честь,
Вас пригласив с ним рядом сесть.
Скажите же, когда вы сели,
Быть может, вы копьё узрели,

И кончик был окровавлен,
Хоть близко не было там вен?
— Клянусь, увидеть довелось.
— А задавали ль вы вопрос,
Откуда кровь? — Хранил молчанье.
— О, Боже правый, по незнанью
Ошиблись страшно вы тогда.
Грааль вы видели? — О да.
— И кто держал его? — Юница.
— Откуда вышла та девица?
— Из некой комнаты. — Где скрылась?
— В покой соседний удалилась.
— Ещё был при граале кто-то?
— Да. — Кто же? — Двое слуг всего-то.
— Держали ль что в руках своих?
— Подсвечники и свечи в них.
— А что вслед за граалем? — Шла
Юница вновь. — А что несла?
— Прошла с серебряным подносом.
— Вы обратились ли с вопросом,
Куда те люди держат путь?
— Ни звука не издал, отнюдь.
— Мой Боже! Не беда случится ль?
А как зовут вас, юный рыцарь?»
Хотя он имени не знал,
Как по наитью угадал,
Сказав: «Валлиец Персеваль»[67],
Но был уверен он едва ль,

Что всё им верно говорится.
При этом имени девица
Как будто гневом разразилась:
«Нет, ваше имя изменилось:
Оно — Несчастный Персеваль.
Ах, Персеваль, тебя мне жаль,
Не задал ты вопросов нужных.
А задал бы, от мук недужных
Тем короля бы излечил,
Он бы способность получил
Владеть своим свободно телом,
Подвластным управлять наделом,
Что принесло бы прок большой.
Теперь запомни хорошо,
Что следствием ошибок тех
Пребудут бедствия для всех.
Они тебе как воздаянье
За грех пред матерью, в страданье
Умершей, о тебе скорбя.
И знаю лучше я тебя,
Чем ты меня, ведь с давних дней
Я в доме матери твоей
С тобой росла, зане твоя
Сестра двоюродная я,
А ты кузен мой, не иначе.
Я о твоей той неудаче
В не меньшей скорби и печали,
Ведь не узнал ни о граале,

Ни о судьбе своей, ниже
О том, что мать мертва уже,
Ниже об участи героя,
Кого любила горячо я.
Меня подругой дорогой
Он звал и вёл себя со мной
Достойно друга-паладина».
И Персеваль ей: «Ах, кузина,
Коль это правда всё, увы,
Как же о том узнали вы?
— Не понаслышке, — та рекла. —
Я очевидицей была
При погребении её.
— Пусть милосердие своё
Господь душе усопшей явит.
Как ваш рассказ мне сердце травит!
Но если мать в земле лежит,
Что впредь искать мне надлежит?
Я с целью странствовал одною —
Чтоб вновь увидеться с родною.
Пора мне выбрать путь иной.
Коль вы хотите в путь со мной,
То будет мне весьма желанно.
Ведь это тело бездыханно,
К чему сидеть над ним, простёртым?
Живой — живым, а мёртвый — мёртвым.
Поедем вместе — я и вы.
Сдаётся мне, вы не правы,

Что бдите здесь одна под дубом.
Последуем за душегубом,
И слово рыцаря даю:
Иль он убьёт меня в бою,
Иль я не пощажу злодея».
Но та, едва собой владея
От скорби, что её сразила,
«Я не поеду, — возразила, —
Расстаться с ним повремену,
Сперва его похороню.
Вы ж по тропе езжайте прямо,
По каменистой этой самой,
Коль верите словам моим.
Ведь именно путём таким
Поехал рыцарь тот надменный,
Кем был убит мой друг бесценный.
Клянусь, и в мыслях нет сейчас
За ним заставить гнаться вас,
Я зла желаю кровопийце,
Как будто моему убийце.
Но где был меч тот раздобыт,
Что на боку у вас висит,
Который ни в былом, ни внове
Не проливал ни капли крови,
Не извлекался при нужде?
Отлично знаю, кто и где
Однажды выковал его.
Не полагайтесь на него,

Он всё вам сделает назло,
Ведь разобьётся, как стекло,
На поле битвы слишком скоро.
— Племянница того сеньора
Прислала меч ему вчера,
А он, желая мне добра,
Его отдал мне во владенье.
Но ввергли вы меня в сомненье,
Коль вашим веру дать словам.
Скажите: не известно ль вам,
Коль он расколется, как льдинка,
Возможна ли его починка?
— Да, только это нелегко.
Под Котоатром[68] озерко,
И тот, кто путь к нему найдёт,
Там этот меч перекуёт
И, прокалив, его исправит.
Коль случай вас туда направит,
Там встретьтесь с Требюше[69], сиречь
С тем кузнецом, что сделал меч,
И только он даст толк мечу,
Поскольку то не по плечу
Вовеки никому иному.
Но не вверяйте меч другому,
Ведь он с ним справится едва ль.
— Беда мне, — молвил Персеваль, —
Коль этот меч мой разобьётся».
Он — в путь, девица остаётся.

Расстаться с мёртвым ей невмочь,
Однако горю не помочь.
Пришпорил Персеваль коня,
По следу рыцаря гоня.
И видит он: плетётся тощий
Парадный конь, а сам как мощи,
И судя по такому виду,
Терпел он долгую обиду
В плохих руках. Казалось, он
Был голоден и измождён,
Нёс службу лошади наёмной:
Весь день трудился неуёмно,
А на ночь просто брошен был.
Такою долей, рыцарь мнил,
Был угнетён парадный конь.
Он весь дрожал и только тронь —
Казалось, рухнет мёртвой тушей.
Облезла грива, свисли уши,
Он годен остовом своим
Лишь гладным псам сторожевым.
Спина лишь кожей покрывалась,
Седло и так и сяк болталось,
Была и сбруя захудалой.
На нём девица восседала,
Несчастнее на свете нет,
Но красоты остался след,
Знать, не дурна собой она.
Теперь судьбой обделена:

На платье, что её покрыло,
Ни лоскутка, чтоб можно было
К нему свою приставить длань.
И впереди сплошная рвань,
Так что виднелись груди обе.
Узлы и швы на грязной робе
Со всех сторон, а тело всё
В порезах, ранах у неё,
Иссечено, обожжено
От града, снега, стуж оно.
Власы размётаны вразброс,
И на лице следы от слёз,
Пролитых в горестях с достатком,
Являлись грустным отпечатком.
Они на грудь её лились
Вплоть до колен по платью вниз.
Знать, сердце мучилось безмерно,
Раз у неё всё было скверно.
Лишь Персеваль её узрел,
Галопом к деве подлетел,
А та закуталась в тряпьё,
Чтоб лучше тело скрыть своё,
Но обнажились дыры тут же,
И как ни силилась скрыть лучше
Она те дыры, сто прорех
Являлось вместо прежних тех.
Лицо бедняжки потускнело,
И свежести лишилось тело.

Вот Персеваль к ней подошёл
И слышит горестный глагол,
Как на судьбу она пеняла.
«Господь захочет ли, — стенала, —
Продлить мне жизнь и эту участь!
В невзгодах слишком долго мучусь,
А я не заслужила их.
Ах, сколько на плечах своих
Их вынесла! Ты знаешь, Боже,
Не заслужила я их всё же.
Так защити меня в недоле,
Коль есть Твоя на это воля,
Иль мне заступника доставь,
Иль сам от изверга избавь,
Что жить меня в позоре нудит.
Ничто в нём жалости не будит,
Пока ещё я жить могу,
Но от него не убегу.
Нет, на меня меча не точит,
Он только быть со мною хочет
При тех условиях, ему
Отрадно, судя по всему,
Что я в позоре и лишенье.
Хотя бы знал, что уваженье
К нему питаю испокон,
Мог бы разжалобиться он
После того, когда чрез меру
Я заплатила изуверу,

Будь для него хоть чем-то я.
Не любит вовсе он меня,
Меня вести с ним принуждая
Такую жизнь и не страдая
Притом ничуть. Меня не жаль!»
К ней обратился Персеваль:
«Спаси Господь вас, чаровница!»
Его услышала девица
И молвит, голову склоня:
«Ты, кто приветствовал меня,
Да обретёшь блага все въяве,
Но говорить я так не вправе».
Хоть Персеваль и был в смущенье,
На то ответил в возмущенье:
«Что мне сказали вы сейчас?
Я никогда не видел вас
И не поверю в то, что будто
Могли вы навредить кому-то.
— Нет, ведь все беды, что со мной,
Имели следствием одно:
Со мной здороваться нельзя.
И всякий раз терзаюсь я
При чьём-либо ко мне вниманье.
— Поистине, из-за незнанья
Нанёс урон вам, как сужу.
Поверьте, в мыслях не держу,
Чтоб вас обидеть как-нибудь.
Сюда привёл меня мой путь.

И раз я вижу вас в беде,
В таких отрепьях и в нужде,
Не будет в сердце мне покоя,
Пока не вызнаю всего я
О том, что с вами учинилось
И почему беда случилась.
— Ах, сжальтесь, — молвила, — сеньор,
Скачите прочь во весь опор.
Меня оставить поспешите,
Заминкой грех вы совершите.
Бегите — лучше будет всем.
— Но знать мне интересно, чем
Вы так напуганы, девица,
Зачем галопом мне стремиться,
Хотя за мной погони нет?
— Вы не сердитесь, — та в ответ, —
Бегите, а не то конец:
Прискачет де ла Ланд Гордец[70],
Которому нужна лишь ссора,
Застанет нас средь разговора.
А если здесь он вас найдёт,
Убьёт и глазом не моргнёт.
Коль я с другим, не терпит он.
Вмиг будет головы лишён
Кто разговор со мной затеет.
Он сей момент сюда приспеет,
Чтобы кого-нибудь убить.
Но прежде станет говорить,

За что меня он так не любит
И сими бедствиями губит».
И вот во время разговора
Гордец тот выехал из бора
И налетел на них он с маха,
Как с неба гром на тучу праха,
Крича: «Ты плохо поступил,
Когда ты с ней заговорил.
Твой час последний, берегись,
Иль отступи, иль задержись
Здесь хоть на шаг, имей же смелость.
Тебя б убить мне не хотелось,
Пока не расскажу тебе,
Из-за чего лихой судьбе
И сраму я подверг её.
Внимай, и будешь знать ты всё.
Однажды в лес я путь направил,
А эту девушку оставил
В шатре, который там разбил.
В ту пору я её любил.
Валлиец к ней вошёл случайно,
И хоть сие необычайно,
Но вдруг призналась мне она,
Что им была принуждена
Дать поцелуй тому невеже.
Могла б солгать она, понеже
Он поцелуй тот вырвал силой.
Но то ль намерение было?

Да разве можно верить, что
Он получить хотел лишь то?
Ведь всяк дальнейшего взыскует.
Кто даму только лишь целует,
Оставшись с ней наедине,
Тот не в порядке, мнится мне.
А отдающая уста
Отдаст и большее спроста,
Будь понастойчивей взыскатель.
А защититься ей не кстати ль?
По свету исстари известно,
Что женщине в борьбе телесной
Всегда сдаваться лишь в охотку.
Когда мужчину взяв за глотку,
Рвать начинает и метать,
Всё ж побеждённой хочет стать.
Когда ж защита не спасает,
Боится «да» сказать, но чает,
Что силой смогут захватить[71].
Так ей обязанной не быть.
Он спал с ней — вывод налицо.
К тому ж забрал моё кольцо,
Что на персте она носила,
Увёз, мне нестерпимо было.
Всё выхлебал вино при этом,
Нанёс большой урон паштетам,
Хранимым мною про запас.
И вот, как видите, сейчас

Я с ней квитаюсь куртуазно.
Безумству кара сообразна:
Впредь неповадно будет ей.
Представьте ж гнев в душе моей,
Когда понять мне всё пришлось,
Оправдана такая злость.
Я объявил, что впредь ни дня
Ей не кормить овсом коня,
Не быть коню в подковах, в холе;
Что у самой не будет боле
Ни платья, ни плаща иного,
Опричь носимого покрова,
Пока насильника в бою
Не обезглавлю, не убью».
Ответил дерзко Персеваль:
«Мой друг, ты лучше гнев умаль,
Она свершает покаянье.
Я вырвал у неё лобзанье,
Чем столько бед ей причинил,
Я и кольца её лишил.
Однако, верь мне, сверх того
Не учинил я ничего.
Вина ж попил и, было дело,
Съел полтора паштета смело,
Ведь был бы дураком полнейшим,
Коль погнушался бы вкуснейшим.
— Клянусь главой, — сказал Гордец, —
Во всём признался ты, наглец,

Довольно странным заявленьем
И заслужил тем дерзновеньем
Смерть и по праву и сполна.
— Не так уже близка она,
Как мнишь ты», — молвил тот сурово.
Затем, не говоря ни слова,
Они помчались друг на друга.
Столкнулись так, что стало туго,
И разлетелись копья их,
А всадники с коней своих,
Не удержавшись, наземь пали.
Одним прыжком на ноги встали,
Мечи достали и сошлись,
Разить друг друга принялись.
Был бой всё жарче, всё безумней.
Его описывать к чему мне?
Так много времени уйдёт.
У поединка был исход,
Как де ла Ланд лишился сил.
Гордец пощады запросил.
Противник, помня слово в слово
Урок наставника благого,
Что след щадить нам чести ради,
Коль рыцарь просит о пощаде,
Сказал: «Пощады я не дам,
Пока не пощадишь ты сам
Свою подругу. Я порукой,
Что незаслуженною мукой

Казнишь её ты столь жестоко».
Тут рыцарь, как зеницу ока
Любивший спутницу свою,
3944 Ответил: «Всё я признаю,
Ей извиненья приношу.
Что б ни велели, поспешу
Исполнить ваши приказанья.
3948 Из-за меня её страданья,
И в сердце оттого печаль.
— Отправься, — молвил Персеваль, —
В своё ближайшее владенье,
3952 Там дай свершить ей омовенье,
Чтоб стала вновь цела, здорова.
Как будет девушка готова,
Одета, убрана, пойди
3956 Её к Артуру проводи.
Монарха от меня приветишь
В том виде, как отсель уедешь.
Коль спросит, по чьему приказу,
3960 Об Алом Рыцаре ты сразу
Скажи ему, ведь это я
Им стал по воле короля
С подсказки Кея-сенешаля.
3964 А за всё зло, за все печали,
Что ей принёс ты, я велю,
Чтоб всё поведал королю
Публично пред его двором
3968 Так, чтоб все слышали о том,

Не исключая королеву,
И даму каждую, и деву.
А среди них есть чаровница,
Мне всех дороже та девица,
Поскольку я в ней вызвал смех,
За что пощёчину при всех
Отвесил ей жестокий Кей.
Её разыщешь, скажешь ей,
Что я ей передать велю,
Мол, не предстану королю,
Пока за это не отмщу я.
Доставишь радость ей большую».
И тот сказал не прекословя,
Что он исполнит все условья
И веленное передаст.
Пока же всё, на что горазд,
Приложит в тщательных заботах,
Чтоб дать подруге лучший отдых,
И сам с охотою большой
Её под кров доставит свой,
Чтоб обрести покой желанный
И залечить свои же раны.
И Персеваль: «Ну что ж, езжай,
Но впредь мне больше не мешай.
Я тоже на ночлег поеду».
На том окончили беседу.
Никто не мешкал, прямиком
Они разъехались молчком.

Тот для подруги и купанье
И дорогое одеянье
Устроил так, как подобало,
И та красавицей вновь стала.
А после с нею вместе он
Поехал прямо в Карлион[72].
Король Артур там двор держал.
На торжества он приглашал
Три тысячи достойных самых.
И вот при рыцарях и дамах
Пришедший с девой объявил,
Что пленником сюда прибыл.
И королю сказал тогда ж:
«Сир, я отныне пленник ваш,
Готов покорствовать вполне,
Вы лишь приказывайте мне.
То справедливое решенье
По юноши распоряженью.
Доспехи алые просил,
Он в дар от вас их получил».
Король, как только внял ему,
Так сразу понял, что к чему.
«Сеньор, разоружитесь, — рек, —
Да будет счастие навек
Тому, кто мне прислал сейчас
Столь дорогой подарок — вас.
Добро пожаловать! Привечу
И буду вам идти навстречу

Ради него я с этих пор.
— Но то не всё ещё, сеньор.
Пред тем, как я разоружусь,
Я попросить у вас решусь,
Чтоб королева с свитой вместе
Пришла сюда послушать вести,
Что он велел мне передать.
Я буду вынужден молчать,
Пока не будет той особы,
Что только за смешок без злобы
Была пощёчиной задета.
Её проступок только в этом».
Тут смолк он будто в немоте.
Король, услышав просьбы те
О королеве и девице,
Не преминул распорядиться,
И та пришла, и с ней тотчас,
Попарно, за руки держась,
Явилась свита. Села дама
Пред королём Артуром прямо,
И молвил де ла Ланд Гордец:
«Мадам, вам шлёт привет боец,
Мной уважаемый исправно.
Он победил меня недавно.
Вот всё, что я скажу о нём.
Он посылает вам притом
Мою подругу, эту деву.
— Мой друг, почтил он королеву».

Тут рассказал он королеве
О поношеньях, что во гневе
Он на подругу обращал,
В какой скуде её держал.
Не утаил он и причину,
Из-за чего ввергал в кручину,
И указал на деву ей,
Которую ударил Кей.
«Девица, — речь к ней обратил, —
Тот, кто послал меня, просил
Приветствовать вас от него,
Не совершая ничего,
Пока не передам посланье:
«Пусть Бог пошлёт ему страданье,
Предстань он королю и всем,
Не отомстив за вас пред тем,
За оплеуху не сквитавшись,
Что получили, засмеявшись.
Из-за него тот случай вышел».
Когда всё это шут услышал,
Подпрыгнул аж, вскричав: «Ей-ей,
Храни Господь меня, вы, Кей,
За то поплатитесь, без спора,
И это будет очень скоро».
Король же, к Кею обратясь:
«Над этим юношей смеясь,
Ты вёл себя некуртуазно.
Меня насмешкой безобразной

Ты общества его лишил».
Тут узнику он разрешил
Сесть пред собой, от кар избавил,
Его в темницу не отправил
И снять оружье приказал.
Мессир Гавэйн, что восседал
Близ государя одесную,
Спросил: «Каким же, знать хочу я,
Быть должен тот, кому суметь
Столь доблестного одолеть?
На каждом острове морском
Ещё о рыцаре таком
Не слышал, не встречал я мужа,
Кто мог бы силою оружья
И доблестью сравниться с ним.
— Племянник мой, — король засим, —
Не знаю, кто он, раз видался,
Однако же не догадался
Его о чём-либо спросить.
Просил его он посвятить
Немедля в рыцари, а я,
Его красу и удаль зря,
Ответил: «Брат мой, подождите.
Сначала вы с коня сойдите,
Вам принесут доспехи вмиг».
Но отказался он от них,
И, мол, не спешится он тут,
Покуда алых не дадут.

Он вёл и странные реченья,
Что не желает облаченья
Иного, нежели в котором
Был рыцарь, что, горя раздором,
Увёз мой кубок золотой.
Тут Кей от желчи сам не свой
(Всегда он, как и в тот момент,
Не хочет молвить комплимент),
Сказал: «О брат, тебе король
Их жалует, а ты изволь
Сходить лишь за экипировкой».
Не распознав насмешки ловкой,
Решив, что это Кей серьёзно,
За рыцарем помчал он грозно
И дротиком убил его.
Не знаю, начали с чего
Они раздор свой небывалый,
Но ведаю, что Рыцарь Алый
Из леса Кинкруа[73] потом
Нанёс удар ему копьём
За что невесть, но с силой ярой,
А тот в отмщение удара
Вдруг дротиком его сразил.
Так он доспехи получил.
Он рьяность проявлял всем видом,
И я клянусь святым Давидом[74],
Патроном Уэльса, что отселе
И двух ночей в своей постели

Я больше не просплю, пока
Вновь не увижу смельчака,
Будь жив он, на земле иль в море.
На поиски отправлюсь вскоре».
Едва он клятву произнёс,
Всем стало ясно, что всерьёз
Пора готовиться в дорогу.
Вы б только видели, ей Богу,
Как одеяла, простыни
Сбирали в сундуки они,
Сгоняли скот, грузили кладь,
Нисколько не скупились брать
Шатры, и всё в мгновенье ока!
Сам клирик, что в науках дока,
Не описал бы за день даже
Всей амуниции, поклажи,
Что взяли, словно на войну.
Так Карлион, свою страну,
Король с баронами оставил.
Держались девы тех же правил:
Их королева, по обычью,
Взяла для пущего величья.
Они разбили лагерь свой
И у прогалины лесной
Заночевали на лугу.
То было в сильную пургу,
Ведь стужа в том краю привычна.
Встав спозаранку, как обычно,

Собрался ехать Персеваль
За приключениями вдаль.
По лугу он коня направил.
Там, где шатры король поставил,
Промёрзла вся, в снегу, земля.
В преддверье стана короля
Гусей увидел он смятённых,
Порошей сильной ослеплённых.
Они спасались в этот миг
От налетевшего на них
Большого ястреба. Стремглав
На растерявшихся напав,
Он птицу бедную толкнул,
Ударил и перевернул
Так, что от стаи та отстала
И наземь, сбитая, упала.
Но так как хищник тот спешил,
Он от неё поворотил
И не успел схватить её.
Тут Персеваль метнул копьё
Туда, где видел он злодея.
Тот гусь с пораненною шеей
Три капли крови потерял,
И белый снег под ними стал,
Как бы румянясь, багряниться.
Оставшись невредимой, птица
Взлетела и умчалась вдаль.
Когда подъехал Персеваль,

Он лишь увидел снег примятый
В том месте, где упал пернатый,
И рядом кровь: была она
На том снегу ещё видна.
Опёршись на копьё своё,
Он начал созерцать сиё,
Ведь снега с кровью сочетанье
Рождало в нём воспоминанье
О свежих красках, что сияли
На милого лица овале.
И поглощённый мыслью той,
С румянцем девы, с белизной
Он сравнивал ту кровь и снег
И, созерцая, полный нег,
Воображал себе при этом,
Что зачарован свежим цветом
Своей подруги нежных щёк.
Так Персеваль всё утро смог
О каплях крови грезить сладко.
Но тут покинули палатки
Конюшие, сочтя, что он
Не в думы погружён, а в сон.
Король ещё о той поре
В походном почивал шатре.
Случилось у шатра конюшим
Столкнуться с рыцарем досужим.
То Сагремор[75], что прозван был
Буяном за свой буйный пыл.

Заговорил он: «Вы скажите
По чести, правды не таите,
Почто в такую рань пришли?
— Сеньор, от стана невдали
Спит рыцарь, всем нам незнакомый,
В седле увидели его мы.
— Вооружён? — Клянёмся, да. —
— Поговорю с ним и сюда
Доставлю пред монарший взор».
На этом быстрый Сагремор
В палатку короля проникнул.
«Сеньор, там на лугу, — воскликнул, —
В седле какой-то рыцарь спит».
В ответ король ему велит
Поехать, а потом добавил,
Чтоб ко двору его доставил,
Ведь так оставить всё нельзя.
Тут крикнул Сагремор, прося
Подать коня без промедленья,
Затребовал вооруженье.
Приказ исполнили тотчас,
И он, поспешно облачась,
С главы до ног вооружился
И к незнакомцу устремился.
Он так сказал ему: «Сеньор,
Вас нынче ждёт король и двор».
Но тот и жестом не ответил,
Как будто вовсе не заметил.

Он повторил, но тщетно вновь.
Тогда в нём закипела кровь:
«Свидетель мне апостол Павел,
Я б лучше вас туда отправил
Помимо воли вашей днесь,
Чем тратить даром время здесь!»
Стяг развернув, он взял разгон
И крикнул, чтоб готов был он,
Не то сразит в удар, нагрянув.
Очнулся Персеваль и, глянув,
Увидел: рыцарь супротив
Летит, поводья отпустив.
Тут он мечтания оставил
И на врага коня направил.
Едва начался бой свирепый,
Копьё у Сагремора в щепы,
У Персеваля ж между тем
Осталось целое совсем.
С ударом не повременя,
Он сбил противника с коня.
Тот новых встреч не ждал с врагом
И в лагерь кинулся бегом.
Коня увидев возвращенье,
Все преисполнились волненья,
Но Кей, не упускавший случай
Кольнуть своей остротой жгучей,
Сказал тут королю, шутя:
«Сеньор, смотрите: миг спустя

Вернулся Сагремор, он смел:
На рыцаря узду надел
И к нам доставил преспокойно.
— Кей, насмехаться непристойно
Над благородным, — рек король, —
Вступите сами в эту роль,
И мы посмотрим, каковы вы.
— Сир, ваши речи справедливы,
Я счастлив выполнить приказ
И приведу его тотчас,
Захочет он того иль нет,
И кто же он — вам даст ответ»[76].
Тут он как должно облачился,
Сел на коня и устремился
К тому, кто взоры в снег вперял,
Три капли крови созерцал
И ни о чём не думал боле.
Кей закричал ему чрез поле:
«Юнец, отправьтесь к королю!
Туда ступайте, как велю,
Не то вам уцелеть едва ль!»
На ту угрозу Персеваль
Поводья повернул, пришпорив
И своего коня ускорив,
Впрямь на противника помчал.
Победы в схватке каждый ждал
И в бой решительно вступил.
Ударил Кей что было сил.

Тут у него средь поединка
Копьё сломалось, как тростинка.
То Персевалю не в урон
И в верх щита ударил он
Так, что пришлось тому свалиться,
О твердь удариться ключицей
И до подмышки от локтя
Сломать десницу не шутя.
И то не стало откровеньем,
Благодаря шута реченьям.
Ведь это было неспроста —
Сбылось пророчество шута.
Тут Кей от боли чувств лишился,
И сразу конь его пустился
Обратно к лагерю рысцой.
Бретонцы, видя пред собой[77]
Коня без всадника на нём,
Туда отправились верхом.
И видят рыцари и дамы:
Без чувств Кей-сенешаль упрямый.
Они сочли, что он убит.
Король подавлен, он скорбит,
Никто не сдерживает слёзы,
А рыцарь, не меняя позы,
Всё созерцал три капли крови,
Как знаменье своей любови.
Был только ранен сенешаль.
Король был погружён в печаль,

Но успокоили его,
Заверив, что, скорей всего,
К тому здоровье возвратится,
Как только дельный врач ключицу
На место вправит, кость срастит.
Король к нему благоволит,
Всем сердцем к Кею он привязан,
Послал врача ему тотчас он
И трёх целительниц радивых,
Что быстро устранили вывих,
Успешно кость соединив,
Тугой повязкой закрепив.
Затем в палатку короля
Перенесли его, суля
Счастливого выздоровленья
Ему речами утешенья.
Тут королю Гавэйн в печали:
«Сеньор, пристойно ведь едва ли,
Вы сами знаете отлично,
Всегда мне говорили лично,
По справедливости глася,
Чтоб некий рыцарь, не спрося,
Отвлёк другого от раздумья,
Как эти из-за неразумья.
Не знаю, есть ли их вина,
Во всяком случае, сполна
За это каждый поплатился.
Быть может, рыцарь тот лишился

Кого-то и ему так туго,
Иль вдруг похищена подруга,
И он в тоске и терпит боль.
Коль согласится мой король,
На встречу с ним сейчас поеду,
И прежде чем вступать в беседу,
Я подожду: быть может, тот
От дум очнётся, отойдёт[78],
Тогда б его к вам пригласил».
При этой речи Кей вспылил:
«Ах так, мессир Гавэйн, готовы
За руку привести его вы,
Не причинив ему вреда!
Его притащите сюда,
Коль он оставит вам свободу
И земли — вот уж взяли моду!
Когда бойцы утомлены,
Успехами окрылены,
Он просит короля позволить
Их, словно узников, неволить!
Гавэйн, пусть шею мне свернут,
Коль не такой вы баламут,
Что путного от вас не слышат.
Все ваши фразы так и пышут
Учтивостью и внешним блеском,
Смиритесь ли с ответом резким,
Вняв гневным, злым его словам?
Будь проклят тот, кто верит вам

И верит в это, пусть хоть я!
В одежде из шелков шитья,
Небось, пойдёте воевать.
Меч не придётся доставать,
Да и копью не преломиться.
Однако сможете хвалиться,
Коль будет ваш язык неплох,
Реча: "Сеньор, храни вас Бог,
Пусть даст вам жизнь Он и здоровье".—
Он примет ваши все условья.
Я не хочу учить вас впредь,
Но нужно будет вам суметь
Его, как кошку, приласкать,
Чтоб все потом могли сказать:
"Мессир Гавэйн в бою был первый!"»
«Нет, Кей, не на такой манер вы
Должны со мною говорить.
Не чаете ль переместить
Свой гнев с досадой на меня?
Клянусь, его доставлю я,
Мне это будет не в докуку.
Ему ломать не стану руку
Да и ключицу пощажу,
Ведь зуб за зуб не выношу».
Король ему: «На радость всем
За рыцарем отправьтесь тем,
И коль возможно, с ним вернитесь.
Но прежде полно облачитесь,

Нельзя же ехать безоружным».
И тот, кто слыл великодушным,
Подать оружие велел.
На доброго коня он сел
И прямо к рыцарю помчался.
Тот на копьё всё опирался.
Очарование восторга,
В котором пребывал он долго,
Ещё исчезло не совсем.
На солнце высохли меж тем
Уж две из трёх кровинок тех,
Окрасивших собою снег,
А третья капля застывала,
Так что в герое затухало
То чувство, сильное пред сим.
Мессир Гавэйн путём прямым
Стремился, рыцаря встречая.
Враждебности не проявляя,
Он молвил: «От души сейчас
Приветствовать хотел бы вас,
Знай ваши мысли как свои.
Однако, что там ни таи,
Меня король сюда послал.
Он передать вам наказал,
Чтоб с ним сейчас потолковали».
Услышал он от Персеваля:
«Вот двое нынче мне мешали
И радости меня лишали,

Как будто ими я пленён,
А между тем я упоён
Раздумьями, что мир мне прочат.
Тот, кто меня отвлечь захочет,
На гнев лишь натолкнётся мой.
Отсвечивают предо мной
Три капли крови на снегу,
И созерцать я их могу
Как будто на лице девицы,
Моей подруги-чаровницы,
Румянец девственный ланит,
И вид их взоры мне пьянит.
— Поистине, — Гавэйн в ответ, —
Чужд всякий низменный предмет
Тем мыслям куртуазным, чистым.
И нужно быть безумцем истым,
Чтобы от них вас отвлекать.
Но очень хочется узнать,
Что вы предпримете сейчас.
Коль вы не против, было б вас
Мне проводить к монарху лестно.
— Друг дорогой, скажите честно, —
Осведомился Персеваль, —
А есть ли Кей там сенешаль?
— Всё это так, сеньор, он там.
И да известно будет вам,
Что с вами нынче он повздорил,
И этот поединок стоил

Ему и сломанной десницы,
И напрочь сдвинутой ключицы.
Вот что от вас он получил.
— Я так за девушку отмстил,
Которой Кей удар отвесил».
При тех словах Гавэйн стал весел,
Привстал и молвил в изумленье:
«Сеньор, Господь моё спасенье,
Ведь вас король-то ищет, вас!
Так назовитесь вы сейчас.
— Я Персеваль. А вас как звать?
— Сеньор, да будете вы знать,
Что я Гавэйном был крещён.
— Гавэйном? — Так я наречён».
Тут сердце юноши взыграло:
«О вас я слышал, и немало,
Причём, сеньор, в краях различных.
И с вами из симпатий личных
Хотел бы подружиться я.
Коль вы не против — мы друзья».
Гавэйн ему: «Конечно же,
Такая мысль мне по душе
Не менее чем вам, поверьте».
И Персеваль: «Клянусь, до смерти
Идти за вами буду всюду
С большой охотой, ибо буду
Я уважать не по заслугам
Себя, раз стал я вашим другом».

Они обнялись, а затем
В знак дружбы каждый снял свой шлем,
Раздвинув кольца из металла.
Их радость слов не обретала.
А молодые часовые,
Узрев приветствия такие,
Помчались тут же во всю прыть,
Чтоб государю сообщить.
«Сир, сир, — воскликнули они, —
Гавэйн, Господь его храни,
Ведёт к нам незнакомца с луга,
И оба рыцаря друг друга
В объятья прежде заключили!»
При этой вести все вскочили,
И не нашлось ни одного,
Кто из шатра бы своего
Не вышел, не пошёл навстречу.
Но Кей тут к государю с речью:
«Гавэйн, племянник ваш, каков!
Был бой, поверить я готов,
Премного трудным и опасным,
А он вернулся свежим, ясным,
Таким же, словом, как тогда,
Когда он выезжал туда.
Знать, ни удара не нанёс
И не сносил ответных гроз,
А каждый скажет, что по праву
Он заслужил и честь и славу,

Поскольку вышел он героем,
В том преуспев, что нам обоим
Не совершить, сколь ни потей».
Так выражал обиду Кей,
Как свойственно его нутру.
Гавэйн, однако, ко двору
Вести не собирался друга,
Пока на нём была кольчуга.
Разоружиться прежде след.
В свою палатку с ним вошед,
Он шамбеллану[79] повелел,
Чтоб гостя тот переодел.
И Персеваль был облачён:
В тунику, в плащ наряжен он.
Всё шло ему. Артура взору
Предстал он с другом в эту пору,
Тот пред палаткой восседал:
«Сир, сир, — Гавэйн ему сказал, —
Я вам привёл того, кому
Пятнадцать дней назад тому[80]
Забот вы столько уделяли.
Се тот, кого вы зреть желали,
О ком так много говорили,
Мной приведён к вам без усилий».
Король же: «Вам, племянник мой,
Я благодарен всей душой».
И тут он рыцарю навстречу
С учтивою поднялся речью:

«Сеньор, вас милости прошу
И первым долгом вопрошу:
Как называть я вас могу?
— Клянусь вам честью, не солгу,
Что Персеваль Валлиец я.
— Друг, осчастливьте короля,
Раз при дворе моём предстали,
Чтоб впредь его не покидали,
Я так хочу, по крайней мере.
Я сожалел как о потере,
Когда, увидев вас впервой,
Не угадал, какой судьбой
Господь вас наградит сполна.
Была предсказана она
Прилюдно, перед всем двором
Младой девицей и шутом,
Которых прежде Кей обидел.
И всё сбылось, как я увидел,
Для вас точь-в-точь; насчёт сего
Сомнений нет ни у кого,
Раз я услышал сообщенье —
Достоинств ваших подтвержденье».
Тут королева появилась,
Она уже осведомилась
О том, что рыцарь при дворе.
И Персеваль о той поре
О ней услышал и узнал,
И ту девицу увидал,

Что в прошлый раз не удержалась —
Его увидев, рассмеялась.
Он к королеве со словами:
«Даруй Всевышний счастье даме,
Прекрасной, лучшей из всех дам,
Как молвит каждый, чьим очам
Хотя бы раз она предстала».
И королева отвечала:
«Добро пожаловать, воитель!
Вы доказали, победитель,
Своей отваги высоту».
Приветствовал и деву ту,
Что прежде засмеялась звонко.
Её по шее гладя тонко,
Сказал ей: «Коль нужна услуга,
Всегда во мне найдёте друга
И избавителя от бед».
Благодарила та в ответ.
Так веселились, ликовали
Всё в честь Валлийца Персеваля —
Король, монархиня и двор.
И в тот же день они, вечор,
Вернулись в Карлиона сень.
Всю ночь и следующий день
Царили радость и веселье.
На третий день они узрели
На рыжем муле молодицу.
Она, зажатую в деснице.

Держала плеть. На голове
У ней, как уголь, косы две
Уложены весьма неровно.
Я книге следую дословно,
В которой всё приведено.
И в безднах ада не дано
Узреть уродливее дивы.
Найти железа б не могли вы
Чернее рук её и выи.
Её уродства остальные
Ужасней были во сто крат.
Глазёнки глубоко сидят
И маленькие, точно крысьи,
Нос обезьяний или рысий,
Как у осла иль тёлки уши,
А зубы, жёлтые гнилуши,
По цвету как яйца желток,
И борода козлища в клок.
Горб на груди посередине,
Хребет подобен крестовине,
А плечи, чресла — в самый раз
Вот-вот пуститься в жуткий пляс!
И ноги скрюченные дивы
Как прутья скрученные ивы.
Вот какова была б плясунья!
Подъехала сия горбунья
На муле к королю Артуру.
Весь двор подобную фигуру

Ещё не видывал вовек.
Она приветствовала всех,
Лишь Персеваля исключая
И с мула вовсе не слезая,
«Эй, Персеваль, — заговорила, —
Фортуна лысая-то с тыла,
Пышноволосая со лба.
Будь проклят славящий тебя
Иль кто тебе желает благ,
Ведь ты не удержал в руках
Фортуну, что однажды встретил!
И Рыболов тебя приветил,
Ты зрел копьё окровавленно,
Но так был глуп ты совершенно,
Что не спросил, из-за чего
С железного конца его
Стекает капля крови алой!
Грааль ты видел среди зала,
Но удосужился едва ль
Спросить, что значит сей грааль,
Какому он сеньору служит.
Да, тот с удачею не дружит,
Кто, самый лучший шанс имея,
Всё ж упустил его робея.
И ты тот самый невезучий.
В урочном месте выпал случай,
Чтоб говорить, а ты был нем!
Нет, не везёт глупцам совсем!

Тем паче, если ты молчишь,
Когда вопрос единый лишь
Спас бы больного короля,
От страшной раны исцеля,
И с миром править бы позволил.
Тогда б его не обездолил.
А знаешь, что случится, коль
Не будет править тот король
И не излечится от хвори?
Все дамы овдовеют вскоре,
Зачахнут земли от разора,
Девицы те, что без призора,
Останутся в числе сирот,
Немало рыцарей умрёт,
И в этом лишь твоя вина!»[81]
И королю потом она:
«Сир, не сердитесь ради Бога,
Ещё мне долгая дорога
Отсюда предстоит вечор.
Не знаю, слышали ль, сеньор,
О Горделивом замке сказ[82],
Но я туда иду как раз.
А в замке этом, знайте, есть
Пятьсот и шестьдесят и шесть
Великих рыцарей, и с каждым
Его подруга, дама, скажем,
Знатна, прекрасна, куртуазна.
Я это говорю не праздно,

А для того, чтоб без препон
Туда на битву ехал он,
Коль хочет доблесть доказать он:
Край для того благоприятен.
Кто ж хочет славы на весь мир,
Я думаю, что знаю, сир,
Ту землю, край далёкий тот,
Где он ту славу обретёт,
Будь только смел он должной мерой.
Там, на вершине Монтеклера[83],
Томится дева взаперти.
Почёт великий обрести
Тому, кто снять осаду сможет
И бедной узнице поможет.
Всем светом будет восхвалён,
И опоясается он
Волшебным Поясом — мечом,
И будет он любим Творцом».
На том девица замолчала,
То, что хотела, всё сказала
И удалилась прочь без слов.
Гавэйн заверил, что готов
Он всё возможное свершить,
Чтоб девушку освободить.
Жифле, сын Нута, молвил тоже,
Что хочет он по воле Божьей
Достигнуть Горделивых стен.
«Взойду, — воскликнул Каэден[84], —

На гибельную ту вершину,
Дойти до цели не премину».
А Персеваль иное рек:
Что двух ночей подряд вовек
Не проведёт в едином месте,
Что ринется по зову чести
В бой при опасности любой,
Что с рыцарем сильнейшим в бой
Он вступит, пред двумя такими
Не дрогнет, состязаясь с ними.
И всё — доколе не узнает,
Кто тем граалем обладает
И не найдёт копьё пока,
Дабы узнать наверняка,
Почто с него сочится кровь.
Он странствия предпримет вновь.
Героев собралось полста
И поклялись, а клятва та
Была и прочной, и священной —
Идти на поиск непременный
Тех приключений, браней лютых,
Презрев опасности, что ждут их
В чужой земле средь вражьих стен.
Пока шёл клятвами обмен,
Геганбрезиль[85] явился в зал.
В руках он щит златой держал,
Отделанный лазурью в лоске:
На треть лазурные полоски

Щита украсили поверхность.
Во всём краса и соразмерность.
Увидел короля, вошед,
Его приветствовал как след,
Но не Гавэйна тем не мене —
Он обвинил его в измене:
«Из-за тебя сеньор мой пал,
Тобой убитый наповал
И вовсе без предупрежденья.
Позор тебе и поношенье!
Предатель ты, я заявляю
И всех баронов уверяю,
Что лжи ни в чём не допустил».
При тех словах Гавэйн вскочил,
Как будто был стыдом объят.
Но Агравен, Гавэйна брат[86],
Поднялся, чтоб сдержать его:
«Во имя Бога самого,
Сеньор, вы род свой не пятнайте,
Вас защитить смогу я, знайте,
От столь ужасного навета.
И я вам обещаю это».
И тот: «Защиты не ищу
Я от других, а защищу
Себя я сам. Прошу учесть,
Что здесь моя задета честь.
Когда б я рыцаря обидел,
Охотно, лишь его увидел,

Искал бы с ним я примиренья
И дал бы удовлетворенье,
Оно устроило бы всех.
Но я от оскорблений тех
Готов как должно защититься.
Вот мой залог: пусть всё решится
В том месте, где б ни пожелал».
На это рыцарь отвечал,
Что доказательства представит
Чрез сорок дней, и их он явит
Пред королём Эскавалона,
Что красотой Авессалома[87]
Затмил, по мненью моему.
«А я клянусь, — Гавэйн ему, —
Что ты сей миг покинешь двор.
Кто прав из нас, покажет спор».
Геганбрезиль повиновался,
Мессир Гавэйн засобирался
Пуститься рыцарю вослед.
Копьё подал ему клеврет,
Щит принесли, и меч, и шлем,
Однако пренебрёг он всем,
Что не ему принадлежало.
С собою шесть конюших взял он,
Семь скакунов и два щита.
Ещё не вышел за врата,
А все уж предались печали:
Лицо и волосы терзали

И били в грудь себя — кто что.
Там слёз безмерно пролито
И дамой каждой, и девицей;
Пришлось мужчинам прослезиться.
И всё ж Гавэйн уехал сразу.
Теперь внимайте вы рассказу
О том, что приключилось с ним.
С отрядом рыцарей одним
Столкнуться довелось ему.
Тут он к конюшему тому,
Что позади отряда шёл
И под уздцы десницей вел
Коня испанского[88], на шее
Висящий щит большой имея,
«Скажи, конюший, — обратился, —
Что здесь за рыцарь мне явился? —
—То Мелиан де Лис идёт[89],
Могуч, отважен рыцарь тот.
— Ты в свите? — Но не у него,
А у сеньора моего,
Траэ д'Ане, из той же знати».
Гавэйн ему: «Вот это кстати,
Ведь я знаком с Траэ д'Ане[90].
Куда ж он едет, молви мне.
— Он поспешает на турнир,
Где Мелиан де Лис, мессир,
Против Тьебо де Тинтажеля[91].
И вам туда бы, в самом деле,

В бою с пришельцами сойтись.
— Мой Бог, а Мелиан де Лис
Воспитан не был неужели
В дому Тьебо де Тинтажеля?
— Всё так, свидетель мне Творец.
Любил Тьебо его отец
И доверял ему он тоже
Так, что ему на смертном ложе
Доверил сына своего,
Прося, чтоб воспитал его,
Большой любовью окружил.
Когда де Лис любовь открыл
Одной из дочерей вассала,
Ему девица отказала:
Мол, чувства в ней он не пробудит,
Покуда рыцарем не будет.
И он в надежде на успех
Оружье взял, надел доспех
И подступил к ней с просьбой новой.
«Нет, нет и нет, — она сурово, —
Пока вы на моих глазах
Не отличитесь так в боях,
Чтоб я любила вас сама.
К тому, что взяли задарма,
Скорей мы интерес утратим,
Чем ко всему, за что заплатим.
С Тьебо померьтесь вы в бою,
Чтоб заслужить любовь мою,

И посмотрю я, хорошо ли
Я поступлю, коль доброй волей
Любовь я вам свою отдам».
И следуя её словам,
Решил он, что турнир затеет.
Такую власть Любовь имеет
Над слугами своими, что
И не осмелится никто
Перечить этой госпоже,
В них воцарившейся уже.
А вам бы встать на стороне
Людей из замка, так вполне
Им явите благодеянье,
Лишь дав согласье на ристанье».
Гавэйн конюшему: «Друг мой,
Иди же выбранной стезёй
И за своим сеньором следуй,
А мне ты здесь не проповедуй».
Конюший сразу удалился,
Гавэйн же дальше в путь пустился.
Он ехал к замку той порой,
Ведь не было стези иной.
Тьебо созвал уж, клич свой кинув,
Соседей, братьев, паладинов;
Кто стар, кто млад, кто дюж, кто хил —
Явиться каждый поспешил.
Но не нашёл он никого,
Кто б одобрял турнир его,

Что супротив его сеньора.
Они боялись, как бы скоро
Не вздумал он их погубить.
Замуровать и укрепить
Все входы в замок было нужно.
Проём любой двери наружной
Надёжно заложили кладкой,
Одну оставили украдкой —
Вход неприметный потайной,
Засов не из ольхи простой.
Ту дверь лишь не замуровали.
А выломать её едва ли:
Из меди сделанная твёрдой,
Она телегою подпёрта,
А в той железный спуд лежал.
Гавэйн туда свой путь держал,
Он свиту пропустил вперёд,
Ведь должен был найти тот вход,
А если нет, назад пойти.
Другого не было пути,
И не найти в неделю даже.
Дверь на запоре, и тогда же
Прошёл к подножью башни он;
Оплот оградой окружён.
Под дубом спешился и вмиг
Повесил два щита своих
Так, чтоб из замка их узрели.
И многие повеселели:

Глядишь, изменится финал.
Но был там старый подвассал[92],
За мудрость, род свой и владенья
Весьма достойный уваженья.
И каждый данный им совет,
Будь он удачный или нет,
Все неизменно одобряли.
Ему прибывших показали,
И он, увидев их дотоле,
Как те под дуб прошли чрез поле,
С Тьебо затеял разговор:
«Господь свидетель мне, сеньор,
Коль не ошибся, видел я
Двух рыцарей, от короля
Артура прибывших подмогой.
Уж два таких — для нас неплохо,
Осилим и с одним турнир.
Но полагаю я, мессир,
Вы сами сможете достойно
Идти на тот турнир спокойно,
Ведь ваши рыцари сильны,
И ваши лучники славны,
Они убьют их скакунов.
И я заверить вас готов,
Что возле двери биться будут,
А коль они туда прибудут,
Мы их, конечно, победим,
Оставив лишь досаду им».

И согласился с ним Тьебо,
Велел вооружиться в бой,
А тем, кто уж надел оружье,
Позволил выехать наружу,
Чему был каждый рыцарь рад.
Доставить слуги им спешат
Оружье и коней в попонах.
Девицы, дамы на балконах
Расположились там и тут
И зрелищ с нетерпеньем ждут,
Взирают все благоговейно
На снаряжение Гавэйна.
Но думали они сперва,
Что рыцарь не один, а два,
Ведь два щита, они узрели,
На ветках дерева висели.
Сказали, что, взойдя наверх,
Двух рыцарей узрели тех,
Когда они вооружались.
Пока одни так выражались,
Другие: «О Господь Всевышний!
Тот рыцарь оснащён излишне,
Коней, оружья у него —
Хватило б на двоих того,
Но нет с ним рыцаря второго,
Сопровожденья никакого.
Те два щита на что ему?
Одновременно никому

Владеть двумя не удавалось».
Всё это странным им казалось:
И то, что два меча один
Имел прибывший паладин.
Так ратоборцы рассуждали
И выходить из замка стали.
Дочь старшая Тьебо тогда ж
На верхний поднялась этаж:
Она турнир сей учредила.
При ней меньшая, что носила
С таким изяществом на платье
Рукавчики, что имя дать ей
Девица Узенький Рукав[93]
Смогли, нимало не солгав.
Итак, на башне две сестрицы
И с ними дамы и девицы.
Все ратоборцы той порой
Пред замком выставились в строй;
Всех краше Мелиан де Лис.
Его подруга, глядя вниз,
Девицам это подтверждала:
«Из всех героев, что видала,
Не мог никто до этих пор
Так очаровывать мой взор, —
Правдиво сердце повествует.
Как Мелиан де Лис чарует!
Не сладостно ли восторгаться,
Таким красавцем любоваться?

В седле ему пристало быть,
Чтобы копьём, мечом разить,
Ему, который, несомненно,
Владеет этим совершенно».
Сестра ей заявила тут же,
Что знает рыцарей получше.
А та вскочила, разъярясь,
Ударить младшую стремясь,
Но дамы те, что рядом были,
Её сдержали, оттащили,
Не дав напасть так на сестру.
То было ей не по нутру.
Турнир же в самом был начале,
Бес счёта копий уж сломали,
Не счесть ударов нанесли,
Простёрлись многие в пыли.
И знайте: сильно поплатились
Бойцы, что с Мелианом бились.
Никто пред ним не устоял:
На твердь копьём он низвергал,
А если на куски древко,
С мечом справлялся он легко.
И вёл себя он лучше всех,
Кто был от этих иль от тех.
Его подруга ликовала
И так восторги изливала:
«Взгляните дамы, вот не чудо ль!
Подобная была ли удаль

Когда-нибудь среди юнцов?
Вот лучший из младых бойцов,
Которых видеть въявь могли вы!
Он самый доблестный, красивый
Из всех, кто на турнире есть».
Меньшая ей: «Я вижу здесь
Того, кто краше и славней».
Тут старшая метнулась к ней
С такою исступлённой речью:
«Дерзишь, девчонка, мне переча,
К несчастью своему, когда
Хулишь того, кем я горда,
Кого хвалю, узрев в бою.
Прими пощёчину мою,
В другой раз сдержаннее будь».
И так смогла сестру хлестнуть,
Что след остался на ланите.
Прибегли вновь к её защите,
Спесивицу уняли скоро.
Сменилась тема разговора,
И о Гавэйне речь пошла.
«Мой Бог, — одна тут начала, —
Тот рыцарь, что под дубом медлит,
Что ж он оружья не наденет?»
Другая, дерзкая, в ответ,
Мол, мира он блюдёт обет.
А третья: «Это же купец.
Пусть толкам всем придёт конец:

Не мысля о турнире даже,
Коней привёл он для продажи».
Четвёртая: «Да нет, меняла,
И не намерен он нимало
Всем бедным рыцарям раздать
Ту привезённую им кладь,
Не думайте, что это ложь,
В мешках, тех сундуках найдёшь
Посуды, серебра в достатке.
— Вы так на злоязычье падки
И в заблуждении большом, —
Меньшая им, — будь торгашом,
Справлялся б он с копьём подобным?
Таким своим сужденьем злобным
Меня сведёте вы с ума.
Свидетель Дух Святой: весьма
Похож он видом на бойца,
Не на менялу иль купца.
Как рыцарь предстаёт он взорам».
Девицы возразили хором:
«Подруга наша, пусть и так
Он выглядит, но то пустяк,
Ведь он переодеться мог,
Чтоб избежать платить налог.
И глуп он, если так лукавит,
Ведь за такой обман отправят
Его в темницу очень скоро
Как взятого с поличным вора,

Который в плутнях уличён.
Заслужит виселицу он!»
Сеньор Гавэйн речам внимал
И всё прекрасно понимал,
От мук стыда в душе сгорая.
Но был он прав, не забывая,
Что он в измене обвинён
И к поединку принуждён.
К тому же каждая заминка,
Как и уход от поединка,
Ему бесчестье принесёт,
Он опозорит весь свой род.
Он медлил из-за опасенья
Серьёзной раны иль плененья
И в поединок не вступал,
Хоть страстно этого желал,
Поскольку видел, как всё жарче
Кипел турнир, занятней, ярче.
А Мелиан де Лис меж тем
Копьё взял мощное и с тем
Блистал средь общей кутерьмы.
Весь день, до наступленья тьмы,
Турнир пред дверью продолжался.
Трофей захваченный сгружался
В какой-то уголок укромный.
Вдруг взоры дам привлёк огромный
Оруженосец, лыс он был
И полкопья с собой носил,

Подшлемник на груди подвешен.
Решили дамы: он помешан,
И так одна ему: «Увы,
Сеньор оруженосец, вы,
Прости Господь, безумец жалкий,
Раз поднимаете из свалки
Подшлемники, копья куски,
Железки и знамён клочки.
Вот вас достойная работа!
Иль втуне рисковать охота?
Но рядом с вами, на лугу,
Под башней, видеть я могу
Товары и без сторожей.
Вам выпал случай: в барыше
Не будет лишь безумец истый.
Вот рыцарь — миролюбец чистый:
Пусть даже и усов лишишь,
Его и тем не раздражишь.
Вы выгоды не упускайте,
Всех лошадей мне передайте
И все сокровища, что с ним —
Всё ж он пребудет недвижим».
Помчась на луг, куском копья
Ударил он его коня
И молвил рыцарю: «Вассал,
Ты что-то, видно, захворал,
Раз целый день стоишь здесь праздно,
Лишь наблюдая безучастно,

Не повредив копьё и щит?
— Скажи мне, — рыцарь говорит, —
Какое дело до меня?
Из-за чего здесь медлю я
Узнаешь, может, позже где-то.
Но, ставлю голову, что это
Я не открою в одночасье.
Иди ж отсюда восвояси
И возвратись к своим делам!»
Уж нет оруженосца там:
Был не из тех он, что решатся
На неприятности нарваться.
Но вот турнир приостановлен,
Был многим плен там уготовлен,
Не счесть коней, убитых в поле.
Тем, кто из замка, славы боле,
Добычи ж — тем, кто был снаружи.
Расставшись, сговорились мужи
Назавтра встретиться опять
И снова целый день ристать.
Как только сумерки сгустились,
Те, кто из замка, в замок скрылись,
Мессир Гавэйн шёл с ними рядом
Туда же, следом за отрядом.
Ему навстречу подвассал,
Тот, что хозяину подал
Совет сегодня бой вести.
Просил Гавэйна он придти

В его покои на ночлег,
Учтиво, куртуазно рек:
«Сеньор, коль это вам по нраву,
Ночлег вас в замке ждёт на славу,
Вы можете располагаться
И на ночь эту оставаться,
Ведь если дальше вы пойдёте,
Приюта близко не найдёте,
И я вас милости прошу.
— О, дорогой сеньор, спешу
Вам благодарность принести я
За речи добрые такие».
Ввёл подвассал его в покои,
Спросил про то и про другое,
И о причине вопросил,
Почто не соблаговолил
К турниру присоединиться.
Пришлось Гавэйну объясниться:
Что он в измене обвинён,
Что избегать он принуждён
Тюрьмы, увечий иль раненья,
Пока не снимет обвиненье,
Которое ему предъявят;
Себя рискует обесславить
И всех друзей, коль в нужный день
Не явится мессир Гавэйн
На поединок по условью.
Отнёсся тот к нему с любовью

И был доволен объясненьем
И мудро принятым решеньем
Не биться на турнире том.
Он проводил его в свой дом,
И оба спешились затем.
Из замка люди между тем
Его в измене обвинили,
Арестовать его решили,
Чтоб мог сеньор им в том помочь.
И старшая сеньора дочь
Все доводы собрала смело,
Которые найти сумела,
И так отцу: «Сеньор, конечно,
Турнир сегодня шёл успешно
Для вас, как я убеждена:
Добычи взяли вы сполна.
И потому, могу сказать.
Вам нужно только приказать,
Дабы лжерыцаря связали.
В защиту вас он встал едва ли,
Но очень подло всех провёл:
Он в город скакунов привёл,
И копья, и мечи доставив,
Украл он пошлины, слукавив;
Под рыцаря в одежде латной
Сумел доставить всё бесплатно,
При этом выгоду имел.
Судите же, какой удел

Подлогом заслужил бесчинным.
Сейчас Гарэном, Берты сыном,
Он принят, знаю, на постой[94].
Туда ушёл он сей порой,
Ведомый этим подвассалом».
Так обвинением немалым
Его потщилась очернить.
Тот поспешил в седло вскочить,
Чтоб убедиться самому,
Помчался к дому он тому,
Где был наш рыцарь на постое.
Меньшая дочь, узрев такое
Его внезапное отбытье,
Пробралась тихо чрез укрытье,
Чтоб незамеченною быть,
Другим путём спеша прибыть
К постою доброго Гавэйна
У сына Берты, у Гарэна,
Отца двух нежных чаровниц.
Как только взору тех девиц
Хозяйка юная предстала,
Вмиг каждая возликовала,
Её приветствуя с душой.
За руки взявшись, с госпожой
Ходили, радуясь, ликуя,
В уста, в глаза её целуя.
Вновь на коня вскочил Гарэн,
Он был небеден и почтен,

И он с Бертраном, сыном, лично
Поехал в замок, как обычно,
Дабы сеньора повидать.
Его случилось повстречать
На улице, и подвассал
Почтенья знаки оказал,
Спросив, куда он путь наметил.
Тот о намереньях ответил,
Что в дом к нему развлечься едет.
«Сеньор, вам неудобств не встретить, —
Сказал Гарэн, — клянусь я вам,
К тому же встретите вы там
Первостатейного героя.
— Мой Бог, но здесь не для того я,
Ведь я его арест готовлю.
Купец он и ведёт торговлю,
Прикрывшись рыцарской бронёй.
— Сочту всё низкой клеветой,
Неслыханной, — Гарэн сказал. —
Вы мой сеньор, я ваш вассал,
Скорей и я и весь род наш
Нарушим сей же час оммаж
И не признаем вашу волю,
Чем я в дому моём позволю
Свершить такое оскорбленье!
— Господь свидетель, что стремленья
Такого не имею я.
Ваш гость и ваша вся семья

Как должно будут почтены,
Но мне поверить вы должны,
Что увещаний всех хватило,
И мне приехать нужно было».
И подвассал: «Раз так, спасибо
За честь оказанную, ибо
Войдёте гостем вы в мой дом».
И после этого втроём
Они направились к приюту,
Где был Гавэйн в сию минуту.
Как только их увидел, живо
Он поздоровался учтиво,
Как куртуазный человек
«Добро пожаловать!» им рек,
А те приветствие вернули,
Сесть рядом с ним не преминули.
И благородный господин,
Угодий этих властелин,
Спросил, почто он отказался,
Раз на турнире оказался,
Почто в бои он не вступал.
Гавэйн отнюдь не отрицал,
Что то — нечестное решенье,
Об обвинении в измене
Он рассказал и что как раз
Он ехал, к королю стремясь,
Пред коим должен оправдаться.
Сеньор сказал: «У вас, признаться,

Законное есть оправданье.
Но где произойдёт ристанье?
— Явиться в замок должен я
Эскавалона короля
И думаю, что путь мой верен.
— Я дать охрану вам намерен,
Что вас к нему сопроводит,
И так как путь туда лежит
Чрез бедный край, снабжу припасом —
Вином и хлебами, и мясом,
На лошадях всё повезут».
Мессир Гавэйн ответил тут,
Что без того он обойдётся,
Ведь коль там что-то продаётся,
Он это купит сей же час
И лошадей как на показ,
Так что ни в чём нужды не имет,
А потому услуг не примет.
Сеньор откланялся и прочь,
Но, выходя, меньшую дочь
Он встретил на пороге зала.
К ногам Гавэйна та припала,
Сказав: «Послушайте, сеньор!
Я здесь, чтоб выразить укор
Сестре, ударившей меня.
Прошу у вас отмщенья я
За оскорбление. Молю я!»
Мессир Гавэйн на речь такую

В ответ молчание хранил.
Длань на главу ей возложил,
Та обняла его колени:
«Лишь вам, прекрасный рыцарь, пени
Я на свою сестру взношу,
Её в душе не выношу,
Ведь из-за вас побита ею.
— При чём здесь я, не разумею.
И как могу я вам помочь?»
Сеньор, что удалялся прочь,
Услышал дочери призывы.
«Зачем, о дочь моя, пришли вы
С мольбою к рыцарям сюда?
— Сеньор, то ваша дочь? — О, да,
Не обращайте же вниманья
На те девичьи излиянья.
Она дитя ещё сама,
Притом незрелого ума».
И тот: «Со стороны моей
Невежливо бы было ей
Не уделить сейчас вниманья.
Скажи, прелестное созданье,
И как и по какой причине
Мне удовлетворенья ныне
У вашей требовать сестры?
— Сеньор, о будьте так добры,
Вы завтра утром облачитесь
И из любви ко мне сразитесь.

— Скажи, дитя, а прежде было
Так, чтоб ты рыцаря просила
Исполнить что-либо? — О нет.
— Не слушайте вы этот бред, —
Отец вмешался в разговор, —
Ведь говорит полнейший вздор!
— Мой Бог, сеньор, поверьте мне вы,
По-детски чисты речи девы,
Не откажу ей в просьбе я,
Раз хочет этого дитя.
И вот решение моё:
Я стану рыцарем её».
И та: «Спасибо, господин,
Прекрасный, добрый паладин».
И так душою ободрилась,
Что до самой земли склонилась.
Затем сеньор дочь посадил
На своего коня, спросил,
Из-за чего случилась ссора.
А та причину их раздора
Отцу открыла не тая,
Сказав: «Сеньор, не стала я
Терпеть сестры моей каприз,
Мол, лучший — Мелиан де Лис,
Тогда как супротив него
Узрела рыцаря того,
И потому мне не терпелось
Ей возразить, как мне хотелось,

Что он прекрасней Мелиана.
Сестра же, гневом обуяна,
Меня девчонкой назвала
И рвать власы мне начала.
Будь проклят кто смеялся там!
Я срезать эти косы дам, —
То б не украсило меня, —
Лишь завтра бы средь бела дня
В бою открытом Мелиана
Поверг тот рыцарь и нежданно
С моей сестры бы сбил он спесь.
Тогда б им не кичилась здесь,
А то о нём болтала столько,
Что утомила дам и только.
Но мелкий дождь сбивает ветер.
— Дитя моё, — сеньор ответил, —
Вы с разрешенья моего
По-куртуазному его
Должны почтить, в залог послав
Ему нагрудник иль рукав».
А та с наивностью в ответ:
«Сеньор, приму я ваш совет
С охотой, раз вы говорите.
Но рукава малы, поймите,
Послать такой я не решусь,
В противном случае боюсь,
А вдруг пренебреженье встречу».
Сеньор ей: «Сам всё обеспечу.

Ни слова больше, дочь моя.
Имею всё, что нужно, я».
На том её обнял он нежно
И, полный радости безбрежной,
Держал в объятиях своих.
А дочка старшая в тот миг,
Увидев, как он подъезжает
И как меньшую обнимает,
Почувствовала в сердце боль.
«Сеньор, — воскликнула, — отколь
Сестра моя Рукавчик едет?
Уж искусилась, всяк отметит,
В коварстве, хитростях она.
Не слишком ли ещё юна?
Откуда вы её везёте?
— К чему вопросы задаёте? —
Отец ей, — лучше вам молчать.
Сестре вы нравом не под стать.
Её вы за косы таскали,
И оттого-то я в печали,
То куртуазности претит».
Тут разобрал девицу стыд
Из-за отцовской строгой брани.
Сеньор кусок пурпурной ткани
Велел достать из сундука
И изготовить из куска
Рукав широкий, как желал он.
Затем меньшую дочь призвал он

И молвил: «Завтра, дочь моя,
Встать на заре велю вам я.
Пойдёте к рыцарю тому,
Пока он здесь, дабы ему
В залог любви отдать рукав,
А он, от вас его приняв,
С ним на турнир поедет скоро».
И дочь заверила сеньора,
Что на заре она проснётся,
Оденется и соберётся.
Отец ушёл затем, она,
Великой радости полна,
Всех озадачила служанок,
Чтоб разбудили спозаранок,
Не дав ей долго почивать,
А то, мол, им несдобровать,
Когда забрезжит луч денницы.
Точь-в-точь всё сделали девицы,
И времени не тратя зря,
Как только занялась заря,
Её подняли и одели.
Так, рано утром встав с постели,
Она отправилась без свиты,
В дом, где Гавэйн был именитый.
И всё ж пришла она туда
Не слишком рано, ведь тогда
Все встали и ушли уж в храм,
Дабы послушать мессу там.

Их с нетерпеньем ожидала
Девица в доме подвассала,
Пока молитвы не свершат
И проповедей не вкусят.
Когда вернулись все из храма,
Она тотчас Гавэйну прямо
Сказала: «Благодать Господня
Да снизойдёт на вас сегодня!
Сеньор, прошу, рукав примите
И из любви ко мне носите».
И тот, её благодаря:
«Охотно, милая моя».
Вот рыцари без промедленья,
Надев своё вооруженье,
За городом все собрались.
На стены девы поднялись,
А с ними вместе дамы все,
Чтоб ратными во всей красе
И храбрости полюбоваться
И зрелищами наслаждаться.
Явился Мелиан де Лис.
Он на коне, поводья вниз,
Летит, отряд оставив свой
На два арпана[95] за спиной.
То старшая сестра узрела,
Язык сдержать свой не сумела:
«Вот, дамы, тот, кто воплощает
Цвет, славу рыцарства, блистает!»

Мессир Гавэйн во весь опор,
Насколько только конь был скор,
Помчался на него, однако
Не испытал противник страха.
Копьё в осколки от удара.
Мессир Гавэйн ударил яро
Воителя что было сил,
С седлом де Лиса разлучил.
За повода схватив, потом
Он завладел его конём.
Отдал конюшему, велев
Найти среди прекрасных дев
Ту, ради коей шёл он биться.
Тот должен передать девице,
Что рыцарь посылает ей
Коня, сегодняшний трофей,
Которым смог он завладеть,
Чтоб конь принадлежал ей впредь.
Так получила в дар она
Осёдланного скакуна.
Через окно своей светлицы
Прекрасно видела девица,
Как рухнул Мелиан де Лис.
Она сестре: «Вот убедись,
Что Мелиан повергся в прах.
Ты так искусна в похвалах
Насчёт него всегда была!
Но что вчера я предрекла,

Клянусь, то нынче происходит:
Его тот рыцарь превосходит».
Так спорила, так горячилась,
Что, наконец, та разозлилась
И закричала: «Перестань,
Негодная девчонка, дрянь!
Я этого не потерплю,
Коль вновь откроешь рот, влеплю
Тебе пощёчину такую —
Не устоишь ты ни в какую.
— Побойтесь Господа, сестрица, —
В ответ ей юная девица. —
Ведь не за правду, стало быть,
Меня вам следует здесь бить,
Клянусь, что на моих глазах
Де Лис был сброшен прямо в прах,
И вы свидетельница тоже.
Пока не встанет он, похоже.
И сколь ни гневайтесь, бушуя,
Об этом все-таки скажу я,
Ведь нету дам таких средь нас,
Чтобы не видели сейчас
Его внезапную поруху».
Та б и дала ей оплеуху,
Когда бы дамы, их обстав,
Не уняли её, сдержав.
Средь перепалки к ним подходит
Конюший, он коня подводит

К девице юной у окна.
Передаёт ей скакуна.
Та благодарствует ему,
А тот — к сеньору своему
Ту благодарность передать.
Гавэйну выпало блистать:
Он низвергал и самых лучших,
Сбивал противников могучих,
С его копьём имевших дело.
Нет, никогда ещё столь смело
Он добывать коней не мог.
Сегодня ж целых четырёх
Стяжал и вовсе без натуги.
Конь первый для его подруги,
Уже известной нам вполне,
А подвассаловой жене
Он угодил вторым немало,
Обеим дочкам подвассала
Послал он в дар по жеребцу.
Стал подходить турнир к концу;
Вернулись все чрез те ж ворота.
Меж тем Гавэйн похвал без счёта
От тех и этих принимал.
Ещё и полдень не настал,
Уж он покинул поле брани.
Его встречали горожане
На стогнах шумною толпой
И вопрошали вперебой,

Желая знать, кто он таков
И прибыл из каких краёв.
Он встретил деву по дороге
У дома, прямо на пороге,
А та не упустила время,
Схватила рыцаря за стремя
И воззвала, подняв свой взор:
«Жду ваших милостей, сеньор!»
Он понимал, что ей угодно,
И ей ответил благородно:
«Я был бы старцем седовласым,
Когда б не согласился разом
Служить вам, милая моя.
И в миг любой, где б ни был я,
В какой земле или стране,
Коль будет надобность во мне,
К вам, все препятствия минуя,
По зову первому примчу я».
И та: «Благодарю, сеньор».
Меж тем как длился разговор,
Её отец к ним подоспел,
Во что б ни стало он хотел
Гавэйна на ночлег оставить
И дом свой гостю предоставить.
Гавэйн принёс тут извиненья,
Сказав ему, что, к сожаленью,
Никак не может он остаться.
Тот попросил его назваться:

«Сеньор, меня Гавэйном звать.
Я имя не привык скрывать,
Когда меня назваться просят.
А если имени не спросят,
То знать им имя ни к чему».
Узнав, что предстаёт ему
Мессир Гавэйн, никто иной,
Сеньор возликовал душой,
И он сказал: «Сеньор, входите,
Ночь у меня вы проведите.
Служить вам всячески потщусь,
Ведь никогда ещё, клянусь,
Так не желал почтить кого-то,
Как вас, усердною заботой».
Его упрашивал он долго,
И всё ж Гавэйн по воле долга
Все приглашенья отклонил.
Девица ж проявила пыл.
Безумной не была нисколько,
Чтоб поцелуй оставить только,
Герою ногу обняла
И «с Богом, рыцарь» изрекла.
Гавэйн спросил о жесте этом,
И та не медлила с ответом:
К ноге прильнула, чтоб скорей
Оставить поцелуй на ней[96],
Дабы ее не забывал,
В какой бы край ни заезжал!

Гавэйн ей: «Милая моя,
Не сомневайтесь: как бы я
От вас ни буду далеко,
В моём вы сердце глубоко».
И он уехал, с ней расставшись,
Со всеми также попрощавшись.
Гавэйна поручили Богу.
Так он отправился в дорогу.
Ту ночь в монастыре провёл,
Приём достойный там обрёл.
Наутро путь продолжил свой
И вдруг увидел пред собой
Среди дороги, на поляне,
Как мирные пасутся лани.
Оруженосцу “стой” тогда.
Тот вёл коня за повода
(Из всех Гавэйновых коней
Был, верно, самым лучшим сей),
Нёс крепкое копьё к тому же.
Гавэйн велел подать оружье
И подвести коня ему,
Подпруги подтянув тому.
Решил взять свежего коня.
Ни мига не повременя,
Юнец исполнил всё со тщаньем.
Гавэйн помчался прямо к ланям
И так был ловок, так умел,
Что к белой лани подлетел

Близ ежевичного куста.
Метнул копьё ей в шею, та
Прыжком скакнула, как олень,
Умчалась под лесную сень.
И рыцарь — вслед за ней поспешно.
И так преследовал успешно,
Что уж почти её настиг,
Но конь споткнулся в этот миг[97],
Сронив переднюю подкову.
Не предаваясь больше лову,
Гавэйн вернулся к прочим всем.
А конь его ослаб меж тем,
И рыцарь полон был досады,
Не знал, из-за какой преграды,
Быть может, пня, тот захромал.
Оруженосца он позвал
И спешиться ему велел,
Чтоб скакуна тот осмотрел,
А конь хромал уже немало.
И этот расторопный малый
Взглянул на конское копыто
И понял, что подкова сбита.
«След подковать его, сеньор,
И тихо ехать до тех пор,
Пока не встретим кузнеца,
Что подкуёт нам жеребца».
Путь продолжали как умели.
В конце концов они узрели

Из замка выходящий люд.
Был крытый двор просторный тут
И занимал он часть округи,
Борзых вели на сворках слуги
И колья егеря несли,
Стрелки, оруженосцы шли
И следом рыцари толпою.
А позади всех было двое
На скакунах на боевых.
И юноша из тех двоих
Был самый среди них красивый[98].
Гавэйну он привет учтивый,
Один из всех, тотчас послал
И, длань пожав ему, сказал:
«Сеньор, вас задержу немного.
В мой дом, отколь моя дорога,
Зайти вас на ночлег прошу.
Вас отдохнуть я приглашу,
Всем вашим нуждам сообразно.
Моя сестра, что куртуазна,
Окажет с радостью приём.
Вот тот, кто вас проводит в дом,
Сейчас стоит он предо мной».
И спутнику: «Друг дорогой,
Сопроводи-ка ты сеньора
К моей сестре как можно скоро,
Её приветь и объяви:
Пусть ради верности, любви,

Что есть меж братом и сестрою,
Коль сердце некогда герою
Она отдаст — отдаст ему
И так почтит в своем дому,
Как брата, то есть, как меня.
Покуда не приеду я,
Его компаньей пусть уважит.
Когда ж приём ему окажет
Любезно, куртуазно, знатно,
Немедля к нам вернись обратно,
Ведь я хочу как можно скоро
Увидеть этого сеньора».
На том уехал он, а тот
Гавэйна проводил в оплот,
Где был он ненавистен всем,
О чём не знал, ведь перед тем
Его никто там не встречал.
Он вовсе не подозревал,
Что надо бы остерегаться.
Тут стал он замком любоваться,
Что у залива возведён.
Он видел башню, бастион,
Такие мощные громады,
Что замку не страшны осады.
Он видел город дивный сей,
Его прекраснейших людей
И лавки денежных менял
С сребром и златом созерцал,

И любовался площадями,
Заполненными мастерами,
Где каждый занят был трудом,
Своим привычным ремеслом:
Тот шлемы делал, тот — кольчуги,
Тот — сёдла, сбруи и подпруги,
Тот — шпоры, тот — гербы, тот — дроты;
Велись кузнечные работы —
Ковались добрые мечи.
Здесь сукновалы и ткачи,
Красильщики и стригали
Труды усердные несли;
Из злата и сребра в избытке
Здесь изготавливали слитки,
Творили мастера иные
Из них изделья дорогие:
Посуду, чаши отливали,
А те — с отделкой из эмали
Запястья, пояса, колье.
И можно заключить сие:
В том славном городе всегда
Торгов и ярмарок страда,
Он был заполнен перцем, воском,
Приправами, богатства лоском,
Мехами векш и соболей —
Товарами любых мастей.
Был, словом, город сей богат.
Всё озирал Гавэйна взгляд,

Но он не медлил ни на миг.
Вот башни наконец достиг.
Оруженосцы их встречают,
Коней, оружье принимают,
И рыцарь в башню ту вошёл,
Гавэйн вослед за ним. Привёл
Тот за руку его в покой
Той самой девы молодой.
И ей: «Подруга дорогая,
Ваш брат, привет вам посылая,
Вас просит почести воздать,
Приём достойный оказать
Сеньору, что пришёл со мною.
И это сделайте с душою,
Не в одолжение ему,
Родному брату своему.
Вы не скупитесь на радушье,
Но щедрость и великодушье
Явите рыцарю вполне.
Я вас оставлю, ибо мне
Вернуться в лес к нему приспело».
Та вся от счастья просветлела:
«Благословен тот, кто сейчас
Ко мне направил в гости вас.
Сеньор, со мною рядом сядьте,
Красивы вы, изящны статью,
И так как просит брат мой сам,
Компанию составлю вам».

Тут рыцарь удалился прочь,
Гавэйн же вовсе был не прочь
Побыть наедине с девицей,
Такой прелестной чаровницей.
Та столь воспитанна была,
Что с ним наедине могла
Остаться вовсе без надзора.
Любовь — вот тема разговора.
К иной же обратиться теме —
Лишь попусту им тратить время.
Гавэйн авансы ей сулил,
Взывал к ней, о любви молил,
Клянясь ей в верности до гроба.
И «нет» не молвила особа,
Дав всё ему, чего желал.
Тут ненароком подвассал
Вошёл к ним и узнал Гавэйна,
В то время как они лилейно
Слились в лобзаньях и объятьях.
Увидев их в таких занятьях,
Не удержался подвассал,
Что было мочи закричал:
«О женщина, позор тебе!
Пусть Бог тебя лихой судьбе
Предаст за то, что снизошла ты
К тому, кого должна была ты
Возненавидеть больше всех!
Безумная, ты впала в грех,

Природе низменной верна.
Его ты сердце взять должна
Руками, вовсе не устами.
Одним лишь поцелуем даме
Взять сердце рыцаря дано,
И будет пленено оно.
Его бы лучше, разумею,
Рукой ты б вырвала своею.
Творить добро — роль женщин всех,
А на уме у них лишь грех.
Та, в ком одна лишь добродетель —
Не женщина, Господь свидетель.
Она утратит это званье,
Когда творит благодеянья.
А ты-то женщина и есть,
Коль рядом пригласила сесть
Убийцу твоего отца,
И ты целуешь наглеца.
Как только женщине случится
Всего желанного добиться,
Она забудет всё на свете».
Он вышел, молвив речи эти.
Гавэйн и слов тут не нашёл.
Упала девушка на пол,
И так без чувств она лежала.
Гавэйн поднял её, дрожала
От страха, бедная, она,
Ещё бледна и зелена.

Придя в себя, сказала так:
«Ах, мы погибли! Страшный знак:
Умру совсем безвинно я
И вы, мой друг, из-за меня.
Стечётся весь народ сейчас же,
Их десять тысяч, больше даже,
И эту башню окружат.
Здесь есть оружья целый клад,
И я его сейчас вам дам.
Храбрец прекрасно смог бы сам
И рати противостоять».
И чтоб хоть как-то страх унять,
Оружье принесла мгновенно.
Вооружив его отменно,
Она не так уже боялась.
Щита, к несчастью, не сыскалось,
Вооружился наш герой
Большою шахматной доской,
Сказав: «Подруга, не ищите,
К такой прибегну я защите».
Фигуры из кости слоновой
Он высыпал на пол дубовый.
Фигуры прочности отличной
Стократ тяжеле, чем обычно.
Раз биться выпало, теперь
Решил он перекрыть и дверь,
И вход в ту башню для защиты;
Эскалибур[99] с ним знаменитый,

На свете самый лучший меч,
Металл, как древо, мог рассечь.
Тот подвассал, из башни выйдя
И мэра по пути увидя,
И эшевенов[100], и простых
Сограждан множество своих,
Не дрянью вскормленных уж точно,
Так были все дородны, мощны,
Стал бегать без оглядки всюду
И так взывать к честному люду:
«Скорей к оружию, сеньоры!
Предатель здесь Гавэйн, который
Сеньора моего убил!
—Где? Где он?» — всякий завопил.
И тот: «Клянусь вам честью, я
Нашёл предателя, друзья.
Вот в этой башне скрылся враг,
Не тратит время просто так —
Обняв, он госпожу целует,
А та отнюдь не протестует,
Наоборот, как видел я,
Ей по душе игра сия.
Вперёд, схватить его нам впору.
А передав его сеньору,
Ему тем самым угодим.
Дрожит предатель, что над ним
Расправа должная свершится.
Но взять живым его годится,

Ведь господин захочет мой,
Чтоб он к нему попал живой,
А мёртвым нечего бояться.
И всем нам нужно здесь собраться,
Исполнить долг свой непременный!»
Тут мэр и все с ним эшевены
Поднялись, каждый смел и рьян.
Могли б вы видеть, как виллан
Гизарму[101] и топор хватал!
Кто безременный щит поднял,
Кто — решето, кто — кол, кто — дверь.
Призвал глашатай, и теперь
К оружью толпы поспешили
И в городе в набат забили,
Всех жителей оповещая.
Такого не нашлось лентяя,
Чтоб шёл без цепов, кирок, вил.
Ломбардский люд так не бурлил,
Идя убить Лимаса злого[102].
Ребёнка не было такого,
Что празден был бы, наконец.
Вот и мессир Гавэйн мертвец,
Коль Бог не даст ему совета!
В подмогу лишь девица эта,
Что, будучи отважной девой,
Им закричала в пыле гнева:
«Эй вы, канальи, подлый люд,
Какого дьявола вы тут,

Псы бешеные, собрались?
Что здесь вынюхивать взялись?
Пусть вам Господь пошлёт недолю!
Во имя Бога не позволю
Забрать того, кто здесь со мной.
А это выйдет вам ценой
Потерь несметных, ран и боли.
Здесь не по собственной он воле,
Путём не шёл он потайным,
А прислан братом был моим.
И заклинал меня тот свято,
Чтоб я как собственного брата
В покоях гостя приняла.
И я ль распутницей была,
Дав рыцарю по воле братней
Комфорт, какого нет приятней?
Кто хочет слышать, слышит пусть:
Нет поводов иных, клянусь,
Не помышляла о дурном.
Вина же ваша, знаю, в том,
Что мне несёте вы бесчестье,
Грозя мне в этом самом месте
Мечами у моих дверей.
Причину ярости своей
Не знаете, а даже б знали,
Вы ничего мне не сказали,
И я досадую немало».
Пока им душу изливала,

Пытался дверь взломать народ,
Все топоры пуская в ход.
Распалась дверь на половинки.
Но дал отпор им без заминки
Привратник, бывший на часах.
Меча его за взмахом взмах
Передних заплатить заставил
Столь дорого, что всяк оставил
Охоту двинуться вперёд,
И каждый свой берёг живот,
За голову свою боялся.
Никто столь глуп не оказался,
Чтоб сделать шаг на острый меч.
Смерть не желал никто навлечь
Неверным шагом на себя.
Девица, шахматы сгребя,
Их с полу в ярости хватала
И в нападающих метала,
За свой подол притом держась,
И в лютом гневе поклялась,
Что перед смертью, если сможет,
До одного их уничтожит.
Вилланы же, разъярены,
Крушить оплот устремлены
В том случае, коль не сдадутся.
Но те защите предаются
Посредством шахматных фигур.
Враг отступил, ведь чересчур

Свирепым был напор обстрела.
Взялись тут кирками за дело,
Надеясь башню взять подкопом.
В дверь не ломились ярым скопом,
Осталась недоступной дверь.
Что до неё, то, верь, не верь,
А столь она низка, узка,
Что двое враз наверняка
В неё прошли бы лишь с трудом.
Вот почему одним бойцом
Был сдержан натиск той оравы.
Чтоб раскроить вилланов главы
И выпустить мозги из них,
Не нужно в помощь звать иных —
Справлялся стражник и один.
Не знал об этом господин,
Тот, что учествовал Гавэйна.
Вернулся в замок он мгновенно
Из леса, где зверей травил.
Подкопщики, удвоив пыл,
Меж тем рубили остов башни.
Геганбрезиль, что в день тогдашний
Неведомо какой судьбой
Примчал аллюром в замок злой,
Немало удивился, глянув
На кирки, топоры вилланов.
Что в башне там Гавэйн засел —
Он и понятья не имел.

Когда ж узнал о том, поверьте,
Всем запретил под страхом смерти
Хотя б на шаг один ступить,
Хоть камень в башне повредить.
Те ни в какую: башню тут,
Мол, прямо на него снесут,
Коль он с Гавэйном заодно.
И понял он, что не дано
Ему чего-то здесь добиться.
Решил за королём пуститься
И привести сюда его,
Чтоб убедился, каково
Вскипела в горожанах ярь.
Из леса прибыл государь.
Геганбрезиль сказал сеньору:
«Мессир, вы преданы позору!
Виною мэр и эшевены —
Сегодня вашей башни стены
Они, неистовствуя, рушат,
И коли кары не заслужат
От вас за это сей же час,
Обижусь очень я на вас.
Гавэйн мной обвинён в измене,
Вы это знали, тем не мене
Он вами принят благосклонно,
И значит, было бы законно,
Раз гостем вашим стал он днесь,
Чтоб не был оскорбляем здесь».

Король сказал Геганбрезилю:
«Он не подвергнется насилью,
Раз подоспели я и вы.
А что случилось с ним, увы,
То мне не по душе совсем,
Я очень опечален тем.
Что ненавистен он народу,
Меня не сердит, но в угоду
Законам чести должен я
Защиту дать ему, храня
От посягательств и бесчинства —
Таков закон гостеприимства».
Итак, подъехали они
К той башне, где средь толкотни
Шумели жители не в меру.
Король велел тотчас же мэру
Уйти и толпы отвести.
Все подчинились, ведь идти
Противу мэра не хотели.
Там подвассал был, что на деле
Советы мудрые давал,
Всем местным людям помогал,
Был рассудительным и честным.
«Сир, — начал он, — сочту уместным
Подать вам искренний совет.
Здесь никакого дива нет,
Что атакован, наконец,
Тот, кем убит был ваш отец.

Его ведь ненавидят люто
И по заслугам — вот и смута.
Однако тот приём учтивый,
Что оказать ему смогли вы,
Его спасёт верней меча
От уз тюрьмы и палача.
Да будет правда мной открыта —
Его охрана и защита
Отныне на Геганбрезиле,
Который здесь. Вы не забыли,
Что был Гавэйн при короле
Им обвинён? Он в сей земле
С одною целью, признаю:
Чтоб честь восстановить свою,
Вступив в законный поединок.
Гавэйн пусть едет без заминок
На поиски того копья,
Что кровь роняет с острия,
И кровь ту нужно вытирать.
Пусть сможет вам его достать
Иль будет узником у вас,
Каким является сейчас.
Тогда оправданно его вы
Тотчас заключите в оковы,
Но права нет у вас пока.
Не сможете наверняка
Так заключить его надёжно,
Чтоб было выйти невозможно.

С врагом же следует сквитаться,
Как можно жёстче обращаться.
Так вот, чтоб сжить врага со света,
Не дам вам лучшего совета».
Король послушался и вот
К сестре наведаться идёт,
Что в страшном гневе пребывала.
Она навстречу брату встала,
Как и Гавэйн, встав с нею обок.
Он был не гневен и не робок,
Как видно, страх переборол.
Геганбрезиль вперёд прошёл
И, поздоровавшись с девицей,
В лице успевшей измениться,
Гавэйну бросил пару фраз:
«Сеньор, сеньор, я в прошлый раз
Уже вам говорил открыто,
Что под моею вы защитой,
Чтоб не ступали и ногой
В другой оплот иль в град другой
В угодьях моего сеньора.
И не желал я вам позора.
О том, что здесь вы претерпели,
Не место молвить, в самом деле».
Вмешался подвассал-мудрец:
«Сеньор, будь в помощь вам Творец,
Всё можно хорошо уладить.
И на кого вам пени тратить,

Коль здесь вилланы восставали?
Проблему разрешим едва ли
И вплоть до Страшного суда.
Должны мы действовать всегда,
Как соизволит наш король,
А он просил меня дотоль
Вам предложить на усмотренье
На год законное сраженье
С согласья общего отсрочить.
Гавэйн пусть едет куда хочет,
Но прежь сеньору моему
Пусть поклянётся, что ему
Чрез год доставит то копьё,
Чьё непрестанно остриё
По капле кровь с себя точит.
И как пророчество гласит,
Однажды Логр, то королевство,
Где встарь царило людоедство,
Копьём тем будет сокрушён[103].
Вот в чём поклясться должен он
И дать гарантии сеньору».
Гавэйн на это: «Право, впору
Мне умереть иль согласиться
В темнице восемь лет томиться,
Лишь бы сейчас не клясться в этом,
Себя не связывать обетом.
Такого страха мне не знать,
Чтоб я не предпочёл страдать,

Погибнуть с честью, но не жить,
Клятвопреступником не слыть.
— Сеньор мой, — подвассал в ответ, —
Для вас бесчестья вовсе нет,
А нарушенья клятвы паче,
Коль вы не справитесь с задачей.
Вы поклянётесь сделать всё,
Чтобы добыть копьё сиё,
А не найдёте — возвратитесь.
От клятвы вы освободитесь,
Став узником средь этих стен.
— С таким условьем, — рек Гавэйн, —
Дам эту клятву непременно».
Внесли ковчежец драгоценный,
И клятву он принёс на нём:
Мол, порадеет, чтоб с копьём
Кровоточащим возвратиться.
Итак, с Геганбрезилем биться
Ему не выпало: на год
Отложен поединок тот.
Но не к добру такое было!
С подругой распростившись милой,
Он дал всем спутникам приказ
Домой вернуться сей же час,
Забрав с собой всех скакунов,
Но кроме Грингале[104]. Юнцов
Пред расставаньем слёзы душат.
Но в путь — приказа не нарушат.

Здесь недосуг мне речь вести
Ни о юнцах, ни как в пути
Они грустили-горевали.
Гавэйна «Повесть о Граале»
Оставит до поры на том;
Мы к Персевалю перейдём.
Гласит рассказ, что на героя
Нашло беспамятство такое,
Что он о Боге забывал.
Пять раз апрель уж наставал,
Сиречь пять лет минуло целых,
А он забыл о чистых целях —
Путь в церковь, в монастырь направить,
Чтоб крест Господний там восславить.
Провёл он в этом забытьи
Пять долгих лет и всё в пути.
От поисков не отрекался,
За славой рыцарскою гнался,
Поскольку жаждал чересчур
Опасных, странных авантюр
И очень часто мог в бою
Он доблесть выказать свою.
Ведь не было столь трудных дел,
Чтоб довершить их не сумел.
И за пять лет отправил он
К Артуру-королю в полон
Полсотни знатных паладинов.
О Боге помыслы отринув,

Так проводил свои он дни,
Пять лет составили они.
Когда же пятый год кончался,
В пустынный край один помчался,
Вооружён с главы до пят,
И встретил рыцарей он пять[105];
Шли дамы под охраной оных.
Их было десять, в капюшонах,
Во власяницах, босиком,
При этом каждая пешком.
Когда предстал им Персеваль,
С копьем, с щитом, одетый в сталь,
Не скрыли дамы удивленья.
Ради души своей спасенья
Тот путь предприняли, босые,
Чтоб искупить грехи былые.
Тогда из пятерых один
Спросил его: «Вы, господин,
Верны Иисусу или нет,
Тому, кто Новый дал Завет
Всем христианам благоверным?
Кощунством будет непомерным
Надеть оружье в день, когда
Прешла земная жизнь Христа».
А тот, кто дней не разбирал,
Часов и времени не знал,
В чьём сердце боль всё безысходней,
Спросил: «Какой же день сегодня? —

— Как? Вы не знаете, друг мой,
Что днесь, в день Пятницы страстной,
Крест нужно почитать Господний,
Грехи оплакивать сегодня?
Распят был праведник в сём дне,
За тридцать проданный денье,
Тот, кто был чист от всякой скверны,
Кто, видя все грехи безмерны,
Которыми опутан мир,
Всё ж человеком стал, мессир.
Был Богочеловеком Он.
Пречистой Девою рождён
Он от Святого Духа был,
В ней кровь и плоть Он получил,
Приял Он тело совершенно.
И эта правда несомненна.
А не уверовавший в то
Не узрит лик Его святой.
От Божьей матери родился
И в человека воплотился
С его божественной душой,
Чтобы в конце стези земной
Ценою страшной муки крестной
Спасти всех праведных от бездны.
Та смерть, священное мученье,
Дала всем мёртвым воскресенье,
Живым — спасение, всем нам!
Проклятье иудеям псам! —

От зависти зверями стали
На счастье нам, себе к печали,
Как распинать Его взялись.
Они погибли, мы спаслись.
Кто верует в Иисуса, тот
Днесь покаяние несёт,
И что в бою, что на дороге
Он без оружья — тот, кто в Боге».
Им Персеваль: «Ваш путь откуда?»
А те в ответ: «Сеньор, отсюда,
Мы от отшельника идём.
В уединении лесном
Живёт он святостью души,
Лишь Бога зрит в своей глуши.
— Что там искали, совершали?
О чём его вы вопрошали?
— Что? — молвила одна из дам. —
Мы исповедовались там,
Просили отпустить грехи нам.
Тот, кто слывёт христианином,
То самым главным долгом числит,
Коль Богу угодить он мыслит».
Вдруг прослезился Персеваль,
Он пожелал в лесную даль
Отправиться к анахорету.
«Хотел бы к этому аскету
Скорей попасть, когда б пути
К нему туда сумел найти.

— Сеньор, чтобы туда добраться,
Вам нужно прямо продвигаться
По тропке, по которой шли мы
Чрез лес густой и нелюдимый,
Внимательно смотреть на метки —
Мы там заламывали ветки,
Идя через лесную темь.
Благодаря отметкам тем,
Любой к отшельнику идущий
Не заплутает в этой пуще».
Сказав, пустились все в дорогу,
Себя препоручивши Богу.
Вопросов не было ничуть.
И Персеваль пустился в путь,
Из сердца вздохи испуская,
Себя виновным почитая
Пред Богом, каялся в грехах.
Итак, он ехал весь в слезах,
А до приюта доскакав,
Он спешился; оружье сняв
И привязав коня к дубку,
Вошёл в обитель к старику.
В часовне был тогда отшельник,
А с ним послушник и священник.
Все трое службу начинали:
Святей, возвышенней едва ли
Служили в церкви испокон.
Встал на колени сразу он,

Войдя в священную обитель.
Отшельник, видя, что воитель
Роняет слёзы не таясь,
Позвал к себе его тотчас;
Был у того уж лик омочен.
И Персеваль, который очень
Боялся Бога оскорбить,
Припав к ногам его, склонить
Не преминул главу и руки
Соединить, в душевной муке
Моля подать ему совет.
Велел ему анахорет
Немедля исповедь начать,
Без покаянья ж не бывать
Грехам прощенья, как известно.
«Сеньор, пять лет уж повсеместно
Себе отчёта не даю,
Я веру и любовь свою
Утратил, зло всем причиняя.
— Мой друг, — святой ему, — какая
Причина этому? Ты лучше
Молись, дабы душе заблудшей
Господь прощенье даровал.
— У короля я побывал,
У Рыболова, и Копьём
С кровоточащим остриём
Там любовался. Видел я,
Как перл, свеченье острия,

Но ни о чём не вопросил я,
Ошибки той не искупил я.
Я и Грааль увидеть смог,
Кому он служит — невдомёк.
С тех пор такой тоскою мучусь,
Что смерть мою лишь скрасит участь.
Я Бога нашего забыл,
О милосердье не молил,
К тому ж не делал ничего,
Чтоб чем-то заслужить его.
— Прошу вас, друг мой, назовитесь.
— Я Персеваль, — ответил витязь.
И тяжело вздохнул святой,
Ведь знал прекрасно имя то.
«Брат, — обратился к Персевалю, —
То, что гнетёт тебя печалью,
Есть грех, свершённый по незнанью —
Ты мать свою обрёк страданью,
Когда её покинул; та
Без чувств упала у моста
Перед воротами. От горя
Преставилась бедняжка вскоре.
Тот грех, что на тебя упал,
Тебе и вопросить не дал
Ни о Копье, ни о Граале;
Он корень всех твоих печалей.
Недолго прожил ты б на свете,
Когда бы не молитвы эти:

Так Всеблагого за тебя
Молила мать, тебя любя,
Чтоб на тебя призрел Господь
И спас от смерти и невзгод.
Из-за греха немым остался,
Когда копью так удивлялся,
Кровоточащему всегда,
Но не спросил о том тогда.
А сущность не познав Грааля,
В уме ты здравом был едва ли.
Владеет им мой брат родной,
А мать твоя ему сестрой
И мне сестрой, даю в том слово.
Отцу благого Рыболова
И служит благостный Грааль[106].
Но ты не думай, Персеваль,
Что ест он щук, миног, кефалей —
Ведь только гостия в Граале,
Как это точно знаю я,
Питает силы короля —
Грааля святость такова.
А плоть его едва жива,
И чтобы жить, ему нужна
В Граале гостия одна.
Пятнадцать лет уж с ним такое,
Он не выходит из покоя,
В котором видел ты Грааль.
Тебе прощенье, Персеваль,

Я дам, твой тяжкий грех изгладя».
И Персеваль: «Согласен, дядя,
От всей души. Коль мать моя
Была сестрой вам, значит, я
Племянник ваш и, Бога ради,
Любовь питать я должен к дяде.
— Всё так, племянник мой, теперь
Покайся, Богу душу вверь
И прежде дел своих иных
Отправься в церковь сей же миг.
Присутствуй каждый день на мессах,
В твоих то будет интересах.
Туда пути не избегай,
В какой бы ни заехал край,
Где церковь, монастырь увидишь,
Под звуки колокола внидешь
Иль даже раньше, как проснёшься,
Ведь только этим ты спасёшься,
Не будет от того вреда.
И если месса начата,
Там оставайся, как смиренник,
Пока не завершит священник
Молитвы, песнопенья все.
И если ты захочешь се,
Вернёшь Господне милосердье
И рай обрящешь после смерти.
Верь и на Бога уповай
И праведников почитай.

Перед священником предстань,
Не велика такая дань,
Но Бог оценит, без сомненья,
То проявление смиренья.
Коль просит юная девица,
Ей помоги, а коль вдовица
Иль сирота — тогда усердье
Есть истинное милосердье.
Приди на помощь им тотчас,
Старайся не давать отказ.
Вот мой завет, его учти,
Чтоб милость Божью обрести
Грехов своих во искупленье.
Теперь скажи своё решенье.
— Всем сердцем с этим соглашусь.
— Тогда просить тебя решусь
Два дня побыть в моём жилище,
Довольствуясь моею пищей,
Чтоб покаяние начать».
Не думал рыцарь возражать.
И повелел отшельник: пусть
Заучит рыцарь наизусть
Одну молитву, в коей много
Святых именований Бога[107],
Всесильных самых и заветных,
Которые уста всех смертных
Всегда должны произносить,
Когда им будет смерть грозить.

Как только выучат они,
То повторять её ни-ни —
Лишь если угрожает гибель.
«Я буду помнить, где бы ни был», —
Сказал воитель и остался.
Священной службой умилялся,
Затем он крест поцеловал,
Грехи слезами омывал.
Смиренно каялся зело,
И долго покаянье шло.
Он должен есть был на ночь глядя
То, что подать изволил дядя:
Щавель и кервель, и латук,
Хлеб овсяной, ячменный, лук;
Пить — воду чистую одну.
Соломы дали скакуну,
Овса достойного с питьём,
В конюшню отвели потом,
Заботой окружив приличной.
Так Персеваль постиг вторично,
Что принял смерть Иисус Христос
И в пятницу Он крест свой нёс.
В Пасхальное же воскресенье
Он причастился, полн смиренья.
О Персевале прерван сказ,
И о Гавэйне я сейчас
Повествованье начинаю.
Не скоро буду, уверяю,

О Персевале продолжать.
Гавэйн пустился в путь опять,
Избегнув в башне заточенья
И горожан ожесточенья.
То ль в девять, то ль к полудню он
На всём скаку на холмный склон
Взлетел, взобрался на вершину,
Где дуб, подобный исполину,
Густой листвою тень сулил.
На дубе щит подвешен был,
Там и копьё стояло прямо.
Он поспешил под дуб тот самый,
Где пасся конь в сени ветвей,
Нерослый, северных кровей[108].
И подивился он тому,
Ведь щит, как виделось ему,
С копьём пришлись не по размеру
Коню нерослому не в меру.
А будь вместо него другой,
Конь настоящий и большой,
Тогда б он думать мог свободно,
Что некий рыцарь благородный,
За славой скачущий по свету,
Поднялся на вершину эту.
Когда приблизился он к древу,
Узрел сидящую там деву,
Она б собой была мила,
Будь хоть немного весела.

Свою косу перстами сжала
И скорбь столь бурно выражала,
Что рвала волосы в косе.
О рыцаре страданья все:
В уста, в глаза его лобзает.
Гавэйн всё ближе подъезжает
И видит: тот не здрав отнюдь,
Весь лик изодран так, что жуть,
Он ранен в голову мечом,
И кровь из раны бьёт ключом,
Всё тело густо обагряя.
Он, чувства уж не раз теряя
От сильной боли, вдруг уснул.
Гавэйн поводья натянул,
Не мог понять он, что из двух:
Он жив, иль испустил уж дух.
Решил к девице обратиться:
«Скажите, милая девица,
Тот, кто лежит пред вами здесь —
Не друг ли ваш изранен весь?
— Сеньор, вы можете судить,
Сколь тяжки раны; может быть
Смертельною из них любая».
А он: «Подруга дорогая,
Его вы разбудите смело,
И я спрошу его, в чем дело
И что же здесь произошло.
— Сеньор, мне это тяжело,

Не стану и под страхом смерти.
Я так люблю его, поверьте,
Как никого ни днесь, ни прежь.
Была бы я в числе невеж,
Коль, видя, что он спит в покое,
Вдруг что-то сделала такое,
За что меня б он укорял.
— Тогда я сам, — Гавэйн сказал, —
Исполню это прямиком».
Перевернув копьё, древком
Он шпоры рыцаря коснулся,
И тот немедленно проснулся.
Он шпоры кончиком древка
Коснулся так, слегка-слегка,
Что боли тот не ощутил.
И рыцарь поблагодарил:
«Сеньор, вам сотню раз спасибо
За вашу осторожность, ибо
Меня вы разбудили так,
Что больно не было никак.
Но ради вашего же блага,
Вы впредь не делайте ни шага,
То безрассудством можно счесть.
Прошу вас, рыцарь, стойте здесь!
— Зачем же мне стоять на месте?
— Всё объясню я, слово чести,
Коль вам угодно знать причины.
Не возвращался ни единый,

Кто лесом шёл иль чрез поля.
Здесь Гальвуа лежит земля[109].
Тот, кто границу пересек,
Не возвращался уж вовек,
Лишь я один вернуться смог.
И вот вы видите итог:
Недужен я, и нет уж мочи,
Едва ли дотяну до ночи.
Предстал мне рыцарь на пути,
Пожалуй, в мире не найти
Суровей, доблестней, могучей,
И в схватку не вступать с ним лучше.
Даю совет вам: возвращайтесь,
По склону вниз вы не спускайтесь.
— Клянусь я честью, — рек Гавэйн, —
Кто отступает, тот презрен.
Не для того я начал путь,
Чтоб здесь обратно повернуть.
И вы меня считайте трусом,
Коль я сробею пред искусом
И с полдороги возвращусь.
От своего не отступлюсь,
Ведь путь обратный невозможен.
— Понятно, что он быть здесь должен, —
Ответил раненый. — Идите,
Раз вящей славы вы хотите.
Но коль не рассержу вас, друг,
Хочу просить вас: если вдруг

Господь дарует вам успех,
Которого никто из тех,
Кто шёл сюда, не мог добиться,
И ни единый рыцарь, мнится,
Не обретёт успех такой,
Ни вы, ни я, ни кто другой, —
Прошу вернуться вас сюда,
И вы увидите тогда,
Живой ли я иль бездыханный,
Поправлюсь, иль умру от раны.
Коль я навек глаза закрою,
Молю вас Троицей Святою,
Чтоб позаботились о ней,
О юной спутнице моей,
Спасли от бед, нужды, позора.
Ну а причина, по которой
Должны своё согласье дать,
Та, что Господь не мог создать
Девицы краше, благородней.
Не без причин она сегодня
Страдает так, ведь знаю я —
Поскольку смерть близка моя».
Пообещал мессир Гавэйн,
Что коль не попадёт он в плен
И с ним несчастий не стрясётся,
Он обязательно вернётся,
На помощь деве поспешит
И всё, что может, совершит.

После чего он их оставил,
Свой путь чрез лес и дол направил.
Предстал вдруг замок перед ним,
Граничил с портом он морским,
Где было много кораблей —
Сравним с павийским замок сей[110],
Столь мощен он, сродни громаде.
За виноградниками сзади
Красивый город простирался,
Он краше изнутри казался.
Пониже речка протекала,
Все стены града омывала,
Чтоб после с морем воды слить.
И град, и замок, стало быть,
Защищены со всех сторон.
Итак, въезжает в замок он.
Пройдя чрез мост, увидел: дева
Под сенью тисового древа
Сидит в саду совсем одна
И держит зеркало она,
Свой лик разглядывая нежный,
А также перси белоснежны.
Головка лентою повита,
А лента золотом расшита.
Гавэйн пришпорил скакуна,
Чтоб к ней приблизиться. Она
Кричит: «Сеньор, не горячитесь!
А то вы как безумный мчитесь.

Не стоит этак торопиться,
Ваш конь рискует оступиться.
Вотще спешат глупцы одни!
— Господь, девица, вас храни, —
Сказал Гавэйн. — Спрошу я вас:
О чём вы думали сейчас,
О сдержанности вопия,
Не зная, что задумал я?
— Напротив, рыцарь, уверяю,
Что на уме у вас, я знаю.
— И что же, цели каковы?
— Схватить меня хотите вы
И увезти — вот ваша цель!
— Да, это так, демуазель».
И та: «Всё знаю хорошо я,
И горе тем, кому такое
Взбредёт на ум в мечтах подспудных!
Я не из ветрениц беспутных,
Что паладинов ублажают,
А те их на коней сажают,
С собою в странствия возя,
Меня ж к тому склонить нельзя.
Но если б этого ты стоил,
Всё б, как рассчитывал, устроил.
Но потрудись ради меня —
Найди здесь моего коня,
Тогда поеду доброй волей,
Не разлучусь с тобой, доколе

В дороге не настигнет вдруг
Тебя невзгода иль недуг
Из-за того, что я с тобою.
— Есть ли условие другое,
Коль не считать мою решимость?
— Едва ли есть необходимость
В других условиях, вассал.
— А конь мой? — рыцарь ей сказал, —
Куда его мне здесь приткнуть?
Ведь конь мой не пройдёт ничуть
По той доске, что здесь я вижу.
— Сеньор, вас этим не обижу.
Сейчас его доверьте мне,
Пешком пройдёте вы вполне.
Для вас коня поберегу,
Но столько, сколько я смогу,
И возвращайтесь поскорее,
Ведь с ним я сладить не сумею,
Коли строптиветь он начнёт
Иль кто-то силой заберёт
Его, пока в отлучке вы».
И рыцарь ей: «Да, вы правы.
Коль отберут коня, девица,
Не будете моя должница,
И если убежит далёко,
Всё ж не пошлю вам ни упрёка».
Так ей коня доверил он,
Меж тем подумал, что резон

Идти во всеоружье, ибо
Коль встретится ему кто-либо,
Хотящий помешать тому,
Чтобы забрать коня ему,
То встанет крик и бой назреет,
Да раньше, нежели успеет
С конём вернуться налегке.
Вот он прошёл по той доске
И тут узрел людей скопленье,
Все выражали удивленье
И повторяли, восклицая:
«Гори в аду, девица злая!
Причина ты всех бед и смут,
Пусть на тебя они падут.
Людей достойных ты не любишь,
Ты их голов лишаешь, губишь, —
Вот где несчастья, вот где ложь!
А ты, что за конём идёшь,
Когда б ты, рыцарь, только знал,
Какой грозит тебе финал,
Коль ты коня её коснёшься!
Позора, мук не оберёшься.
И не коснулся ты б его,
Когда бы ведал, каково
Страдать тебе и быть в позоре,
Коль овладеешь им на горе».
Вели такую люди речь,
Чтоб рыцаря предостеречь,

Чтоб он к коню не приближался
И вспять немедля обращался.
Но даже если б слышал то
И понимал бы, всё ж никто
Его бы не остановил.
Напротив, он вперёд ступил
И всех приветствовал, встречая.
Ему ответили, давая
Понять, что все они равны,
Одной бедой угнетены.
Гавэйн — к коню, простёр десницу,
Чтоб взять его за узденицу,
Ведь конь в узде и под попоной.
А под оливою зелёной[111]
Стал рослый рыцарь, рек он так:
«Напрасно ты пришёл, простак,
Чтобы забрать коня сего,
Не трожь и пальцем ты его:
То будет крайне неразумно.
Не собираюсь я бездумно
Тебе мешать иль запрещать,
Коль хочешь ты его забрать.
Уйди, послушай всё ж меня,
Ведь если заберёшь коня,
Тебя опасный ждёт искус».
Гавэйн же: «Нет, не отрекусь.
Я послан молодою девой,
Что на себя под сенью древа

Смотрела в зеркало, и я
Ей должен привести коня,
Иначе для чего я здесь?
Тогда молва и в град и в весь
Пойдёт, что трус я и предатель.
— Не повезло тебе, приятель, —
Стал рослый рыцарь сокрушаться, —
Готов я Господом поклясться,
В котором чаю пребывать,
Что не случалось мне видать
Такого рыцаря вовек,
Чтоб он, забрав коня, избег
При том смертельного несчастья —
Главы лишиться в одночасье.
И я боюсь, что казнь сия
Тебя постигнет. Верь мне, я
Препятствую, но не из злобы:
Коль заберёшь коня особы,
Никто тебе не помешает.
Дурной поступок совершает
Тот, кто к коню протянет длань.
Не ввязывайся, перестань,
А то ведь голова и с плеч».
Гавэйн, хоть слышал эту речь,
Не останавливался — тщетно.
Тот конь был с головой двуцветной:
Цвет белый с чёрным пополам[112];
Прошёл пред рыцарем он сам

По той доске, ему привычной,
Ведь знал дорогу он отлично —
Водили так его не раз.
Взяв за узду его тотчас, —
А та узда чистейший шёлк! —
Гавэйн с ним к дереву пошёл,
Где дева с зеркалом сидела.
Та сбросила на землю смело
Свою накидку и нагрудник,
Чтобы свободно новый спутник
Её красоты созерцал.
Гавэйн коня ей передал,
Осёдланного, молвив ей:
«Идите, милая, скорей,
Я помогу взойти в седло вам.
— Пусть Бог не даст тебе хоть словом,
Хоть раз обмолвиться где-либо,
Что брал меня в объятья, ибо
Коль голою своей рукой
Коснёшься вещи хоть какой
На мне надетой, иль позволишь
Коснуться тела раз всего лишь,
Я опозорена тогда.
И будет горшая беда,
Коль слухи полетят с молвою,
Что тронута была тобою.
Тогда охотно предпочту я,
Чтоб кожу мне и плоть живую

Вплоть до костей здесь рассекли.
Я заявляю, ты внемли.
Отдай же мне коня сего.
Сама взойду я на него,
И да пребудет Бог со мною.
Тебе мечту свою открою:
Меня ждёт радость впереди.
А ты путём своим иди.
Ты не приблизишься, как прежде,
Ни к телу, ни к моей одежде.
Я буду вслед тебе стремиться,
Пока с тобою не случится
Беда, что станет роковой.
Я точно знаю, что со мной
Не избежишь ты неудачи.
Погибнешь, рыцарь, не иначе!»
Гавэйн с невозмутимым видом
Внимал девицыным обидам
И ничего ей не сказал,
Но скакуна ей передал,
Взяв лошадь спутницы взамен.
И наклонился тут Гавэйн
И плащ на девушку надел.
Но взор девицы помрачнел:
Она не упустила случай
Вновь оскорбить Гавэйна жгуче:
«Вассал, — зубами скрежеща, —
Что вам за дело до плаща

И до нагрудника? Зрит Боже,
Что я не так наивна всё же,
Как думаешь на первый взгляд,
И впредь уж стану я навряд
Твои услуги принимать.
Не столь чисты ведь руки, знать,
Чтоб за мои одежды браться
Иль головы моей касаться.
То вовсе брать тебе негоже,
Что глаз моих касаться может,
Лица, чела, ланит иль уст.
И Бог меня накажет пусть,
Коль захочу хоть на мгновенье
Тебя иметь я в услуженье».
И мигом на коня вскочив,
Надев нагрудник, плащ скрепив,
Добавила: «Ну, рыцарь, в путь.
Скачите вы куда-нибудь,
И я вослед вам не устану,
Пока свидетелем не стану
Беды, что навлеку сама я».
Гавэйн, безропотно внимая,
Не отвечал — уста свело[113];
Он сел растерянно в седло
И тронуться не преминул.
Понуро к дубу он свернул,
Где прежде с девой распрощался
И с тем, кто в лекаре нуждался

Из-за тяжёлых ран своих.
Но средство излеченья их
Наш рыцарь ведал назубок[114].
Узрел в ограде он росток,
Что унимает боль с успехом.
Гавэйн к нему подъехал спехом,
Сорвал и путь продолжил свой
И встретился с девицей той.
Под дубом юная скорбела,
И только рыцаря узрела,
Сказала: «Рыцарь благородный,
Он мёртв, все чаянья бесплодны,
Не слышит больше он меня».
Мессир Гавэйн, сойдя с коня,
Нащупал пульс: он ровен был,
И рот пока что не остыл.
Утешил он: «Девица, верьте,
Сей рыцарь не достался смерти.
Чист пульс, дыхание нормально,
И, значит, рана не фатальна.
Ему растенье я привёз,
Оно смягчит ему всерьёз
Все те страдания и боль,
Что он терпел от ран дотоль.
Нам книги говорят не сказки[115],
Что лучше не найти повязки.
А коль того растенья часть
На ствол больного древа класть, —

Коль не труха ещё оно, —
Воспрянут корни, зелено
Оно, быть может, станет снова.
Девица, друга дорогого
Не потерять вам, если вы
Приложите листки травы
Вплотную к ранам под жгутом.
Накидка тонкая притом
Нужна мне будет, несомненно.
— Я дам её, и непременно, —
Девица молвила ему, —
Я с головы её сниму,
За неимением иной».
Тогда платок свой тафтяной
Она сняла без лишних слов;
Гавэйн наделал лоскутков,
И под повязкой во мгновенье
На раны наложил растенье.
Старалась дева помогать.
Мессир Гавэйн остался ждать,
Пока тот стон не проронил
И слабо не проговорил:
«Того да взыщет Божья милость,
Кем речь в уста мне возвратилась!
Боялся так я умереть —
Не исповедовался ведь.
А я без исповеди в землю
Лечь не хотел бы. Вот уж внемлю,

Как близится кортеж чертей,
Пришедших за душой моей.
Мне капеллан один знаком,
Его неподалёку дом,
Когда бы я туда добрался,
Я б исповедался, признался
Во всех грехах, что совершал,
И он бы мне причастье дал.
А причастившись, уж поверьте,
Я б не боялся больше смерти.
Прошу вас, проявите благость,
Коль вам не будет это в тягость:
Оруженосца клячу мне
Отдайте, он верхом на ней».
Гавэйн взглянул назад и зрит:
Оруженосец к ним трусит
С ужасной миною печальной.
Но как он выглядел? Детально
Я расскажу об этом ниже.
Власы оруженосца рыжи,
Косматы, жёстки, как у вепря,
И брови, наподобье дебрей,
Лицо, казалось, оплели,
До носа и усов дошли.
Усы кудрявы и длинны,
В губах же трещины видны,
Густая борода враздвой,
А шеи нету никакой:

В грудь голова переходила.
Гавэйн уже собрался было
Пойти спросить его, нельзя ли
Взять эту лошадь, но вначале
Сказал он рыцарю тому:
«Мой Бог, сеньор, я не пойму,
Кто тот оруженосец странный?
Скорей бы отдал в дар желанный
Вам семерых коней своих,
Когда бы здесь имел я их,
Чем у него просить ту клячу.
Кто он, не разрешу задачу.
— Сеньор, — заверил тот его, —
Он жаждет только одного:
Как навредить бы вам позлостней,
Но все его бессильны козни».
Меж тем он близок был уже,
Гавэйн — к нему, настороже
Спросив, куда он держит путь.
Куртуазии в том ничуть,
«Вассал, — он буркнул наотрез, —
Что у тебя за интерес,
Куда я еду и откуда,
Каким путём? Пади все худа,
Все беды на главу твою!»
Гавэйн на реплику сию
Ответил быстро и нежданно,
Плашмя ударив грубияна

Натруженной мечом рукой,
И с силой ярости такой,
Что тот в седле не удержался.
Раз девять он вставать пытался,
Раз девять падал, чувств лишась,
На том же месте каждый раз,
Как на циновке, растянувшись.
И после, наконец очнувшись,
Сказал он: «Ваш, вассал, тумак?»
И тот ответил: «Да, всё так.
Тебя я выбил из седла,
Не причинив при этом зла.
Погорячился я излишне
И каюсь, ведает Всевышний.
Но ты ведь нёс такую муть!
— Ну что ж! Не откажусь отнюдь
Воздать услугой за услугу:
Вы потеряете ту руку,
Которой я сегодня бит.
Вам не простят таких обид».
Меж тем как всё происходило,
Воспрянул раненый, прибыло
К нему недостающих сил,
К Гавэйну речь он обратил:
«Сеньор, оставьте вы его.
Опричь афронтов, ничего
Не скажет вам мужлан бесстыдный.
Оставьте — выход очевидный.

Но лошадь дайте мне скорей.
И позаботьтесь о моей
Подруге, что со мною зрите,
Коня подпругу поддержите,
Чтоб сесть в седло ей без труда.
Её не брошу никогда.
Я сам на кляче побреду,
А после место то найду,
Где исповедаюсь я с миром.
Пока не буду мазан мирром,
Без покаяния, причастья
Не обрести мне в жизни счастья».
Гавэйн тут к лошади пошёл
И к рыцарю её подвёл.
Тут раненый, обретши зренье,
Узнал Гавэйна во мгновенье.
Меж тем на лошадь вороную
Гавэйн девицу молодую
Великодушно посадил.
Пока девице он служил,
Тот завладел его конём
И, сев на Грингале верхом,
Скакать заставил влево, вправо.
Гавэйн, следя за тем, как браво
Тот скачет по склону холма,
Дивился этому весьма
И так сказал ему с улыбкой:
«Сеньор, ей Богу, слишком шибко

Вы расскакались на коне,
Причём принадлежащем мне.
Безумной скачкою не тешьтесь,
Скорей коня верните, спешьтесь,
Иначе боль к вам возвратится
И могут раны вновь открыться».
И рыцарь: «Глотку не дери,
Себе ты клячу забери,
А мне коня оставь взамен.
И тем довольствуйся, Гавэйн,
А о коне не думай даже.
Я заберу его сейчас же,
Мне для забав послужит он.
— Что слышу! Мной же исцелён,
Ты этой подлостью мне платишь?
Верни, иначе честь утратишь,
Прослыв предателем и плутом.
— Гавэйн, с презреньем столь же лютым
Хочу я выйти из себя
И сердце вырвать у тебя
Собственноручно! — Вот те на!
Гласит пословица одна:
“Ты сделаешь добро злодею —
Так он свернёт тебе и шею”.
Я знать хотел бы, отчего
Ты жаждешь сердца моего,
Коня уводишь для чего ты?
Зачем сводить со мною счёты,

Ведь я тебе не навредил
И зла в ответ не заслужил?
Моя уверенность тверда:
Тебя не видел никогда.
— Ну что, Гавэйн, ты лгать изволишь?
Меня ты видел — для того лишь,
Чтоб опозорить. Иль совсем
Забыл, как обошёлся с тем,
Кого ты месяц мучил страшно,
Веля глодать собачье брашно
И за спину загнув мне руки?
Безумец, знай, за эти муки
Пришёл к тебе возмездья час.
— Так это ты, Грегориас[116],
Дерзнувший девушку похитить,
Чтоб ею страсть свою насытить?
Ты знал ведь, подлая натура,
Что в землях короля Артура
Те под защитою особой.
Король все меры принял, чтобы
Девицам под охраной быть.
Я не могу вообразить,
Как за поступок свой срамной
Глумиться смеешь надо мной,
Ведь я не преступал закона,
Который действует исконно
Во всех владеньях короля.
— Гавэйн, Гавэйн, забуду ль я,

Что твой закон за мой был счёт.
Что ж, подчиняться твой черед,
И Грингале тебя лишу я.
Жаль, над тобой не совершу я
Расправу как-нибудь иначе.
Итак, ты оставайся с клячей
Того, кого побил пред тем.
Ты больше не богат ничем».
Оставив рыцаря, тотчас
Уехал прочь Грегориас.
Помчалась иноходью дама,
А он — аллюром вслед ей прямо.
Тут злюку хохот разобрал,
Сквозь смех Гавэйну: «Что, вассал,
Намерены предпринимать?
Не все ведь дурни, так сказать,
Перевелись под небесами!
И мне последовать за вами —
Потеха, право! Бог храни,
Но ехать без меня ни-ни —
Повсюду стану вашей тенью.
Оруженосец, к сожаленью,
Вам не кобылу предоставил.
А то бы пуще позабавил
Меня позор ваш, будь вдвойне».
И вот Гавэйн уж на коне,
Который сразу в тряс и в брык,
К другому, видно, не привык,

Ведь был он клячею из кляч:
Большеголов и туп хоть плачь,
С ушами вислыми, весь чахлый,
И видно по зубам, что дряхлый.
Губа отстала от губы
На два перста, от худобы
Все кости напоказ видны,
Глаза слезятся и мутны,
Огромные копыта, добро
Намяты шпорами все рёбра,
Круп тощ и шея точно червь.
Вместо узды и сбруи вервь,
От времени седло потёрто —
Немало дней прошло с тех пор-то,
Как было новым то седло!
И стремя каждое пришло
В негодность. Мог он убедиться,
Что лучше в них не становиться.
«Прекрасно всё идёт, поверь, —
Сказала злыдня, — и теперь
Я вслед за вами неуклонно.
Отныне я вполне законно
За вами следую, ей-ей,
Хоть восемь, хоть пятнадцать дней,
Недели три иль месяц даже.
Отменно снаряженье ваше,
Вы на прекрасном скакуне.
Скажу: достойное вполне

Сопровождение девицы.
Смогу я вскоре насладиться
При виде ваших бед и зол.
Пришпорьте клячу. Но, пошёл!
Вперёд, не бойтесь, рыцарь мой,
Ваш конь послушный, не хромой,
А я, как был уж уговор,
Вас не покину до тех пор,
Пока не сгинете в позоре,
Который вас постигнет вскоре.
— Подруга, вы, — он молвил ей, —
Вольны злоречить, но, скорей,
Злу не пристало с уст идти
Девицы старше десяти.
Напротив, доказать она
Свою воспитанность должна,
Что куртуазна и любезна.
— Ах, друг злосчастий, бесполезно
Меня вам тщиться поучать.
Вам лучше ехать и молчать,
Теперь в таком вы положенье,
Как мне хотелось, без сомненья».
Итак, молчание храня,
Скакали до исхода дня,
Он впереди, девица вслед.
Гавэйну с клячей сладу нет:
Не может выбить из понурой
Ни должной прыти, ни аллюра,

Её и лупкой не возьмёшь
И даже шпорой не проймёшь.
Хоть так, хоть сяк, конь шагом шёл.
А шпоры чувствуя укол,
Он так подпрыгивал, что, верно,
Гавэйну приходилось скверно,
И, ехать вынужденный шагом,
Кой-как он плёлся по оврагам,
По диким зарослям лесным.
Но вот равнина перед ним,
Река перед равниной той
Столь широка, что ни пращой,
Ни камнемётом невозможно
На берег противоположный
Попасть, ниже́ из арбалета.
Был замок за рекою этой,
Надёжный, крепкий, симметричный,
Образчик зодчества отличный.
Я не солгу на этот счёт:
На скальной круче замок тот
Стоял в убранстве богатейшем,
И был оплотом он мощнейшим
Из всех оплотов на земле.
На возвышавшейся скале
Из чёрных мраморов был сделан,
Окон до пятисот имел он.
В проёме каждого окна
Девица юная видна,

Смотрящая на сад и луг;
Цвело и пахло всё вокруг.
Одето большинство в атлас,
На многих различает глаз
Туники пёстрые и платья
Из шёлка в самоцветах, в злате.
Итак, все чаровницы в замке
Являлись в окнах, словно в рамке.
Краса сияющих их лиц,
Фигурки стройные девиц —
Всё очаровывало взгляды,
Коль посмотреть из-за ограды.
А та уродина-злодейка,
Что жалила его, как змейка,
Стремглав направилась к реке.
И ставши там невдалеке,
С парадного коня сошла
(Масть «серый в яблоках» была).
На берегу нашла челнок,
Который цепью на замок
Был к глыбе прикреплён немалой.
А в челноке весло лежало,
На камне ключ располагался,
И им замок тот отпирался.
Девица в лодку села вдруг,
За нею конь: он этот трюк
Не раз проделывал отменно.
«Вассал, вы спешьтесь непременно,

Садитесь в лодку поскорей,
Да вместе с лошадью своей,
Той, что тощей последней клячи.
Цепь опустите, а иначе
Придётся худо вам, когда вы
Откажитесь от переправы,
Ничто не сможет вам помочь,
Коль не сбежите, рыцарь, прочь.
— В чём дело здесь, демуазель?
— Вы то не видите ужель,
Что вижу я, хоть и вдали?
А если б видеть вы могли,
То моментально б дали дёру».
Гавэйн увидел в эту пору,
Как рыцарь через ланды мчится
В доспехах крепких, и девице:
«Пусть не рассердит вас вопрос:
Кого сюда мой конь принёс:
А не предателя ль того,
Что у меня отнял его,
Хоть исцелён был утром мной?
— Порукой мне Мартин святой[117],
Скажу охотно, — дева желчно, —
Но будь уверен, что, конечно,
Того б я в жизни не открыла,
Коль впрок тебе б сие служило.
Но так как знаю, что во вред
Тебе послужит мой ответ,

Всё разъясню тебе сейчас я.
Племяннику Грегориаса
Приказано тебя догнать.
А для чего — ты будешь знать,
Раз прежде этого хотел.
Ему так дядя повелел:
Тебя настичь и обезглавить,
А голову ему доставить.
Даю совет: с седла слезай,
Чтоб жизни не сказать «прощай»,
К спасенью в лодке приготовься.
— Девица, не такой он вовсе,
С кем встреча мне не по плечу.
Дождусь его. — Тогда молчу.
Молчанье больше здесь уместно.
Вы биться будете прелестно
Здесь, на виду у всех девиц,
Тех элегантных чаровниц,
Что из окон на вас взирают!
Удачней мест не выбирают,
И ради вас они стоят.
Когда сражённым вас узрят,
Развеселятся очень скоро.
У вас вид рыцаря, который
Любой ценой готов сразиться,
От вызова не уклониться.
— Скрываться — нет, ведь я не трус.
Навстречу рыцарю помчусь.

Вернуть коня себе обратно,
Поверьте, будет мне приятно».
И прянул к ландам он стремглав,
На супротивника помчав.
Тот по прибрежному песку
К нему летел на всём скаку.
Мессир Гавэйн остановился,
Привстать он резко умудрился
И стремя левое сломал.
Лишь в правом ногу он держал
И ждал начала поединка.
Но вышла с лошадью заминка,
Она бы шевельнулась хоть!
Напрасно шпорами колоть.
«Мой Бог — вскричал Гавэйн, отчаясь, —
Каким позором увенчаюсь!
В такой момент верхом на кляче —
Недалеко до неудачи!»
Противник мчится, метит в грудь,
На не хромом коне отнюдь.
Наносит он удар такой,
Что сразу надвое древко,
В щите железо застревает.
Гавэйн ударом отвечает,
Он в верхний край щита разит,
Его удар, минуя щит,
Сбивает с рыцаря шелом
Так, что простился тот с седлом.

Схватить коня лишь оставалось,
Чтоб сесть в седло — такая малость!
Всё завершилось хорошо,
И ликовал Гавэйн душой,
Как никогда до этих пор.
Выигрывая бранный спор,
Не знал он радости подобной.
Но лодки и девицы злобной
Он, оглядевшись, не узрел
И огорчился, ведь хотел
Причину знать исчезновенья.
Пока впадал он в размышленья,
Увидел лодку на стремнине,
Плыла она от той твердыни,
На вёслах перевозчик был.
Когда он к пристани подплыл,
«Сеньор, — сказал, — привёз я вам
Привет от тех прекрасных дам,
Что к вам по случаю взывают
И об одном лишь умоляют:
Не отбирать то у меня,
Что взять по праву должен я.
Препятствий да не учинишь мне».
Гавэйн на это: «Пусть Всевышний
С тобой и дамами пребудет,
А по моей вине не будет
Тебе обид причинено,
Ты всё получишь, что должно

Тебе по праву причитаться.
Зла не хочу тебе, признаться,
Но в чём же право то, поведай.
— Вот одержали вы победу
У входа здесь, и должен я
Забрать у рыцаря коня.
Коль мне ущерба не хотите,
Мне скакуна его верните».
И тот ему: «Коня вернуть
Мне будет нелегко отнюдь,
Не то пешком идти пришлось бы.
— Ах, не исполнили вы просьбы,
И дамы, что на вас глядят,
Уже вас недостойным мнят,
И что вы сильно согрешили
Тем, что сейчас меня лишили
Мне причитающейся доли.
Такого не было дотоле,
Никто ещё не замечал,
Чтоб я себе не получал
Коня того, кто здесь повержен.
Ну что же, буду я утешен,
Коль в плен хоть рыцаря возьму.
— Мой друг, — Гавэйн сказал ему, —
Он ваш и при себе оставьте.
— А он не плох, сказать по правде, —
Заметил лодочник, — и вы бы,
Мне кажется, легко смогли бы

Его как пленника забрать,
Коль будет смелости хватать,
И если вы сильны, тогда
Доставьте мне его сюда,
И этим я вполне утешусь.
— Друг дорогой, а если спешусь,
Могу ли доверять тебе,
Что не возьмёшь коня себе?
— Сеньор, не сомневайтесь даже,
Вам сохраню коня, сейчас же
По доброй воле возвращу,
Ведь обмануть вас не хочу,
Не делал в жизни вам дурного,
Даю вам рыцарское слово.
— Поверю на слово, ну что ж,
Раз обещание даёшь», —
Сказал Гавэйн, седло покинул
И передал коня. Тот принял,
И клятву он принёс повторно.
Гавэйн, извлекши меч проворно,
Пошёл к простёртому, а тот
Уж не имел других забот,
Ведь был он сильно ранен в бок
И кровью заливал песок.
Мессир Гавэйн готов был к бою.
Тот простонал: «Сеньор, не скрою,
Серьёзно вами ранен я,
И нет желанья у меня

Моё ухудшить положенье.
Мне не унять кровотеченье,
Мне лишь на милость уповать.
— Тогда, сеньор, извольте встать».
Поднялся тот не без труда.
Гавэйн отвёл его туда,
Где ждал их лодочник меж тем.
Гавэйн спросил его затем
Насчёт девицы: кто такая,
Пришла ли весть о ней какая,
Чтоб наконец ему открылось,
Откуда дева появилась.
И перевозчик: «Поскорей,
Сеньор, забудьте вы о ней.
Пусть не заботит вас девица.
То не девица — дьяволица,
Из-за её зловредных ков
Слетело много здесь голов.
Коль есть доверие ко мне,
Вы на ночь сможете вполне
В дому моём располагаться,
Ведь нет резона оставаться
Вам одному средь диких мест,
Где чудеса одни окрест[118].
— Друг, я приму услугу эту,
Хочу последовать совету,
Кабы не вышло вновь чего».
Итак, послушавшись его,

Он в лодку сел, войдя с конём,
И переправились втроём
На берег противоположный.
Дом перевозчика роскошный
Мог бы и герцога принять,
Ведь был такой, как любит знать:
Весьма удобный и богатый.
И вот хозяин тороватый
Ввёл гостя в дом, а с ним того,
Кто назван узником его.
Он был радушен, и по чину
Гавэйну подали дичину:
Фазанов, рябчиков, зуйков.
Затем барашек был готов,
И поднесли разнообразных
Вин старых, новых, белых, красных,
И крепких, и некрепких тоже.
Был перевозчик рад, похоже,
И узнику, и гостю равно.
Вот завершился ужин славный,
Все, вымыв руки, поднялись.
Гавэйну по душе пришлись
Ему оказанный приём,
Сам перевозчик и тот дом,
Где принят он с таким почётом.
Назавтра, перед дня восходом,
Как луч денницы проблистал,
Он, следуя привычке, встал.

Хозяин был, как прежде, мил
И дружелюбие явил,
К двум окнам башни приглашая.
Они стояли, созерцая
Пленительно прекрасный вид,
И рыцарь, высунувшись, зрит
Лес, дол и на утёсе крепость.
«Вы не сочтите за нелепость, —
Сказал он, — коль спрошу вас вдруг:
А кто же, дорогой мой друг,
Владеет этими краями
И замком тем, что перед нами
Как будто чудо предстаёт?»
С ответом не замедлил тот:
«Сеньор, не знаю. — Странно, право.
Ведь говорили мне вчера вы,
Что вы страж замка и за это
Вам щедро воздают монетой.
И невдомёк вам, кто сеньор?
— Да, — тот ответил — до сих пор
Не знаю, кто он, не взыщите.
— Тогда, хозяин, сообщите,
Кем охраняется оплот.
— Там арбалетчиков пятьсот
И метких лучников готово
В любой момент пронзить любого,
Кто посягнёт на замок наш.
Без промаха бьёт каждый страж.

Скажу, кто замком управляет.
В нём королева обитает[119],
Зело изысканна она,
И благородна, и умна,
Высокого происхожденья.
Перенесла в сии владенья
Она и серебро, и злато,
И все сокровища когда-то
И с этих пор здесь зажила.
Она ту крепость возвела,
И вы уж любовались ею.
К тому же с госпожой моею
Есть дама, кою возлюбила
И королевой объявила.
То дочь её, как слышал я[120],
Но и у той есть дочь своя[121].
И славный род девицей юной
Не посрамлён, зане в подлунной
Милей и краше не найдёшь.
А защищён наш замок сплошь
Могучей силой колдовской,
Ещё узнаете какой,
Коль с тайны снять хотите полог.
Был королевою астролог
Однажды в замок привезён.
Устроил в главном зале он
Различнейшие волшебства,
О коих слышали едва,

Поскольку прежде ни один
Входивший в замок чужанин
Не выживал там дольше мига,
Будь трус, к примеру, иль сквалыга,
Клятвопреступник иль предатель.
Души порочной обладатель,
Любым запятнанный грехом,
Столь быстро гибнет в замке том,
Что шанса нету у такого
В живых остаться никакого.
Там много ратников отличных,
Что наняты в краях различных —
Охрана замка и оплот,
Примерно человек пятьсот.
Там с бородою кое-кто;
Безусых, безбородых сто,
У ста лишь бороды растут,
А сто их бреют иль стригут,
И раз в неделю неизменно;
Сто седовласых совершенно
И сто седеющих средь них.
Есть много дам немолодых.
Сеньорами обделены,
Бедняжки эти лишены
Прав на именье после смерти
Своих мужей, и мне поверьте,
Немало там сироток-дев.
Вот свита наших королев,

И те их любят, берегут,
В том замке все они живут
И ждут того, чему не сбыться:
Что рыцарю придти случится,
Кто станет замком управлять,
Чтобы мужей девицам дать
И чтоб он возвратил наделы
Всем дамам, рыцарями сделал
Юнцов достойных в замке том.
Скорее море станет льдом,
Чем паладин такой найдётся,
Что в этом замке уживётся,
Ведь должен быть он благородным,
От притязаний всех свободным,
Красивым, смелым, честным, верным,
Не подлым и не лицемерным.
Когда б нашёлся удалец,
Во власть он принял бы дворец,
Владенья б дамам возвратил
И все бы войны прекратил.
Он юных дев бы выдал замуж,
Дал рыцарство юнцам, а там уж
Стал бы свободен наш дворец
От чар заклятья, наконец».
Мессир Гавэйн тому рассказу
В душе обрадовался сразу.
«Хозяин, — он сказал в волненье, —
Верните мне без промедленья

Моё оружье и коня,
Ждать больше не намерен я,
Готов отправиться туда.
— Храни вас Бог, сеньор, куда?
Хоть пару дней здесь погостите.
— Не в этот раз, сеньор, простите,
Пусть Бог ваш дом благословит!
Поеду, Бог да охранит,
И повидаю этих дам,
И волшебство увижу сам.
— Сеньор, коль то угодно Богу,
Вы не отправитесь в дорогу.
Останьтесь, заклинаю я.
— Вы принимаете меня
За труса или подлеца!
Пусть навлеку я гнев Отца,
Коли послушаюсь совета.
— Клянусь, сеньор, оставлю это.
Все уговоры — тщетный толк,
Раз вы решили — нудит долг
Вас ехать, хоть мне вопреки.
Берусь я к вам в проводники,
Ведь знайте, что никто другой
Не справится со службой той.
Но кое-что мне обещайте.
— Что именно, сеньор, вещайте.
— Сначала обещанья жду.
— Для вас, мой друг, на всё пойду,

Будь честь лишь неприкосновенна».
Затем приказ был дан мгновенно
Вести коня, и подан он,
Как подобает снаряжён.
Гавэйн велел подать доспехи,
Их принесли; надев их в спехе,
Он сел в седло и сразу в путь.
Не медлил лодочник ничуть,
На своего коня он сел,
Ведь гостя проводить хотел,
Хотя и ехал с сожаленьем.
Они подъехали к ступеням,
Пред замком встретив человека —
Сидел на ирисах калека
С одной искусственной ногой
Из серебра, а сверху слой
Был золота с отделкой чудной —
Рубиновой и изумрудной.
Непраздны руки у калеки:
Из ясеня он посох некий
Искусно ножиком строгал.
Калека их не окликал,
Пока те мимо проезжали.
И наши всадники молчали,
Не разговаривая с ним.
Гавэйну лодочник засим:
«Ну что, сеньор, как вам увечный?
— Нога, конечно, безупречна,

Не из осины, — он ответил, —
Поскольку то, что я заметил,
Красою потрясает взор».
И тот: «Свидетель Бог, сеньор,
Разбогател калека тот,
Большую мзду беря за вход.
И он сказал бы вам такое,
Что вас лишило бы покоя,
Не будь я вам проводником».
Так во дворец они вдвоём
Вошли по лестнице парадной,
Был портик у дворца громадный,
А двери — не бывает краше.
В истории, коль верить, нашей[122]
Все петли и замки дверей
Из злата чистого, ей-ей.
Слоновой кости дверь одна,
Резьбой украшена она,
А дверь другая из эбена,
С резьбою столь же совершенной,
И самоцветы на резьбе их —
Отделка тех дверей обеих.
Пол во дворце сверкал, мощённый
Пурпурной, голубой, зелёной
И фиолетовой плитой
С такою дивной пестротой,
Что чуду всё это под стать.
Средь зала высилась кровать,

Не деревянная нисколько,
А золотая вся, и только
Те прутья, что матрац держали,
Из серебра, а не из стали.
Кровать не выдумал я, кстати.
На каждом прутике кровати
Подвешен колокольчик был.
То ложе кто-то застелил
Большим, из шёлка, покрывалом.
Рубин с искусством небывалым
Был в ножку каждую вмещён,
И свет от них был столь силён,
Что четырём свечам равнялся.
Одр на фигурки опирался
Голов гротескных и чудных.
Колесики, опора их,
Подвижность ложу придавали,
Так что его передвигали
Нажимом пальца, без труда,
По залу этому всегда.
И никогда, ни днесь, ни встаре,
Ни герцоги, ни государи
Подобных не имели лож.
Все стены в гобеленах сплошь,
И я готов дать слово вам,
Что ни следа побелки там —
Из мрамора все изваянны.
А купол был вверху стеклянный,

И коль в стекло вглядеться то,
Всех можно было видеть, кто
Входил иль покидал дворец.
Искусства чистый образец,
Тот купол ярко был украшен,
Такими красками раскрашен,
Что трудно даже описать.
Я не хочу вас утомлять
Деталями в преданье давнем.
Четыреста закрытых ставнем,
А сто открытых окон там.
Гавэйн дивился чудесам,
Дворец от края и до края
С большим вниманьем озирая.
Как осмотрел он этот зал,
Так перевозчику сказал:
«Хозяин, где же скрыто зло?
Здесь ничего нет, что б могло
Наполнить ужасом сердца
У посетителей дворца.
Зачем вы уверяли в этом
Своим решительным запретом
На посещенье и осмотр?
Хочу присесть на этот одр
И отдохнуть на нём хоть малость;
Одров роскошней не встречалось.
— О, что вы, Боже сохрани,
Вы к ложу этому ни-ни!

Как только к ложу подойдёт,
Погибнет сразу рыцарь тот
Ужасной смертью, уж поверьте.
7752 — Так как же избежать мне смерти?
— Как избежать? Я подскажу,
Ведь вы хотите, я гляжу,
Живым и здравым оставаться.
7756 Пред тем, как в замок отправляться,
Я попросил вас об одном,
Хоть вы не знаете о чём.
Теперь исполнить потрудитесь:
7760 Домой немедля возвратитесь,
Тогда расскажете друзьям,
Как и своим всем землякам,
Что видели дворец такой,
7764 И что ни вы, ни кто другой
Чудес подобных не встречали.
—...Что честь я сохранил едва ли,
Покинут Богом, неприкаян!
7768 Теперь мне кажется, хозяин,
Что ваш совет мне не к добру.
И тем не менее к одру
Я подойду, на ложе сев,
7772 И я хочу увидеть дев,
Которые явились мне
Намедни, каждая в окне».
Отпрянув, лодочник затрясся
7776 От ужаса: «Вам не удастся

Увидеть ни одной из них!
Идите прочь вы с глаз моих,
Ведь нет о том и речи, чтобы
Предстали вам сии особы.
А вот они-то видят вас
Чрез эти витражи как раз.
Вас видят дамы, королевы,
И, да простит Господь мне, девы
Из комнат, что размещены
С другой, однако, стороны».
Гавэйн на это: «Что ж, раз так,
Коль не увидеть их никак,
Пойду на одр, по крайней мере,
Ведь ни за что я не поверю,
Что кто-то сделать мог кровать,
Чтобы на ней не полежать
Прекрасной даме иль сеньору.
Клянусь душой, она мне впору —
Прилягу, мне сойдёт, быть может».
Тот понял: слово не поможет,
И он умолкнул, наконец,
Решив покинуть сей дворец,
Пока не сел Гавэйн на ложе.
Перед уходом молвил всё же:
«Мне ваша гибель, господин,
Немало причинит кручин,
Ведь рыцарь ни один вовек
На ложе смерти не избег.

Сие Волшебная кровать:
Кто или бодрствовать, иль спать,
Или сидеть на ней посмеет,
Погибнет и не уцелеет.
Что же до вас, то жаль в итоге,
Что ваша голова в залоге
И что не выкупить её.
И всё участие моё,
Все уговоры — тщетно это:
Вы не послушались совета,
Помилуй вашу душу Бог.
Не в силах видеть я итог!».
И с этим он дворец покинул.
Гавэйн на ложе сел, не скинул
Свои доспехи боевые
С щитом, подвешенном на вые.
И в тот момент, когда он сел,
Одр закачался, заскрипел,
И колокольцы зазвонили,
Дворец весь шумом огласили.
Все окна распахнулись вдруг,
И встали чудеса вокруг:
По воле колдовства могучей
Внутрь полетели стрелы тучей
Чрез окна зала; целый рой
Их принял в щит свой наш герой,
Хоть было гостю невдомёк,
Кто же стрелять так часто мог.

Столь мощны чары, столь умелы,
Что не понять, откуда стрелы
Летели в зал и где стояли
Те лучники, что их пускали.
И пусть вообразит ваш ум,
Какой производили шум
Все луки, арбалеты их.
И за сто марок золотых
Гавэйн бы здесь не находился.
Но каждый ставень вдруг закрылся
Сам по себе, и шумы смолкли.
Гавэйн стал вынимать осколки
И из щита и те, что в теле,
В трёх-четырёх местах, засели.
Из ран струился крови ток.
Но прежде чем он вынуть смог
Из ран своих все эти жала,
Ещё одна беда настала:
Виллан копьём ударил в дверь,
Дверь отворилась, и теперь
Ворвался в зал, рассвирепев,
Голодный, мощный, страшный лев[123].
Он на Гавэйна прянул яро,
И когти от его удара
В щите застряли, точно в воске.
Едва сдержав тот натиск жёсткий,
Он рухнул на колени, но,
Поднявшись, меч извлёк стальной

И им две лапы и главу
Отсек неистовому льву.
Был очень рад он; лапы те
Остались у него в щите:
Наружу первая свисала,
Вторая, щит пробив, застряла.
Как только лев был умерщвлён,
Уселся вновь на ложе он.
Тут перевозчик возвратился,
Он весь от радости лучился,
Узрев его на покрывале.
«Сеньор, — сказал он, — вам едва ли
Грозят иные злоключенья,
Снимайте ваше облаченье,
Поскольку чары, что доднесь
Дворец опутывали весь,
Исчезли, и заверю я,
Лишь, рыцарь, вам благодаря.
И все, кто только в замке есть,
Вам воздадут почёт и честь.
Да славен Бог Всевышний буде!»
Толпою молодые люди
Вошли в нарядном облаченье
И опустились на колени,
Воскликнув: «Дорогой сеньор,
Служить вам будем с этих пор.
Вы тот, кого мы долго ждали,
Кого мы видеть так желали.

И вот вы здесь, и мы сочли,
Что слишком долго к нам вы шли».
Один из них без промедленья
С Гавэйна снял вооруженье,
Другие отвели в конюшню
Коня, который так послушно
Гавэйна перед входом ждал.
Меж тем вошла девица в зал,
Пленительная, молодая,
И диадема золотая
Сияла на главе, красуясь,
С кудрями в блеске соревнуясь.
Лик у девицы белоснежный,
Природа свой румянец нежный
Ему контрастом придала.
Прекрасно сложена была,
Изящна и стройна девица,
Вся без изъяна чаровница.
За нею юноша вошёл,
Он нёс, прижав к груди, камзол,
Плащ и тунику — сей набор
Оденет, не стыдясь, сеньор,
Ведь, с горностаевой отделкой,
Был плащ подбит отнюдь не белкой,
А чёрным, словно ежевика,
Пушистым соболем[124]; для шика
Был сверху ярко-красный шёлк.
Мессир Гавэйн в восторг пришёл,

Когда увидел он входящих
Девиц, красавиц настоящих.
Вскочил он тут же им навстречу,
Приветствуя такою речью:
«Я счастлив, дамы, видеть вас».
Одна, учтиво поклонясь,
«Мессир, — промолвила в ответ, —
Вам королева шлёт привет,
И нам дала она наказ
Считать своим сеньором вас,
Свои услуги предложить вам.
Я первая клянусь служить вам
Усердно, преданно всегда.
И все пришедшие сюда
Девицы вам верны отныне.
Мы долго ждали вас в унынье
И рады видеть, господин,
Вас, лучшего из всех мужчин.
Теперь нам до скончанья дней
Служить вам верой, правдой всей,
К тому готовы мы». Склонились
И на колени опустились,
Желая показать ему,
Что верны долгу одному:
Служить ему и поклоняться.
Он тут же им велел подняться,
А после усадил он дев,
С восторгом всех их оглядев.

Он красоту их оценил,
Но больше — их душевный пыл
С ним обращаться как с владыкой.
Исполнясь радости великой,
Польщён был он почётом тем.
И та же девушка меж тем,
К нему приблизившись, сказала:
«Вам госпожа моя послала
Одежду, видя вас впервые.
Не чуждая куртуазии,
Отлично поняла она,
Что вы перенесли сполна
Лишений, горя и страданья.
Возьмите эти одеянья
И, если впору, облачитесь.
Ведь если вы разгорячитесь,
Чтоб вас простуда не взяла,
Разумно не терять тепла[125].
От королевы передать я
Должна вам пурпурное платье.
Печётся госпожа о вас.
Как в лёд вода, так кровь подчас
Сгущаться, свёртываться может,
Коль после жара хлад тревожит».
Гавэйн, как самый куртуазный,
Ответил девушке прекрасной:
«Пусть королеву сохранит
Господь, что благости лучит,

А также вас, кто так учтива,
Мила и столь красноречива.
Знать, королева — цвет любезниц,
Раз шлёт ко мне таких прелестниц!
Она-то знает, в чём нужда
У гостя-рыцаря, когда
Прислала мне, и столь уместно,
Одежду, что надеть мне лестно.
Ей благодарность передайте.
— Не премину, сеньор, и знайте:
С большой охотой передам.
Переодевшись, можно вам
Из окон осмотреть всю местность
И замка нашего окрестность.
А после, если захотите,
На эту башню вы взойдите
Взглянуть на реку, лес, поля,
А вас пока оставлю я».
Девица вышла из палат.
Мессир Гавэйн надел наряд,
Любуясь роскошью подарка.
На вороте застёжкой яркой
Свою накидку он скрепил.
И после сразу поспешил
Взойти на башню. Он тогда
Взошёл с хозяином туда
По лестнице винтообразной,
Что шла из залы той прекрасной.

Когда на башне очутились,
Чудесным видом усладились,
Такой красы не описать.
Гавэйн с восторгом мог взирать
На лес, на реки и долины,
Что полны зверя и дичины.
И так хозяину он рек:
«Признаюсь, добрый человек,
Мне, Бог свидетель, всё по нраву,
Здесь поохочусь я на славу
И постреляю дичь из лука.
— Сеньор, прошу, о том ни звука, —
Ответил лодочник ему, —
Не раз я слышал, что тому,
Кого по милости Небес
Провозгласят сеньором здесь
И кто дворец возьмёт по праву,
Согласно твёрдому уставу,
Не выйти за его предел,
Как бы того он ни хотел.
И об охоте вы ни звука,
А также о стрельбе из лука.
Сей замок — ваша цитадель,
И вам не выбраться отсель[126].
— От ваших слов, хозяин, жутко.
Меня лишите вы рассудка
Такою новостью. Мой Бог,
Недели б здесь я жить не смог —

Семь дней покажутся мне эти
Длиною в семь двадцатилетий,
Свободы коль не получу,
8032 Когда я выйти захочу».
Сказав, спустился по ступеням
И, угнетаемый сомненьем,
Вернулся в зал большой дворцовый,
8036 Где на кровать уселся снова,
Не сняв с души печали бремя.
Вошла девица в это время,
Он ею прежде был почтен.
8040 Увидев девушку, Гавэйн
Навстречу ей поднялся мигом
И, хоть в смятенье был великом,
Приветственную бросил фразу.
8044 Заметила девица сразу,
Как побледнел внезапно он,
Как был взволнован, раздражён,
И на лице всё выражалось.
8048 Спросить, однако, не решалась.
«Сеньор, — ему сказала дева, —
Вас приглашает королева
И ждёт как гостя дорогого.
8052 Уж всё для трапезы готово
Иль здесь внизу, иль наверху».
Гавэйн на это: «Не могу,
Красавица, за стол я сесть,
8056 И горе мне, коль стану есть,

Пока я весть не получу,
Какую слышать я хочу.
Я только этим озабочен».
Девица удивилась очень
И к королеве возвратилась.
Тут госпожа к ней обратилась,
Прося поведать обо всём:
«Ну что, племянница, в каком
Сейчас нашли вы настроенье
Сеньора, волей Провиденья
Сегодня посланного нам?
— Ах, благородная мадам,
Гнетёт меня тоска-кручина
Из-за благого паладина,
Ведь не дождешься от него
Хотя бы слова одного,
Где не сквозил бы гнев украдкой.
В чём дело — для меня загадка,
Он не изволил объяснить,
И не решилась я спросить.
В одном могу заверить вас:
Его увидев в первый раз,
Нашла его таким учтивым,
Изысканным, красноречивым,
Таким воспитанным, что можно
Лишь восхищаться непреложно
Его речами, красотой.
Теперь же у него настрой,

Как будто умереть он жаждет,
Так он печалится и страждет.
— Скорбеть, племянница, не надо,
Он сам проникнется отрадой,
Когда меня увидит вдруг.
Любой души его недуг
Смогу развеять непременно,
И он забудет грусть мгновенно».
Сказав, отправилась она
В дворцовый зал, и не одна,
С ней шла монархиня другая,
От нетерпения сгорая.
И было в свите королев
Сто пятьдесят прекрасных дев,
Сто пятьдесят пажей младых.
Гавэйн увидел среди них
Ту королеву, что под руку
Вела сановную подругу,
И сердце подсказало прямо,
Что с этой благородной дамой
Он говорить-то и желал,
А королеву он узнал
По длинным косам с сединой.
На ней наряд был шелковой,
Искусно золотом расшитый.
При виде дамы именитой
Он не замедлил ей навстречу
Подняться и учтивой речью

Приветствовать её и двор.
Она в ответ ему: «Сеньор,
Отныне замок будет вашим
По праву, изволеньем нашим
Я вас в преемники беру.
А вы к Артурову двору
Принадлежите? — Да, мадам. —
— Тогда вопрос я вам задам:
Вы — рыцарь, что в Артура свите
Всех доблестней и знаменитей?
— Нет, госпожа. — Ответ хорош.
Но вы принадлежите всё ж
К героям Круглого Стола,
Чья слава мир весь обошла?
— Мадам, со стороны моей
Нескромно мнить себя славней
И лучше прочих, я считаю,
Но я не худший, полагаю.
— Благой сеньор, — она на это, —
Нет куртуазнее ответа:
Не величаетесь отнюдь,
Не унижаетесь ничуть,
Но сколько, знать хотела б я,
Сынов у Лота-короля?
— Четыре. — Имена скажите.
— Гавэйном первенца зовите,
Второго сына — Агравеном,
Слывёт он грубым и надменным,

И двое младших: то Гарет
И сын четвёртый Гереет.
— Что ж, — королева продолжала, —
Господь свидетель, что нимало
Вы не ошиблись, их назвав.
О, если б все они, представ,
Явились нам средь этих стен!
Знаком король вам Уриен[127]?
— Да. — Из сынов его, скажите,
Хоть кто-то в королевской свите?
— Да, королева, даже оба.
Один — мессир Ивэйн — особо
И куртуазен, и почтен[128].
Весь день я одухотворен,
Коль поутру увижусь с ним,
Настолько мудр он и любим.
Ивэйном также наречённый,
Другой не брат его законный,
Он прозывается Бастардом[129].
Всех побеждает, кто с азартом
В бою с ним встретиться дерзнёт.
Но при дворе и тот и тот —
Отваги, разума зерцало.
— Благой сеньор, — она сказала, —
Артур как поживает сам?
— Всё лучшим образом, мадам,
Он весел, крепок, в полном здравье.
— И сомневаться я не вправе,

Ещё ребёнок ведь король ваш,
Сто лет исполнилось всего лишь,
А больше и не может быть.
Хочу вас вот о чём спросить.
Одно скажите, рыцарь, мне вы,
Как состоянье королевы,
Коль вас не затруднит сиё.
— О, куртуазности её,
Ума и грации подобья
Не видел мир, и сей особе
Нигде б я равных не сыскал.
С тех пор, как женщину создал
Господь наш из ребра Адама,
Ещё не почиталась дама
Подобно ей, и то по праву.
Как тот наставник, что на славу
Детей стремится воспитать,
Так госпожа ему под стать
Всех учит, пестует людей,
Ведь средоточье блага в ней
По миру свет распространяет.
Никто её не покидает
В печали, ведает она,
Что стоит каждый, чем должна
Ему помочь, чем грусть развеять,
Счастливым бедного содеять.
Благими подвигами, славой
Её науке доброй, правой

Обязан каждый; гнёт скорбей
Исчезнет после встречи с ней.
— Как и у вас, когда я с вами? —
— Да, госпожа. Вы знали сами,
Что я пред тем, как видеть вас,
Скорбел, печалясь и крушась,
И всё мне было безразлично.
Теперь я счастлив безгранично,
Мечтать о большем не к лицу.
— Сеньор, благодаря Творцу, —
Ответ был дамы седовласой, —
К вам будет счастье час от часа
Всё прибывать и прибывать,
И не грустить вам — ликовать.
Но если веселы вы снова,
То всё для ужина готово,
Наесться можете вы вволю.
Я место выбрать вам позволю
И ужин предложить могу
Иль в этом зале, наверху,
Или внизу, в моём покое.
— Но не хотел бы ни за что я
Спускаться в этот ваш чертог,
Никто из рыцарей не смог
Там сесть за трапезу, я слышал.
— Сеньор, ещё никто не вышел
Живым отсюда; здесь едва ли
И четверть часа выживали.

— Я, коль угодно будет вам,
Здесь буду ужинать, мадам.
— Конечно. Первым этой чести
Вы удостоитесь в сём месте».
На том она с ним попрощалась,
А полтораста дев осталось
С сеньором трапезу делить,
И развлекать, и веселить,
Согласно всем его желаньям.
Ему прислуживали с тщаньем
Сто с лишним слуг. Одни из них
Как лунь седые, у других
Седины заблестят вот-вот,
А кто — безус и безбород.
И из числа последних двое,
Встав на колени, для героя
На блюде мясо нарезали
И вина в кубке подавали.
Гавэйн хозяина позвал,
Он с ним отужинать желал.
А этот ужин был нескорым,
Подобно пиру, за которым
Мы празднуем дни Рождества.
Была туманна ночь; дрова
Уже в камине догорали,
Когда из-за стола вставали.
Беседы за столом велись,
А после танцы начались,

И все кружились в хороводах,
Пока не разошлись на отдых,
От игр своих весьма устав.
Сеньору почести воздав,
Всяк веселился как умел.
Когда лечь спать он захотел,
Был Одр Чудес к его услугам.
Ему подушку с мягким пухом
Одна девица подала,
А к пробуждению была
Дана одежда — алый шёлк.
И тут же лодочник вошёл,
Помог одеться, вымыть руки,
А также рыцарю услуги
Оказывала Клариссан —
Ум с красотою был ей дан.
Девица юная, она
Была величия полна
И куртуазна, и пригожа.
Когда Гавэйн воспрянул с ложа,
Девица к Госпоже явилась,
Которой внучкой приходилась.
«Скажи, — спросила та её, —
Проснулся ль он, дитя моё?
— Давно, мадам, как знаю я.
— И где ж он, внученька моя?
— Взошёл на башню наш сеньор,
Он там, быть может, до сих пор.

— К нему отправлюсь, пусть сегодня
Со изволения Господня
Он будет счастлив безгранично».
И так как королева лично
Желала встречи сей же час,
Она на башню поднялась
И там застала паладина,
Заворожённого картиной,
Которую он созерцал:
По лугу рыцарь выступал
Со спутницей, младою девой.
Бок о бок обе королевы
Гавэйну в этот миг предстали.
И он, и лодочник стояли
У окон башни до тех пор.
«Вам утра доброго, сеньор, —
Сказали рыцарю они, —
Пусть вам лишь радостные дни
Пошлёт Всевышний наш Отец,
Своей же матери Творец!
— Пусть даст вам радости не в меру
Тот, Кто возвысил нашу веру,
Послав нам Сына Своего!
Коли не против вы того,
Прошу вас подойти к окну
Взглянуть на девушку одну.
Хотел бы знать, кто та девица,
С которой выступает рыцарь,

Квадратный щит в руке держа.
— Скажу охотно, — госпожа
Взглянула на девицу ту, —
Она — гори она в аду! —
Вас привела сюда вечор.
Не думайте о ней, сеньор:
Нрав скверный у неё, спесивый.
А что до рыцаря — должны вы
Не беспокоиться о том,
Его достойней не найдём
На целом свете мы героя.
С ним биться — дело непростое,
Он многих на моих глазах
Убил на этих берегах.
— Мадам, хотел бы я спуститься
И переговорить с девицей,
Конечно, с вашего согласья.
— Бог не одобрит, если вас я
Так отпущу к злодейке той.
Пускай идёт своей стезёй,
Не доводя вас до беды.
Из-за подобной ерунды
Не дай вам Бог отсюда выйти.
Коль навредить нам не хотите,
Навек останьтесь в замке этом.
— Вы, госпожа, таким ответом
Меня расстроили весьма.
Дворец мне не дворец — тюрьма,

Когда я в нём лишусь свободы.
Бог не захочет, чтоб невзгоды
Как узник я претерпевал.
— Мадам, — ей лодочник сказал, —
Его держать здесь не резон,
Пусть делает, что хочет он,
Не то тоска его замучит.
— Что ж, он желанное получит
С условьем: выживёт сеньор —
Пусть возвратится он вечор.
— Не беспокойтесь, я клянусь,
Что в срок назначенный вернусь.
Прошу вас только об одном:
Чтобы об имени моём
Меня сейчас не вопрошали,
А восемь дней бы подождали[130],
Чтоб не чинить мне огорченья.
— Да, я отдам распоряженье,
Ведь не хочу обидеть вас.
Однако с просьбой в первый раз
Я обращусь к вам, если только
Не воспротивитесь нисколько:
Извольте самому назваться».
Вот с башни начали спускаться.
Вбежали слуги той порою,
Оружье подали герою
И быстро облачили в бронь.
Вот из конюшни подан конь,

Он был уж под доспехов гнётом.
Гавэйн отправился к воротам,
И перевозчик тут как тут.
Садятся в лодку и гребут
К другому брегу, на который
Наш рыцарь высадился скоро.
Другой воитель, что там был,
У злочестивицы спросил:
«Подруга, вот не в отдаленье
К нам рыцарь в полном облаченьи
Плывет в стремительном челне,
Он вам знаком, скажите мне?
— Нет, не знаком, — в ответ она, —
Но это им приведена
Была вчера я в эту землю.
— Помилуй Господи, что внемлю!
Ведь он мне нужен как никто.
Ищу с ним встречи, а не то
Он избежит со мною брани.
Не преступал никто ведь грани
Заветной Гальвуа земли,
Чтоб слышать от него могли,
Что он вернулся-де обратно!
И я вступал неоднократно
В такого рода приключенья.
Знать, не избег он заточенья,
Дай Бог сие увидеть мне».
Тут он рванулся на коне

С щитом, не вымолвив ни слова,
Коня пришпорил удалого.
Гавэйн навстречу — смел и яр,
Нанёс ему такой удар,
Что ранил в бок его и в руку,
Но не смертельно, ведь кольчугу
Не пронизала мощь копья,
За исключеньем острия,
Что в плоть противника вошло
На два перста, и тяжело
На землю рухнул тот воитель.
Когда поднялся, он увидел,
Что кровь лилась подобьем тока
Из раненой руки и бока.
Тогда свой меч он в ход пустил,
Но так как не было уж сил,
Не смог он на ногах держаться
И сдался, прекратив сражаться.
Поклясться тот его заставил
И к перевозчику отправил,
Который ожидал у лодки.
Девица же, чей нрав не кроткий,
Седло покинула своё.
Гавэйн приветствовал её,
Сказав: «Садитесь на коня вы.
Готово всё для переправы,
На брег другой доставлю вас,
Туда мой путь лежит как раз.

— Ха, рыцарь, — молвила девица, —
Таким ли подвигом гордиться!
Вы победили оттого,
Что силы друга моего
От прежних ран его иссякли.
Вы б не бахвалились, не так ли,
Когда б вам рот заткнул булат,
Поставив вам и шах и мат?
Скажите откровенно мне:
Вы думаете, вы сильней
Того, кто вами побеждён?
Ведь часто случая закон
Дарует слабому победу.
Я с вами лишь тогда поеду,
Когда, причал покинув свой,
Вы к древу двинетесь со мной
И для меня, как друг мой лучший,
Который сел в ваш чёлн зыбучий,
Вы сделаете вещь одну.
Тогда хвалить я вас начну
И как сильнейшего представлю,
Презренье к вам своё оставлю.
— Что стоит, дева, мне свернуть,
Отправлюсь без препятствий в путь,
Я покоряюсь вашей воле».
Та отвечала: «Суждено ли
Узреть вас после, вемо Богу».
С тем и отправились в дорогу,

Он сзади, дева впереди.
Из окон дамы, знай, следи
За ними; вот власы терзают,
Одежды в скорби разрывают
И говорят: «Беда, беда!
Как мы живём ещё, когда
Отсюда нам, злосчастным, видно,
Как одесную та ехидна
На злую муку и позор
Ведёт того, кто наш сеньор.
Ведом девицей он треклятой
Туда, отколе нет возврата.
Теперь для нас всё тьмой застлалось,
А раньше счастье улыбалось,
Зане послал нам Вседержитель
Того, кто был добра блюститель,
Кто недостатков не имел,
Был добродетелен и смел».
Так плакали о господине,
А между тем по луговине
Вслед за девицей ехал он.
И ею к древу приведен,
Мессир Гавэйн остановился,
К девице так он обратился:
«Скажите же, демуазель,
Могу ль уехать я отсель?
Коль вы хотите, чтоб сейчас
Я сделал что-нибудь для вас,

Чтоб не терять приязни вашей,
Я это сделаю сейчас же,
Коль мне по силам». Та речёт:
«Вы видите опасный брод?
Мой друг его одолевал
И для меня цветы срывал
На тех деревьях и лугу
На супротивном берегу.
— Но как попасть туда, девица?
Начало брода где таится?
Пугает брега крутизна,
И в броде я не вижу дна,
Так что пройти здесь невозможно».
Девица молвила: «Неложной
Была уверенность моя,
Что не для вас стезя сия,
И вы не так отважны, чтобы
Преодолеть сей брод особый,
Который Гибельным не зря мы
Зовём, ведь, мужественный самый,
И тот не перейдёт его».
Гавэйн коня тут своего
К отвесному направил склону
И глянул в глубину бездонну
И на крутой подъём; река,
Увидел он, была узка.
И заключил в душе герой,
Что прыгал конь его порой

Чрез бездны и страшней, и шире.
При этом вспомнил он, что в мире
Идёт молва о том, что тот,
Кто Гибельный осилит Брод,
Прославится на весь свой век.
Гавэйн карьером взял разбег,
Чтоб на тот берег перепрыгнуть,
Но этого не смог достигнуть,
Стремглав обрушившись в поток,
Ведь он не рассчитал прыжок.
Так погрузился он в пучину,
И конь поплыл через стремнину,
Покуда дна в ней не коснулся.
Опёрся он и оттолкнулся,
И выпрыгнул в один скачок
На брег, что крут был и высок.
И совершив прыжок сей смелый,
Он замер, точно онемелый,
Не мог и шевельнуться боле.
Мессир Гавэйн тут поневоле
Седло покинул, уяснив,
Что тот устал и еле жив.
Итак, сойти он поспешил
И снять седло с него решил.
Так сделал он коню во благо,
Чтоб обсушиться мог бедняга.
Был снят подсёдельник, тогда
И потекла с коня вода,

И по бокам и по спине.
Седло приладив на коне,
Он сел и ехал кое-как.
Навстречу рыцарь. Трёх собак
Пускал он в поле за дичиной,
Зане охотой ястребиной
Всецело был он поглощён.
Так был хорош собою он,
Что я б описывать не брался.
Когда Гавэйн с ним поравнялся,
То поприветствовал словами:
«Сеньор, пусть Бог, который вами
Свои создания затмил,
Пошлёт удачи вам и сил».
И был его ответ учтив:
«Ты сам так добр и так красив.
Но не могу себе представить,
Как без вреда себе оставить
Тебе злодейку удалось?
Иль свита с нею нынче врозь?
— Сеньор,— Гавэйн ему ответил,—
Девицу с рыцарем я встретил,
Был щит квадратный у того.
— А ты? — Я победил его.
—И что с ним сделалось? — В полон
Был лодочником уведён,
Сказал тот, что имеет право.
— Всё так. Девице злого нрава

Я прежде преданно служил,
Но я едва ли взыскан был
Её ответною любовью.
Внимал я только прекословью,
Брал поцелуи только силой
И получить не мог от милой
Всего того, чего желал.
Ей ненавистный, к ней пылал.
Всё потому, что друг былой,
Который был с девицей той,
Пал от моей руки в бою.
Увёз я милую свою,
И вот цена моим услугам:
Меня покинула и другом
Того избрала, кто теперь
Тобой повержен. Но поверь,
Тот рыцарь был отнюдь не плох,
Он храбр, силён, свидетель Бог,
Но не настолько, чтоб решиться
В том месте дерзко появиться,
Где, как рассчитывал порой,
Он должен встретиться со мной.
Но ты свершил сегодня то,
Чего не сдюжил бы никто.
Коль справился с врагом жестоким,
То мужеством своим высоким
Ты славу заслужил навек.
А Брод смертельный пересек —

То подвиг смелости редчайшей,
Ведь ни единый рыцарь, знай же,
Не выжил в этой быстрине.
— Знать, солгала девица мне,
И не поверил я едва,
Что друг её не раз, не два,
А каждый день свершал сиё,
Чтоб заслужить любовь её.
— Так это речи вероломной?
Да сгинет пусть в геенне тёмной.
Как видно, бесу присягнула,
Коль вас так подло обманула.
Из ненависти, знать, плутовка
Вас погубить хотела ловко
В пучине этих мощных вод.
Пусть кара на неё падёт.
Сойдёмся же на договоре:
Захочешь в радости иль в горе
Меня о чём-либо спросить,
Не стану истины таить,
Во что бы то ни стало, честно,
Скажу, что будет мне известно.
И от тебя я получу
На всё, что знать я захочу,
Ответ правдивый и подробный,
Коль будет то тебе удобно».
Причин не видя для отказа,
Гавэйн согласье дал и сразу

Спросил: «Сеньор, узнать мне надо
Название того вон града,
Который вижу невдали,
И кто владелец сей земли?
— Об этом городе, друг мой,
Скажу, не покривив душой,
Что мне принадлежит он, ибо
Лишь Богу одному спасибо,
Что мне он был определен.
Ему названье Оркелен[131].
— Как звать мне вас? — Гриномаланом[132].
— Сеньор, молва идёт по странам
О ваших доблестях примерных,
Владелец вы земель безмерных.
Как имя девы той ехидной,
О коей никогда, как видно,
Не молвил доброго никто?
О ней сказали только что».
— И подтвержу, — ответил он, —
Что с ней водиться не резон.
Её за злой не любят нрав,
Гордячка Логрская прозвав[133].
Оттуда, из родной земли,
Её малюткой увезли.
— А как зовётся друг девицы,
Что к перевозчику в темницу
Сейчас отправился понуро?
— То благородная натура,

И знайте, друг мой, большинство
Прозвало рыцаря того
Гордец Ущелья; сей воитель[134]
Проходов в Гальвуа блюститель.
— А как зовётся замок тот,
Красивый, царственный оплот,
Откуда нынче я прибыл
И где вчера и ел и пил?»
Лик отвернул Гриномалан,
Как будто скорбью обуян,
И отступать стал понемногу.
Гавэйн воскликнул: «Ради Бога,
Сеньор, на мой вопрос ответьте,
Не забывайте об обете!»
Гриномалан на месте стал
И, глядя в сторону, сказал:
«Будь проклят день и час, когда
Тебя я встретил, и беда,
Что дал тебе я слово это!
Прочь! Ты свободен от обета
И сам его с меня сними.
Ведь я рассчитывал, пойми,
Что весть о той земле услышу,
А знаешь столько ты, как вижу,
О замке, сколько о луне.
— Сеньор, там быть случилось мне
И спал я на Волшебном ложе,
Что на другие непохоже,

Ещё не знал подобных мир.
— Я в восхищении, мессир,
От новостей, что ты поведал,
И ты грустить мне, право, не дал,
Налгав мне, словно враль последний.
Я б слушал сказочника бредни,
Подобно сказу твоему.
Жонглёр ты, судя по всему,
А рыцарем казался мне,
Свершившим подвиг в той стране.
Но тем не менее поведай:
Блеснул ли там какой победой
И в замке этом что-то встретил?
— Сеньор, — Гавэйн ему ответил, —
Сел на кровать я, и тотчас
Как будто буря поднялась.
И я не лгу вам, в самом деле:
Пружины дико заскрипели,
И колокольчики на них
Враз зазвенели в этот миг;
Закрыты окна, чудесами
Внезапно распахнулись сами,
И стрелы с очень острым жалом
На щит мой устремились шквалом.
И когти льва остались в нём.
Огромный, лютый, день за днём
Держался взаперти сей зверь
В одной из комнат и теперь

Был выпущен рукой слуги,
Чтоб разорвать меня в клочки.
Так на меня он прянул яро,
Что щит сотрясся от удара,
В него вонзил он когти крепко,
И до того засели цепко,
Что лев их вытащить не смог.
Моей правдивости залог
В щите, им вас удостоверю.
И с Божьей помощью я зверю
Отсек и голову и лапы.
Ведь доказательства не слабы?»
Гриномалан при сих словах,
Сойдя с коня, повергся в прах
И много-много раз просил,
Чтобы сеньор Гавэйн простил
Ему слепое заблужденье.
«Друг, получили вы прощенье,
Садитесь же в седло». Тогда
Тот сел в седло не без стыда
И молвил: «Да простит мне Бог,
Сеньор, подумать я не мог,
Что здесь или в каком-то месте
Я встречу рыцаря, что чести
Мог удостоиться такой!
А с седовласой госпожой
Встречались ли, там пребывая,
Узнали ль, кто она такая

И прибыла сюда откуда?
— Не думал я о том покуда,
Но с ней вступал я в разговор.
— Скажу вам кто она, сеньор.
То мать Артура короля.
— Готов поклясться Богом я,
Но лет уж минуло немало,
Как матери его не стало,
И сам король уже не млад,
Ему уж с лишним шестьдесят.
— Но это так. Во время оно,
По смерти Утерпендрагона,
Отца его, сюда Иджерна
Приехала с казной безмерной,
С собой все ценности забрав,
И здесь осталась, основав
Дворец и замок укреплённый.
Об их красе непревзойдённой
Уже поведали вы мне.
И также видели вы с ней
Другую даму, молвлю я,
Супругу Лота короля
И мать того, кого, поверьте,
Охотно я предал бы смерти,
Сиречь Гавэйна. — Сударь, но
Знаком с Гавэйном я давно,
Уж двадцать лет почти, как он,
Известно, матери лишён[135].

— Она, сеньор. Заверить смею,
Что в замок с матерью своею,
Беременная, прибыла
И вскоре дочку родила,
Разумницу и чаровницу,
Мою подругу и сестрицу
Того, кто Богом осуждён[136].
И головы не сносит он,
Коль скоро попадётся мне,
Будь только я в такой броне,
Какую видел здесь на вас я,
И изрублю его тотчас я.
Сестра на помощь не придёт,
Когда из персей извлечёт
Злодею сердце длань моя!»
Гавэйн ему: «Любовь сия
С моей, клянусь душой, не сходна:
Когда девицей благородной
Иль дамой вы увлечены,
Весь род её любить должны.
— Согласен с вами совершенно,
Но помня, что отцом Гавэйна
Убит отец мой, не могу
Я благосклонным быть к врагу[137].
К тому же сам он одного
Убил кузена моего,
А рыцарь славный был, могучий.
Пока не выпадал мне случай

Хоть как-то за него отмстить.
Но вас осмелюсь попросить:
Когда вы в замок возвратитесь,
Моей подруге потрудитесь
Вот этот перстень от меня
Преподнести, сказав, что я
Настолько доверяю ей,
Что полагаю: ей скорей
О смерти брата слышать легче,
Нежли узнать, что недалече
Поранил я хотя б мизинец.
Вы передайте ей гостинец
И с ним приветствие моё
От друга верного её
Моей подруге несравненной».
Мессир Гавэйн, тот перстень ценный
Надев себе на палец, рек:
«О, вы счастливый человек,
Подруга ваша куртуазна,
Мудра, изящна и прекрасна,
Великодушна и знатна,
Коль вправду такова она,
Как рассказали вы о ней.
— Сеньор, — тот молвил, — верьте мне,
Цены не будет сей услуге,
Когда кольцо моей подруге
Вы от меня вручите лично.
Её люблю я безгранично

И вас за всё вознагражу.
Названье замка вам скажу,
О коем вы меня пытали,
А замок этот, чтоб вы знали,
Ларош зовётся де Сангин[138].
На ткани дивные кармин
Идёт там и на сукна также,
Там бойки купли и продажи.
Что знать хотели, вам известно,
Я отвечал предельно честно,
Да и от вас узнал я всё.
Хотите спрашивать ещё?
— Нет, сударь, мне бы удалиться.
— Сеньор, вы не должны таиться,
Как ваше имя? Назовитесь,
А после с миром удалитесь».
Гавэйн в ответ ему: «Сеньор,
Свидетель Бог, что до сих пор
Я не скрывал его от света.
Вам ненавистно имя это,
Я тот Гавэйн. — Гавэйн? — Да, я,
Артура родич короля.
— Иль слишком смел, могу поклясться,
Иль ты безумен, чтоб назваться
Тому, кто так тебе враждебен.
Как жаль! Мне щит сейчас потребен
И зашнурованный шелом!
В вооружении таком

Тебя б сей миг я обезглавил
И ни за что бы не оставил
В числе живых, уж мне поверь.
Но если подождёшь теперь,
Возьму своё вооруженье,
Чтоб приготовиться к сраженью.
Трёх-четырёх я приглашу
Свидетелей и обяжу
Присутствовать при поединке.
Иль если есть нужда в заминке,
Дней на семь мы отсрочим бой.
И также здесь на день седьмой
Сойдёмся, чтоб дать выход гневу.
Ты короля и королеву
Со всей их свитой позови,
Я соберу войска свои
По всем, что есть, окрестным землям.
Поспешный бой нам неприемлем,
И нужно, чтоб его узрел
Любой, кто этого б хотел.
Двух знатных паладинов схватка
Свершаться не должна украдкой,
А наша слава велика.
И справедливо нам войска
И дам, и рыцарей призвать.
Падёт один из нас, и знать
Об этом будет каждый зритель,
Вознаградится победитель

Тогда почётом в сто раз боле,
Чем если б был один на поле.
— Сеньор, — противник возразил, —
Я о таком бы не просил,
И коль не будет возраженья,
Не будет нашего сраженья.
Коль я пред вами виноват,
То извиниться буду рад
При всех, кто будет в этом месте,
По справедливости и чести.
— Не знаю, что ты разумеешь
Под честью этой, раз не смеешь
Принять законный вызов мой.
Я выход предлагал другой
И выбирай одно из двух:
Иль подождёшь, пока на луг
Я не вернусь с оружьем, или
Велишь бойцам, чтоб все здесь были
По истеченье семи дней.
На Троицу, известно мне,
Артур в Орканию приедет,
Со всем двором там праздник встретит.
Туда всего два дня пути,
И сможет твой гонец найти
Там короля со всею свитой.
Гонца туда и отряди ты,
Ведь время — деньги, знать нелишне».
Гавэйн в ответ: «Спаси Всевышний!

Король там будет, несомненно,
Вы осведомлены отменно.
А я клянусь, что завтра ж, прежде
Чем властью сна сомкнутся вежды,
Туда гонца я отряжу».
И тот: «Гавэйн, я провожу
Тебя на лучший мост обратно,
Поток ведь быстр невероятно,
И ни одной душе живой
Не перейти на брег другой».
Гавэйн же: «Ни моста, ни брода
Искать не стану, пусть невзгодой
Всё на меня же обратится.
А чтоб зловредная девица
Не поносила впредь меня,
Сдержу все обещанья я,
Отправлюсь к ней без промедленья».
Коня пришпорил и в мгновенье
Перескочил поток стремглав.
А та девица, увидав,
Что он осилил переправу,
Хоть и любила лить отраву,
Вдруг привязала ремешком
Коня к осине и пешком
К нему отправилась, и странно:
Переменилась несказанно.
Его приветствовала и,
Мол, за грехи пред ним свои

Прощенья просит, ибо тот
Немало претерпел невзгод.
«Сеньор, — добавила, — не скрою,
Из-за чего гордыней тою
Гнела я прежде, стыд отринув,
Моих злосчастных паладинов.
И коль не против, мне внимай.
Тот рыцарь, Бог его карай,
Что там беседовал с тобою,
Вотще ухаживал за мною.
Он — страсть, я — ненависти жар.
Он страшный мне нанёс удар,
Убив, скажу вам не тая,
Того, кого любила я,
И всё ж мне продолжал служить,
Чтобы к себе расположить.
Но он терял лишь время, ибо
Был брошен мной, судьбе спасибо,
Ради того, с которым явно
Уж мне не свидеться — недавно
Тобой в бою он был сражён.
Но безразличен мне и он.
С тех пор как мёртв мой первый друг.
Меня безумия недуг
Снедал настолько, что я резко
Спесивой стала, злобной, дерзкой.
И я, ни на кого не глядя,
Винила всех в своём разладе,

Вполне обдуманно хотя,
Чтоб, разъярившись не шутя,
Какой-нибудь из паладинов,
Весь гнев свой на меня низринув,
Меня на части разорвал.
Такой желанен мне финал.
Пусть суд ваш надо мной свершится,
Чтоб ни единая девица,
Узнавши, что со мной случилось,
Над рыцарем бы не глумилась.
— Красавица, — Гавэйн в ответ, —
Карать мне вас резона нет,
И Богу не угодно будет,
Коль рыцарь вас страдать принудит.
А посему в седло прошу,
Немедля вас препровожу
Под самый замок, где сейчас
Ждёт перевозчик, чтобы вас
Перевезти через пучину.
— Повиноваться не премину,
Раз так хотите», — возгласила,
На длинногривого вскочила
Коня, что крепок был, но мал.
Вот перевозчик им предстал.
Он перевёз их через реку,
Минуя всякую помеху.
Тут дамы и девицы с ними
Уже оплаканного ими

Увидеть рыцаря смогли.
Потоком слёзы истекли
И у юнцов в их злой кручине.
А радости такой, как ныне,
Ввек не испытывал народ.
И королева у ворот
Сидела, гостя поджидала.
Она всей свите приказала
За руки взяться, веселясь,
И сей же миг пуститься в пляс.
Тут празднества и закипели:
Рондо плясали, песни пели.
Когда он спешился, то девы,
Все дамы, обе королевы
Ну паладина обнимать
И этим радость выражать.
Был снят доспех с него меж тем,
Перчатки, поножи и шлем.
И ту, что с ним была, встречали,
Как только можно привечали,
Воздав ей всяческую честь
Ради него, прошу учесть,
А вовсе не девицы ради.
И во всеобщей той отраде
Все во дворец пошли толпой.
Гавэйн сестру перед собой
На Одр Волшебный посадил,
«Девица, — речь к ней обратил, —

С другого берега кольцо я
Привёз вам это золотое
С зелёным дивным самоцветом.
Вам в знак любви его с приветом
Ваш рыцарь нынче посылает,
Он вас подругой называет.
— Я верю вам, — в ответ она, —
Но коль слегка увлечена,
Ещё не значит, что подруга.
Мы и не видели друг друга,
Чрез эту реку разве что.
Уже давно, я знаю то,
Он мне являл свою любовь.
Его посланцы вновь и вновь
Просили дать ему согласье
Не отвергать любви. Сдалась я,
Ведь было отказать нельзя,
И всё ж не с ним моя стезя.
— Однако мне он хвастал, что вы
Скорей увидеть смерть готовы
Гавэйна, брата своего,
Нежли царапинку его,
Хоть на мизинце будь она.
— Сеньор, той чепухе сполна
Я удивляюсь, право слово.
Мой Бог, не думала такого:
Как невоспитанный бахвал,
Он чувство меры потерял,

Раз эти речи мне вменяет.
О брате он моём не знает
И никогда меня не видел.
Гриномалан меня обидел,
И я ту ложь не потерплю,
Ведь брата как себя люблю».
Пока их длился разговор,
Его ловил почти весь двор.
Монархиня, что восседала
Бок о бок с дочерью, сказала:
«Как вам пришёлся, дочь моя,
Тот рыцарь, что, как вижу я,
Сев с вашей дочкой в уголке,
Толкует с ней накоротке?
Такой мне по сердцу зачин,
Для возражений нет причин.
Ведь это признак благородства,
Коль с девой, полной превосходства
Над всяким прочим, кто здесь есть,
Он не замедлил рядом сесть.
Дай Бог их браку совершиться,
Дай Бог ему в неё влюбиться
Так, как в Лавинию Эней»[139].
И королева: «Пусть же к ней
Склониться сердцем будет рад,
Пусть станут как сестра и брат,
Пусть любят и душой и телом,
Чтоб стать вдвоём единым целым!»

Того хотелось королеве,
Чтобы женился он на деве,
Не узнан ею сын родной.
Они и правда брат с сестрой,
Иной любви меж них не сбыться,
Когда откроется девице
Их достоверное родство.
Но возликует мать его,
Однако радостью иною.
Гавэйн, с красавицей сестрою
Немного пошептавшись, встал
И юношу к себе призвал:
Стоял тот одесную рядом.
Он угадал в нём зорким взглядом
Отвагу, верность, благородство
И мудрость — словом, превосходство
Над всеми прочими. Затем
Он вместе с юношею тем
Спустился вниз, покинув зал,
И во дворе ему сказал:
«Я вижу, юноша, ты ловок,
Умён, тебе без недомолвок
Хочу доверить кое-что,
Держать лишь втайне должен то,
В чём сам же интерес имеешь.
Моим гонцом туда приспеешь,
Где примут хорошо тебя.
— Мой господин, скорее б я

Себе язык дал вырвать сразу,
Чем выдать хоть единой фразой
Ту тайну, коей я вниму.
— Друг, ты к Артуру самому
Отправишься как мой посланник.
Гавэйн я, короля племянник.
Сколь труден путь и долог столь!
Решил на Троицу король
Расположить свой двор в Орканье.
Твои все траты, содержанье
В пути я на себя беру.
Когда предстанешь ко двору,
Король, увидишь, будет хмур.
Но только от тебя Артур
Услышит мой привет сердечный —
Возрадуется вмиг, конечно.
И никого не будет там,
Кто, вняв желанным столь вестям,
В подобной не был бы отраде.
Скажи, чтоб, преданности ради
Моей, а я его вассал,
Сюда приезд не отлагал.
Не позже, чем через пять дней,
На праздник перед башней сей
Пусть стан походный свой раскинет
И взять с собою не преминет
Всех рыцарей ему угодных,
Как знатных, так и худородных.

Я должен с рыцарем одним
Сразиться здесь; меж мной и им
Вражда пылает беспредельно.
Гриномалан меня смертельно
Возненавидел в лютом гневе.
Ты также скажешь королеве,
Чтоб, нашей дружбой дорожа,
Не отказалась госпожа
На поединок мой явиться.
Она, я знаю, согласится.
И пусть прибудут с госпожою
Все дамы и девицы, кои
В тот день окажутся при ней.
Всё это из любви ко мне.
Но лишь одно меня тревожит:
Найдётся ль конь, который сможет
Туда тебя домчать стрелой?»
Ответил тот, что есть такой —
Могучий, резвый и дородный —
И он с ним справится свободно.
«Что ж, я спокоен, наконец».
Тогда повёл его юнец
В конюшню, и из стойл открытых
Как напоказ он вывел сытых
И отдохнувших скакунов.
Один из них уж был готов
Пуститься в долгий путь тогда же,
Подковы новые и даже
Седло с уздечкою на нём.

Мессир Гавэйн вскричал при сём:
«Готов ты, юноша, ей-ей,
Пусть же Король всех королей
Пошлёт тебе благоприятный
В Орканью путь и путь обратный!»
Так он гонца себе нашёл
И к берегу его подвёл.
Ждать перевозчик не заставил
И через реку переправил
Без затруднений всевозможных,
Поскольку взял гребцов надёжных.
И вот гонец, на берег став,
Помчал в Орканию стремглав.
Кто спрашивать умеет, тот
В любое место попадёт,
Хоть в самый дальний угол мира.
А что касается мессира
Гавэйна, то вернулся он
И во дворце был окружён
Всеобщим праздником, приветом,
Был принят горячо при этом.
Дан государыней приказ:
Нагреть пять сотен чанов враз
И юношам в них погрузиться,
Дабы попариться, помыться.
Их облачили после бани
В одежды чистые, заране
Уже готовые для них.
Все ткани — шёлк, и нет иных,

Мех горностаевый — и только.
Все молодые люди стойко
Во храме отстояли ночь,
Смогли усталость превозмочь.
Гавэйн, восток лишь просветлел,
По шпоре каждому надел
И по плечу мечом провёл,
Пятьсот он юношей возвёл
Тем самым в рыцарское званье.
А этим временем в Орканью
Всё продолжал свой путь гонец:
Там, как рассчитывал юнец,
Расположился двор Артура.
И всякий хворый, сирый, хмурый
При виде юноши твердил:
«Вот тот, кто не жалеет сил,
Торопится, успеть желая.
Знать, ко двору из дальня края
Несёт он вести во весь дух.
Король же наш и нем, и глух,
Уста он разомкнёт едва ли,
Настолько полон он печали.
Советом кто ж ему поможет,
Когда гонец ему изложит
Все те известья, что принёс».
Кто возражал: «Совать ли нос
В то, что касается Артура?
Отныне наша доля хмура,
Жить будем сиро и убого,

9208 Раз нет того, кто ради Бога
Нас и кормил и одевал
И милостями осыпал,
Того, кто искренне был благ».
9212 Так всякий в городе бедняк
Тогда оплакивал Гавэйна,
Им чтимого благоговейно.
А путь свой продолжал гонец
9216 И вскоре прибыл во дворец,
Явившись к государю смело.
С ним сто наместников сидело,
Сто герцогов, сто королей.
9220 Король же в горести своей,
Среди собрания такого
Не видя друга дорогого,
От горя чувств лишился вдруг.
9224 Все до единого вокруг
Хотели преуспеть в старанье
Артура привести в сознанье.
А дама Лор, что находилась[140]
9228 В одной из галерей, спустилась
На шум, который шёл из зала,
И к королеве побежала.
Когда нашла её, она,
9232 Узрев, как дама та бледна
И что взволнована зело,
Спросила, что произошло...

На этом роман Кретьена де Труа обрывается.

Приложения

Обоснование текста

Перевод романа «Персеваль, или повесть о Граале» выполнен по наиболее авторитетному на сегодняшний день изданию полного собрания сочинений Кретьена де Труа (в одном томе), вышедшему в серии «Библиотека Плеяды» под общей редакцией Даниэля Пуарьона (Chrétien de Troyes. Oeuvres complètes. P.:Gallimard, 1994. Édition publiée sous la Direction de Daniel Poirion, avec la collaboration d'Anne Berthelot, Peter F. Dembowski, Sylvie Lefèvre, Karl D. Uitti et Philippe Walter).

Из существующих списков романа (их 15) для указанного издания базовым был избран список BN fr. 794, который обычно использовался, в качестве основного, и при издании других произведений Кретьена де Труа. Он известен как «список Гюйо» и относится к первой половине XIII века; был опубликован Ф. Леруа (Les Romans de Chrétien de Troyes édités d'après la copie de Guiot. P.: Champion, 2 vol. 1973; 1975). Как отмечал Д. Пуарьон, текст «Персеваля» у Гюйо в некоторых случаях отличался излишней рационализацией, редукцией чудесного, особенно очевидной в сюжетной линии Гавэйна. Кроме того, Гюйо порой прибегал к сокращению текста. Поэтому в качестве контрольного в указанном издании Д. Пуарьона использовался список BN fr. 1450, относящийся также к первой половине XIII века. Список Гюйо был создан в Шампани, а контрольная рукопись – в Пикардии, что определило общие языковые особенности памятников и возможности объективных сопоставлений.

Стихотворный перевод романа Кретьена де Труа «Персеваль, или повесть о Граале» на русском языке публикуется впервые.

Забабурова Н.В.

Кретьен де Труа и неразгаданные тайны Грааля

О Кретьене де Труа, создателе средневекового классического романа во Франции, неизвестно почти ничего. Однако хронология его творчества ныне, усилиями поколений исследователей, установлена. Самым ранним его романом является «Эрек и Энида» (1170). За ним следуют «Клижес» (1176), «Ивэйн, или Рыцарь со львом», «Ланселот, или Рыцарь Телеги» (между 1176 и 1181 гг.) и, наконец, «Персеваль, или повесть о Граале», работа над которым началась примерно в 1182–1183 гг.

Свое полное имя создатель «Персеваля» назвал всего один раз, в самом начале своего первого романа «Эрек и Энида», – Кретьен де Труа. В дальнейшем он именовал себя просто Кретьеном: возможно, это признание уже обретенной известности. В самом деле, нет другого средневекового европейского автора, который оказал бы столь мощное и бесспорное воздействие на литературу своей и последующей эпох, вызвав огромное количество подражаний, переводов и потребность завершать и по-новому интерпретировать созданные им сюжеты.

О Кретьене де Труа известно очень мало. Предположительно, он не закончил своего «Персеваля» по причине смер-

ти[1], а работа над романом могла начаться не позже 1190 года: именно в это время Филипп Эльзасский, граф Фландрский, которому посвящен роман, отправился в свой последний крестовый поход, и ему уже не суждено было вернуться. Вероятно, и земные дни Кретьена закончились вскоре после этого, так как уже в 1190-е годы появляется анонимное «Первое продолжение» сюжета о Персевале, за которым последуют и другие, уже не принадлежащие перу нашего автора (Frappier 1972; Michat 1987; Ramm 2007; Vial 1987; Михайлов 1976; Барбер 2006).

Кретьен, очевидно, получил типичное средневековое образование, т. е. овладел науками тривиума и квадриума, знал латынь, был знаком с римскими классиками, из которых абсолютными авторитетами для него были, прежде всего, Овидий и Вергилий. Это тот типичный набор знаний, который определял культуру средневекового клирика. Вольфрам фон Эшенбах называл его «мэтром» (meister Cristien von Troys) – так официально именовались клирики. Статус клирика был довольно неопределенным. Обычно он получал одну из низших церковных должностей, для чего ему следовало выбрить на голове тонзуру и носить длинную рясу (clerc tonsuré). Но при этом клирик, если он не был непосредственно связан с церковной деятельностью, занимал промежуточное положение между светским миром и духовенством. Клирики могли жить в окружении богатого мецената, выполнять обязанности секретарей, писцов, учителей при владетельных особах. Кретьен

[1] В доказательство такого предположения Д. Пуарьон ссылается на продолжение «Персеваля», созданное около 1230 года. Его автор Жербер Монтрей прямо говорит о том, что роман не был закончен из-за смерти Кретьена (Poirion 1994:1303).

де Труа, подобно другим представителям средневековой интеллигенции этой эпохи, соединял в себе книжную ученость с духовными и нравственными ценностями рыцарской жизни и, несомненно, многие годы провел при феодальных дворах, прежде всего при дворе Марии Шампанской в Труа.

В XII веке город Труа, крупный торговый и культурный центр, был своего рода перевалочным пунктом между северной и южной Европой. В Труа ежегодно проводились две ярмарки, широко известные в средневековой Европе: «теплая» (с начала июля по сентябрь) и «холодная» (с ноября по январь). Сюда съезжались торговцы и банкиры со всей Западной Европы (Генуя, Болонья, Неаполь, Венеция, Нидерланды, Брабант, Швейцария, Барселона, Кастилия, Португалия и т. д.) и даже с восточного Средиземноморья (Кипр, Греция, Египет, Тунис), т. е. жизнь в городе кипела почти круглый год. На эти ярмарки прибывали и жонглеры, и музыканты, и артисты, услаждавшие досуг многочисленных гостей. Именно такой процветающий город, увиденный Гавэйном, описан в «Персевале». Сложилась определенная культурная среда, благотворная для гения, каким был Кретьен. Исследователи до сих пор обсуждают вопрос: могла ли быть столь широко развернутая в его романах картина западного рыцарства результатом реальных наблюдений, полученных в странствиях? (Holmes, Klenke 1959: 23–24). Теоретически он мог встретиться и с самим Гальфридом Монмутским (до 1152 года Гальфрид жил в Кембридже, а затем в Северном Уэльсе, где и почил в 1155 году), книга которого «История бриттов» стала в XII веке главным источником преданий о короле Артуре. Для этого всего-навсего надо было пересечь Ла-Манш. В «Клижесе» английские географические детали отличаются необычной для

средневекового романа точностью. На этот вопрос, тем не менее, вряд ли удастся ответить со всей определенностью. Но в том богатом, многоязычном и многоплеменном мире, какой открылся писателю в Труа, в стихии свободного культурного общения, он мог создать в своем воображении те чарующие и одновременно поразительно реальные миры, которые увлекли и современников, и потомков.

Он жил в эпоху становления новой цивилизации, которую называют гуманистической и связывают с истоками Возрождения. Расцвет на севере Франции куртуазной культуры совпадает с решающим переломом в развитии средневекового общества. Усилившийся торговый обмен, расширение горизонтов и контактов создают относительное благополучие, делают более комфортной повседневную жизнь, по крайней мере, для привилегированных классов. После первых крестовых походов в обиход входят продукты восточной роскоши: пряности, благовония, слоновая кость (из нее изготовлены шахматы, которые Гавэйн в «Персевале», оказавшись в безвыходной ситуации, удачно использует в качестве метательного оружия), жемчуг, шелк, яркие ткани. Укрепляется система феодальной иерархии, в результате чего самые могущественные феодалы завладевают обширными владениями и окружают себя вассалами. Так начинает развиваться придворная жизнь со всем ее внешним великолепием. Все началось на юге, сначала в Провансе, но во второй половине XII века этот процесс захватывает северные европейские территории: Шампань, Пикардию, Фландрию. Из придворной жизни родилась куртуазия – от французского слова «cour» (двор). Куртуазный идеал связан с изменениями в нравах и самой структуре феодальной аристократии. Аристократия

становится наследственным классом/сословием, а потому стремится кодифицировать правила своего поведения, таким образом отгораживаясь от остального общества и закрепляя свой особый социальный статус. Куртуазия – понятие многозначное. Оно может употребляться в широком смысле как обозначение истинно рыцарского поведения, вежества, элегантности как атрибутов придворной жизни. В этом значении слово «courtois» широко употреблялось в литературе, в том числе и в романах Кретьена де Труа.

Но складывается и концепция куртуазной любви, заведомо непостижимой для простых смертных, когда само любовное желание облагораживается и создаются особые правила любовного поведения, запечатленные прежде всего в литературе эпохи (Frappier 1973; Lazar 1964). Свидетельство тому – известный латинский «Трактат о любви» (*Liber de arte honeste amandi et reprobatione inhonesti amoris*)[2] Андре Капеллана (1186), тоже творившего при дворах Марии Шампанской и Филиппа Эльзасского. Он хорошо иллюстрирует те смысловые нюансы, которые отличают концепцию fin'amors провансальских трубадуров от идеи так называемой «куртуазной любви». Сама лирическая форма манифестации fin'amors исключала какую-либо рационалистическую кодификацию. Любовное служение донне, хотя и подразумевало ее высокое социальное положение, выражалось прежде всего как лирическая эмоция. Выведение каких-либо правил и норм совершалось за пределами поэтического текста и стано-

[2] На русский язык трактат Капеллана полностью пока не переведен, но в современном французском переводе он имеет не вполне точное название, поскольку слово courtois в латинском заголовке отсутствует. См.:André le Chapelain. Traité de l'amour courtois. – P., Klincksieck, 2002.

вилось результатом последующей рефлексии. Куртуазность, складываясь, даже этимологически, как определенный сословный код, превращалась в особую форму этикета. Этикет же, как известно, требует правил. В трактате Капеллана эти правила отрабатываются на судах любви.

Суды любви – это очень любопытный культурный феномен XII века. Разумеется, здесь не стоит предполагать судебное разбирательство в буквальном смысле: «Речь тогда шла всего лишь об игре ума, о любимом развлечении просвещенного общества, которому ничто не доставляло такого удовольствия, как анализ всевозможных тонкостей любви – и только развлечения ради они высказывали, разбирая предложенные им случаи, суждения, по форме напоминавшие те, которые изрекались на заседаниях феодального суда, разбиравшего ссоры» (Перну 2001: 169). Арбитрами на этих судах выступали исключительно знатные дамы, которым и предстояло выносить «приговор»[3]. Стендаль, внимательно изучавший трактат Капеллана в период работы над книгой «О любви», не исключал, что подобный приговор мог вести к общественному осуждению, по аналогии с судами чести (Stendhal 1855: 301–302). Среди дам-судей у Капеллана на первом месте стоит, естественно, Мария Шампанская, покровительница автора.

Куртуазный герой сохранял самые лучшие качества героя эпического: доблесть, гордость за свой линьяж, высокое самообладание. Но к этим качествам теперь добавляются и другие, призванные украсить и облагородить социальную жизнь: изысканность речи, манер и костюма, верность пра-

---

[3] Отзвуки этой традиции можно видеть в книге Данте «Новая жизнь», где протагонист доверяет историю своей любви неким дамам, что «смысл любви познали».

вилам чести в бою, щедрость, физическая привлекательность. Совершенная куртуазность требовала также уважения к поступкам и чувствам других людей, милосердия, безупречной вежливости. Безответное поклонение даме, вне какой-либо матримониальной перспективы, – тоже значимая часть этого нового кодекса, хотя она не исчерпывает содержания понятия «куртуазия». Пример тому – Гавэйн, постоянный персонаж романов Кретьена де Труа, признанный воплощением рыцарского идеала. При этом Гавэйн вовсе не является идеальным и верным возлюбленным, скорее, он, по удачному определению А.Д. Михайлова, – «прирожденный гедонист» (Михайлов 2006: 45), не склонный отказываться от соблазнов. Впрочем, в литературных текстах эпохи, в том числе и у Кретьена, выражение «amour courtois» практически не встречается. Как справедливо заметил Ж. Фраппье, оно принадлежит к «терминологии современной критики» (Frappier 1973: 4).

Эти новые устремления феодальной культуры нашли свое воплощение в жанре романа, который под пером Кретьена обрел почти классические формы. Средневековый роман – это явление достаточно масштабное и сложное. (См.: Bruce 1923, Bezzola 1944–1963; Loomis 1963; Kelly 1992; Михайлов 1976; Мелетинский 1983).

Принято выделять три основных цикла этих романов: античный, бретонский (артуровский) и византийский. Романы Кретьена де Труа, несомненно, принадлежат второму. Подобная классификация подразумевает, соответственно, использование определенных источников. То, что на севере Франции расцветает именно «артуровский» роман, совсем не случайно.

Главной хранительницей кельтских легенд и преданий еще в период раннего Средневековья оказалась Ирландия. Каким путем бретонские (кельтские) сюжеты и мотивы могли проникнуть во Францию? В силу своего географического положения, Ирландия не могла оказать прямого влияния на французскую литературу XII века. Но существовали две обширные контактные зоны: в Британии – Уэльс и Корнуэлл, пограничные нормандскому королевству после покорения Англии Вильгельмом Завоевателем, во Франции, на континенте, – территория Арморики[4]. Арморика стала после завоевания Британии англосаксами убежищем и приютом для кельтов/бриттов, спасавшихся от захватчиков. Отсюда две теории, каждая из которых имела убежденных сторонников: континентальная, согласно которой Арморика сыграла решающую, если не единственную, роль в распространении бретонских сюжетов во Франции, и островная, где решающая роль отводится Уэльсу и Корнуэллу. В действительности обе эти теории не исключают друг друга. В романах Кретьена де Труа, как и в других рыцарских романах эпохи, французская Бретань (Малая Бретань) и Британия (Большая Бретань, т. е. Англия), как правило, не различались. Бретонцы из Арморики постоянно общались с норманнами, они составили треть войска Вильгельма Завоевателя, а позже обосновались в Англии, привезя с собой и местных жонглеров, и предания родины,

[4] Арморика (от кельтского arm or – море) – название, данное северо-западным территориям Галлии, расположенным за Ла-Маншем вдоль океана, от устья Сены до Луары и включающим всю современную французскую Бретань. Поселения Арморики восстали против римлян в начале V-го века и образовали мощную конфедерацию. Позже Арморика приняла власть короля Хлодвига.

о которой они тосковали, и даже французский язык. Может быть, они и создавали причудливую романную географию артуровских повествований. Такой точки зрения придерживался Р. Луми (Loomis 1963). То, что из Англии кельтская культура проникла на континент, уж и вовсе не удивительно. Она утверждалась при блестящих дворах нормандских королей, владения которых были одновременно и островными и континентальными. Политика Генриха Плантагенета, который практиковал экспансию в кельтских землях, и в еще большей мере личная роль блистательной королевы Альеноры Аквитанской, тогдашней главной покровительницы литературы, способствовали распространению моды на артуровские легенды. Мария Шампанская, одна из любимых дочерей Альеноры, унаследовала от матери любовь к словесности, ум, фантазию и способность собирать вокруг себя талантливых поэтов и мыслителей. Она не просто поощряла дар Кретьена де Труа, но подсказала ему сюжет «Ланселота». В общем мир артуровских сказаний (matiére de Bretagne) был той естественной почвой, на которой в ту эпоху развивался бретонский рыцарский роман, хотя об известных источниках, возможно, использованных Кретьеном, ничего достоверного неизвестно. В своих романах он не раз на них ссылался: в частности, в прологе к «Персевалю» сообщает, что получил от Филиппа, графа Фландрского «книгу»[5] (le livre), содержащую рассказ о Граале. Существовала ли такая книга – пока вопрос без ответа. Думается, что прав А. Д. Михайлов, который писал: «Можно предположить, что Кретьен располагал

[5] Высказывалось забавное предположение, что упомянутая «книга» могла представлять собой всего лишь сшитые чистые листы, на которых автору предлагалось писать заказанный труд.

рукописями каких-то «старых сказаний» (об этом он говорит постоянно), излагавших бытовавшие в кельтской среде легенды. Но не исключено, что подобные ссылки были простым повествовательным приемом (если не мистификацией). Возможно, поэт мог воспользоваться этими легендами в их устной передаче, т. е. слышать их от бретонских жонглеров» (Михайлов 1976: 114).

У последнего романа Кретьена «Персеваль, или повесть о Граале»[6] особая судьба. Роман не был закончен, но именно он увлек Запад своими мистическими загадками и оказался у истоков мифа о Граале, столь популярного в западной цивилизации, что он проник и на территорию массовой культуры нашего времени, бесконечно расширившись в своих сюжетно-мотивных вариациях. Приходится признать, что Кретьен был творцом этого культурного мифа, и первенства у него уже никто не отнимет.

Однако в данном случае уместно уделить внимание источникам, даже если они были неизвестны Кретьену. Ведь столь универсальные по своему значению мифы никогда не возникают на почве исключительно авторского творчества.

Само слово «graal» этимологически неоднозначно. Оно не является неологизмом Кретьена и встречается в других текстах эпохи в значении «сосуд», «блюдо». Согласно распространенному мнению, слово «graal» восходит к средневековому латинскому "gradalis", употребление которого отмечено с начала XI века. В провансальском языке слово получает форму «grazal» (grasal). В любом случае оно всегда обозначало некий предмет, используемый для сервировки стола (сосуд

[6] В романе Кретьена грааль – это нарицательное существительное, поэтому автор писал его с маленькой буквы.

или большое блюдо). Такое толкование вполне соответствует контексту кретьеновского романа. Когда Персеваль впервые увидел таинственную процессию, то самым удивительным и загадочным предметом ему показался вовсе не «грааль», а кровоточащее копье. О мистическом смысле грааля он услышит только от дядюшки-отшельника, который объяснит ему, что больной король вкушает с «грааля» не аппетитные яства, а гостию, поддерживающую его дух и тело. С этого момента можно говорить о преображении вполне бытового предмета в сакральный. Существуют, по крайней мере, три основных точки зрения на природу Грааля, которые подробно освещены в книге Ж. Фраппье (Frappier 1972: 164–203). Наиболее очевидна связь этого образа с христианской символикой (Грааль как чаша евхаристии и кровоточащее копье как копье сотника Лонгина), которая у последователей Кретьена возобладала. Поэтому в более поздних обработках мифа появится уже Святой Грааль, а мотив его поисков, заявленный в романе Кретьена, приобретет чисто религиозный смысл. Изучалась и ритуальная природа легенды о Граале, ее связь с языческими календарными культами. В связи с этим популярны и восточные параллели к сюжету о Граале (Gallais 1972). Особенно обстоятельно исследована связь Грааля с кельтским фольклором и процесс христианизации традиционных кельтских мотивов («магический котелок изобилия», заколдованное копье, трансформация кельтских «водных» божеств в образ Короля-рыболова и проч.) (Marx 1952; Loomis 1963). Роман Кретьена уникален в том отношении, что в нем воссоздано становление сюжета о Граале, постепенное расширение смыслов, которое и определяет его многоуровневый характер. Поэтому ни один из источников не может стать довлеющим,

и в этом сложность и кажущаяся противоречивость творения Кретьена.

Эта противоречивость интригует исследователей. Конечно, ее можно было объяснить уже тем, что Кретьен своего романа не закончил. Произведение распадается на две почти равных части: первая (до стиха 4747) повествует о Персевале, вторая – о приключениях Гавэйна. Во второй части автор прерывается только один раз, строк на триста, чтобы вновь упомянуть о Персевале (и это важнейший эпизод – встреча с отшельником, во время которой разъясняются многие тайны), а затем вновь прощается с героем – уже навсегда.

На этот счет высказывались разные предположения, которые могут быть сведены к двум основным: или после смерти Кретьена переписчик свел воедино две незаконченные рукописи, или речь идет о произведениях, написанных разными авторами, но, по неизвестным причинам, механически соединенных. Но Ж. Фраппье был уверен, что этот роман Кретьена является лучшим и достойным наибольшего признания, потому что автор «Персеваля» демонстрирует в нем тончайшее искусство контрапункта, поддерживая атмосферу тайны и недосказанности (Frappier 1957).

О продуманном плане романов Кретьена де Труа можно говорить, имея в виду понятия, которыми пользовался сам автор в предисловиях к романам «Клижес» и «Ланселот, Рыцарь Телеги»: “matiére”(материал; может быть, фабула), “sens” (смысл), «conjointure» (соединение, или в переводе на язык современных понятий – композиция) (Kelly 1966). В совокупности эти три элемента составляют, по Кретьену, авторское искусство.

Апелляция ко всякого рода «источникам» - характерная черта средневековой учености, по природе своей «цитатной». В последнем романе связь «материала» с универсумом рыцарской жизни, уже созданным Кретьеном, совершенно очевидна, а ссылка на конкретный предшествующий источник явно имеет технический характер. Персеваль, как рыцарь Круглого Стола, упомянут уже в «Эреке и Эниде», первом романе автора, причем, как говорится, в хорошей компании: в замке Кардиган Эрека с Энидой встречает король Артур, а за ним появляются в обозначенном порядке Кей, Персеваль Валлиец и блистательный Гавэйн (ст. 1513-1515).

Значит, персонаж уже был известен Кретьену, хотя обрел свой «сюжет» только в последнем романе. Так что «материалом» Кретьен вполне мог располагать и до полученного от Филиппа Эльзасского заказа - почерпнутым из преданий, устных рассказов, которые могли дать толчок его творческой фантазии.

Но в предисловии четко обозначен «смысл», и он принципиально нов для романов Кретьена, что само по себе говорит об особой роли «Персеваля» в творчестве писателя. До этого Кретьен никогда не начинал романный текст с цитаты (в вольном переложении) из Священного Писания: «Кто мало сеет – мало жнёт. /Кто добрых урожаев ждёт,/Тот должен бросить в землю зёрна,/Чтоб те взошли в ней благотворно».

Это вполне узнаваемый фрагмент из 2-го Послания коринфянам апостола Павла. Затем возникает значимое противопоставление Филиппа Эльзасского и Александра Македонского, причем в пользу первого. Это не только выражение традиционной придворной лести с расчетом на вознаграждение

– скорее, демонстрация новой концепции героизма. Для европейского средневековья Александр Македонский был героем абсолютным. Свидетельство тому – романы античного цикла, в частности, анонимный «Роман об Александре» (плод творчества многих авторов), который создавался с середины XII века. В этот период определяются два соперничающих персонажа – король Артур и Александр Македонский, которые предстают не только как романные персонажи, но и как воплощение определенных качеств, близких рыцарскому миру. История Александра вошла в соответствующий историко-культурный контекст. Во всяком случае, для Кретьена и его современников этот абсолютный герой должен был быть не просто знаком, но традиционно безупречен. Поэтому заявленное в предисловии противопоставление, несомненно, призвано пояснить «смысл» романа.

Вполне вероятно, что Кретьену известны были и многочисленные недостатки/ пороки Александра Македонского, касающиеся и его натуры и его деяний. Соответствующие сведения могли быть почерпнуты автором из античных источников.

Если перевести проблему в план важных для эпохи понятий, то вполне естественно, что язычник Александр противопоставлен христианину Филиппу. Поэтому представление добродетелей патрона обрамлено цитатами из Священного Писания, а сам автор уподобляет себя сеятелю из знаменитой евангельской притчи. Собственно, не имеет особого значения, соответствовал ли реальный Филипп Эльзасский очерченному Кретьеном образу. Впрочем, у графа была репутация вполне достойного человека, образованного и покровительствовавшего искусствам. К тому же он погиб в крестовом по-

ходе, т. е., по понятиям эпохи, за веру. Кретьен, сочиняя предисловие, еще не мог об этом знать, но он жил в этом историческом сюжете и, вероятно, намерения Филиппа отправиться в Святую землю ему могли быть известны. Указанное противопоставление призвано прояснить «смысл» романа, так как заявлено абсолютное значение нового критерия рыцарского (и человеческого) достоинства – христианского милосердия. Ради уточнения стоит сказать, что в рыцарский кодекс неизменно включалась щедрость, подразумевавшая богатые дары по определенным случаям: как акт гостеприимства, как награда в турнире, как королевское пожалование за особые заслуги. Но в христианском толковании милосердие не равно публичной щедрости: это некое сокровенное и тайное пожертвование. Во всяком случае, так трактует эту добродетель Кретьен со ссылками на Писание: милосердие, в отличие от щедрости, творится тайно.

В таком контексте история Персеваля должна была предстать как путь к новым нравственным ценностям, как своего рода поиск, облеченный в сюжет психологического эксперимента и призванный открыть иные, духовные, цели рыцарского служения. Таким образом, в прологе уже заложена интрига и своеобразный ключ к прочтению романа.

Предполагаемая датировка «Персеваля» стала предметом оживленной научной дискуссии. Работа над романом могла начаться, как отмечено, не позже 1190 года. Предположения исследователей связаны с возможной датой знакомства и сближения Кретьена с Филиппом Эльзасским. Р. Лежен (Lejeun 1954: 51--74) считала, что Кретьен мог поступить на службу к Филиппу Эльзасскому весной 1180 года, когда влияние графа на французский королевский двор возросло настолько,

что он стал чуть ли не регентом при новом короле Филиппе-Августе, которому в ту пору было пятнадцать лет, и взял на себя заботы наставника будущего монарха. Это позволило исследовательнице высказать гипотезу о том, что «Персеваль» стал своего рода «зерцалом принца», т. е. с самого начала строился как роман воспитания и был ориентирован на конкретный политический сюжет. Но сюжет этот длился недолго. Уже в следующем году Филипп Эльзасский утратил доверие юного, но властного принца и попытался заключить союз с двором Шампани. С этой целью он, став вдовцом в 1182 году, совершал многочисленные визиты в Труа и даже возымел надежду вступить в брак с Марией Шампанской, тоже недавно овдовевшей (Генрих Либеральный, граф Шампанский, умер 17 марта 1181 года через семь дней после своего возвращения из Палестины). В итоге Мария Шампанская от этого претендента отказалась, но пока длилось настойчивое ухаживание, Кретьен, даже не покидая Труа, мог получить от Филиппа Эльзасского заказ на роман со столь лестным посвящением патрону (Fourquet 1995). Быть может, он имел случай сопровождать графа во Фландрию, потому что описание процветающего торгового города в «Персевале», увиденного глазами Гавэйна, напоминает и облик богатых фламандских (бельгийских) городов : «В том славном городе всегда/ Торгов и ярмарок страда…».

Но, возможно, эти строки могут быть отнесены и к Труа, с его ярмарочным размахом и кипением промыслов, местных и завозных. Каждая из гипотез опирается на свои более или менее убедительные аргументы: во всяком случае, есть основания полагать, что работа над «Персевалем» могла начаться гораздо раньше обозначенной для него конечной даты (1190 г.),

т. е. в период между 1179 и 1182 гг. , когда Кретьен имел реальную возможность познакомиться с Филиппом Эльзасским. Может быть, ради этого заказа он перепоручил завершение «Ланселота» своему ученику Годфруа де Ланьи, чтобы полностью отдаться новому сюжету, впрочем, тоже незаконченному? Считается, что «Ланселот» дописан к 1181 году. Значит ли это, что именно в это время Кретьен полностью занялся новым проектом, который так его увлек, что он посвятил ему несколько лет и, увы, не успел закончить, но никому не передоверил? На все подобные вопросы ответа нет. Но есть основания полагать, что последнее произведение Кретьена де Труа имело особое значение в его творческой судьбе, захватив автора на годы – может быть, до самой кончины.

***

«Персеваль» часто называют романом «воспитания». Размышляя о романе воспитания, М. Бахтин подчеркивал, что он сосредоточен на процессе становления человека (Бахтин 1979), и это становление чаще всего проходит в циклическом времени (детство, юность, зрелость, старость). «Парцифаль» Эшенбаха (а следовательно, и «Персеваль» Кретьена) отнесен Бахтиным к романам подобного типа. Но «циклическое» время в «Персевале», что называется, не работает. В начале романа герой – отрок, почти ребенок, наивный и невежественный дикарь из глухих валлийских лесов. Примерно за пятнадцать дней ему удается пройти школу рыцарства и все стадии инициации, продемонстрировать рыцарскую доблесть, отомстить врагам, покорить сердце дамы и заслужить всеобщее восхищение, так что сам Артур в сопровождении баронов отправляется на поиски

удивительного юноши. А затем пять лет забвения, какого-то странного духовного сна, от которого герой очнется только в келье отшельника. Никакой внешней мотивации подобных трансформаций в романе Кретьена нет. П. Галлэ отметил, что Персеваль и по происхождению, и по линии судьбы резко отличается от героев других кретьеновских романов (Gallais 1972:36–40). Он, в отличие от них, не сын короля, и происхождение его, как и имя, до определенного момента неизвестно. В его судьбе особая роль принадлежит матери (отсюда мотив искупления), что совершенно нетипично для рыцаря. Герои Кретьена основные подвиги совершают в конце своей «карьеры» – Персеваль с первых шагов одерживает все свои победы. Обычно путь героев начинается при дворе короля Артура и там же заканчивается – Персеваля же ищут, чтобы вернуть ко двору, но он по собственной воле покидает артуровское королевство. Наконец, все кретьеновские рыцари влюблены и служат дамам, Персевалю же такая любовь неведома: он быстро забыл Бланшефлер. Из этого, как считает П. Галлэ, следует, что сюжет «Персеваля», скорее, представляет собой историю инициации, а не воспитания, поскольку герой призван исполнить предопределенную, хотя и неведомую ему, миссию. Этот смысловой нюанс отражен и в более поздних формулах кретьеновского сюжета, который уже в XIII веке определялся как поиски Грааля.

Свой поиск Персеваль ведет интуитивно, а ему помогает случай, то самое «вдруг»: «Герой рыцарского романа устремляется в приключения как в родную стихию, мир для него существует только под знаком чудесного «вдруг», это – нормальное состояние мира» (Бахтин 2000:81).

Персеваль выполняет в романе Кретьена де Труа особую функцию: через него осуществляется своего рода ревизия куртуазных ценностей, порою ироническая.

Герой входит в роман как персонаж абсолютно чужеродный для рыцарского эпоса – неотесанный грубый юнец, азартный охотник, неизменно вооруженный тремя дротиками, в метании которых он упорно упражняется. К тому же он валлиец – деталь, чрезвычайно важная для его характеристики. Обычно в рыцарских романах география вполне условна, потому появление указанной детали в романе Кретьена весьма значимо. В период раннего средневековья Уэльс обладал определенной самостоятельностью, и на этой территории сохранялись элементы древней кельтской культуры, валлийский язык и местные обычаи. Уэльс сопротивлялся как англо-саксонскому, так и норманнскому вторжению. Только в XIII веке английскому королю Эдуарду I удалось присоединить Уэльс к английской короне (после чего наследник английского престола получил титул принца Уэльского – своеобразный реверанс по отношению к мятежной территории). Население Уэльса в средние века было преимущественно сельским. Потому и валлиец для спесивых рыцарей – это почти синоним дикаря и невежи: «Сеньор, валлийцы – знайте то – /Похожи на животных боле,/Чем скот, пасущийся на поле».

Таково первое впечатление рыцарей от встречи с Персевалем.

Подобная этническая дискриминация, вероятно, объясняется исторически. Сцена первой встречи валлийца Персеваля с настоящими рыцарями, которых он принял за ангелов, написана с юмором. Герой, с его нелепыми вопросами, напоми-

нает пастуха из пасторальной комедии, вроде «Игры Робена и Марион» (Poirion 1994:1308).

Воспитание, данное герою матерью, принципиально антикуртуазно. Отсюда важная деталь – Персеваль не знает слова «рыцарь», как, впрочем, и собственного имени. «Милый сын», «милый брат», «милый господин» – так его называли в родных краях. Для матери Персеваля, потерявшей в войнах и поединках всю свою семью, рыцарство – синоним смерти. Когда ее сын принимает встреченных в лесу рыцарей за ангелов, для нее это ангелы Апокалипсиса: «Ты зрел тех ангелов, возможно,/Которые людей страшат,/Зане что видят, то крушат».

Она представляет мир рыцарства как несправедливый и бесчестный, где достойнейшим уготована только смерть. Она и сама погибает, как только Персеваль объявляет о своем призвании. Это вина Персеваля, которую тот должен искупить.

В романе Кретьена рыцарскому служению сопутствует разрушение семьи или разрыв с ней. В каждой семье есть вдовы и сироты, неведомые родственники обретаются случайно, в странствиях (так Персеваль находит дядю и кузину, а Гавэйн – собственную мать, которую считал давно умершей). Наставник Персеваля Горнеман де Гор советует ему не упоминать о наказах матери (и вообще о матери), чтобы его не сочли неотесанным простаком. Это не случайно: в эпоху средневековья знатные женщины не занимались воспитанием подросших мальчиков. Обучение искусству боя, физическая подготовка, навыки обращения с оружием, куртуазный этикет – все это будущий рыцарь постигал при дворах феодальных сеньоров, куда его большей частью отправляли с малолетства. Такую школу проходит в романе Йонет, выпол-

няющий обязанности стольника при Артуре. По всей видимости, он ровесник Персеваля, но именно от него диковатый валлиец впервые узнает, как следует обращаться с рыцарскими доспехами. Отправляя своего сына на рыцарское служение, мать дает ему чисто «женские» наставления, которые исключают опыт воинских авантюр и всяческий риск: исправно посещать церковь, повсюду искать людей достойных, у любого встречного сначала спрашивать имя (ради безопасности), помогать дамам и девицам (ему не возбраняется ответить на их поцелуй и принять в подарок кольцо или кошель, но только если предложат). Поначалу эти наказы Персеваль, как истинный простак, самым комическим образом исполняет буквально.

О короле Артуре Персеваль в первый раз слышит от рыцарей, встреченных в лесу, и тотчас же принимает решение отправиться ко двору Артура, который должен «сделать» его рыцарем. В грубом крестьянском одеянии, вооруженный неизменным дротиком, валлиец прямо на коне врывается в зал, где за трапезой собралось избранное куртуазное общество во главе с королем. Далее все происходящее представлено в его восприятии – прием, который позволил автору не просто развернуть сцену во всем ее комическом гротеске, но и обозначить очень важные в смысловом отношении детали.

Персевалю уже известно, что король Артур – самый главный, т. е. является абсолютным арбитром в вопросах морали и чести. Он приезжает в замок, чтобы просить Артура сделать его рыцарем. Но короля среди присутствующих он не замечает, т. е. не находит того, кто обладал бы неоспоримым королевским величием. И немудрено: Артур сидит в конце стола в глубокой скорби и молчании. По сути, на него никто не об-

ращает внимания, а он так поглощен собственным горем, что ничего не видит и не слышит. Только что королю было при всех нанесено тяжкое оскорбление: Алый Рыцарь предъявил ему ультиматум, вырвал из его рук золотой кубок, облив при этом вином королеву (королева удалилась в гневе, заявив о намерении покончить с собой). И Персеваля король заметил лишь тогда, когда неловкий юнец задел его шляпу, сбросив ее на стол, – в сущности, очередное оскорбление. Артур предстает, что парадоксально, персонажем совершенно беззащитным – перед насилием, грубостью, наглой силой. Но никто из участников пира не взял на себя долг вступиться за короля. А у Персеваля, устремившегося в погоню за Алым Рыцарем, свои мотивы: он жаждет заполучить приглянувшиеся доспехи. Более того, все, что произошло в зале, мало его трогает и, скорее, смешит. Он даже позволяет себе усомниться в могуществе короля.

Далее в присутствии Артура и всего двора сенешаль Кей отвешивает увесистую оплеуху юной деве, которая позволила себе засмеяться при появлении Персеваля, и пинком толкает в камин за неугодные ему речи шута. Король привычно журит Кея за столь некуртуазное поведение - и только. Но отмщение Кею вновь берет на себя только Персеваль.

Это первое соприкосновение Персеваля с артуровским миром таит в себе неизбежное разочарование. Поэтому, победив Алого Рыцаря, Персеваль не поспешил к Артуру, а при дворе о его подвиге расскажет Йонет. Персеваль же отправится за приключениями. Посвящение в рыцари он примет не от короля Артура, а от Горнемана де Гора. Теперь он довольствуется тем, что отсылает в плен к Артуру побежденных им рыцарей. Слава его множится, но никому неведомо даже имя

героя. В романе создается необычная ситуация: сам король, вместе с королевой и подобающей свитой, отправляется на поиски Персеваля. Но в момент чествования является уродливая девица, которая обрушивает на Персеваля проклятья и грозит неисчислимыми бедами. И он тут же покидает замок, устремляясь в погоню уже за тайной Грааля и копья, источающего кровь. В течение повествования Персеваль только один раз, в самом начале, сознательно выбирает замок Артура как конкретную цель. Далее все передвижения, скорее, уводят его от артуровских замков: сначала он стремится назад, в отчий дом, затем - на поиски Грааля. И в том, и в другом случае его ведет духовный порыв. Эти странствия прерываются случайными встречами и препятствиями. Во всяком случае, они случайны для Персеваля и для читателя. Их внутренняя связь выявляется постепенно, создавая атмосферу тайны и недосказанности.

Уход/бегство Персеваля – повторяющийся мотив романа. Любопытно, что герой всякий раз находит объяснение для своего внезапного отъезда из гостеприимных замков, где ему предлагают приют, дружбу и даже любовь. Сначала он захвачен горестным воспоминанием о матери, которую оставил в плачевном состоянии, без чувств, проявив преступное бессердечие. Запоздалое чувство вины определяет нравственный долг: Персевалю необходимо вернуться в родные места, чтобы узнать о судьбе матери. Так он мотивирует свой внезапный отъезд из замков Горнемана де Гора и Бланшефлер. Последней он дает обещание возвратиться в замок Борепер в любом случае – жива мать или нет. Но от своей случайно встреченной кузины Персеваль узнает, что его мать умерла. На печальную весть он реагирует весьма здраво: «Живой –

живым, а мертвый – мертвым». Но в Борепер он, вопреки обещанию, не вернется. Посещение замка Грааля открывает ему новую цель – поиск сокровенной тайны Грааля. Подобная мотивация рыцарских авантюр не вполне типична для куртуазного романа и свидетельствует об особой миссии героя.

Воспитание, вполне успешное и стремительное (по срокам один день), Персеваль проходит не при дворе короля Артура. Воинскому искусству его обучает Горнеман де Гор, который проводит с юношей настоящий тренинг, разъясняя ему законы истинно рыцарского поединка. При этом он открывает ему и основные правила куртуазности. Некоторые его наставления совпадают с наказами матери, и это только усиливает доверие Персеваля к наставнику.

Важная часть куртуазного кодекса – элегантность и роскошь облачения. В свой час Персеваля потрясла красота доспехов Алого Рыцаря, и он тут же отправился их добывать, в чем преуспел. Но мать перед отъездом одела его в грубую валлийскую одежду ("рубаху вроде власяницы, / Штаны, что шьют всегда валлийцы"), которую он так и не пожелал снять. Сопровождавший его Йонет тщетно пытался уговорить юношу взять не только доспехи поверженного Алого Рыцаря, но и его шелковую тунику с мягкой подкладкой. Персеваль остался непреклонен: ведь пеньковая рубаха, в отличие от шелковой, в дождь не промокает. Здесь крестьянский практицизм вполне уместен, но Горнеман де Гор все-таки заставляет Персеваля облачиться в роскошное одеяние, соответствующее рыцарскому статусу – рубашку из изысканного индийского шелка, красные, в тон доспехам, шоссы и т. д. Согласно рыцарскому этикету, предложение одежды гостям было проявлением куртуазности по отношению к приглашенным. Причем такие

дары всегда подчеркнуто роскошны: тонкие ткани, меха, золотое шитье и проч. Как справедливо отмечал Ж. Ле Гофф, в Средние века «красивым считалось разноцветное и блестящее, а чаще всего еще и богатое» (Ле Гофф 1992:316).

Куртуазность предполагает и определенный поведенческий стандарт. Комические ситуации, в которые попадает Персеваль в начале романа, связаны как раз с незнанием элементарных правил этикета, в особенности речевого. Во время первой встречи с рыцарями в лесу он сам задает вопросы, не отвечая ни на один вопрос, обращенный к нему. Он совершенно бесцеремонно врывается в замок короля Артура, въезжая в зал прямо на коне и ни с кем не здороваясь. К Йонету он обращается с дерзким вызовом: «Кто есть король здесь, отвечай мне!»

Когда наставник Горнеман де Гор объясняет Персевалю, что тот должен «держать язык в узде», юноша вновь проявляет полное послушание; правда, впадает в другую крайность. Он упорно молчит, пока его не спрашивают, так что в замке Бланшефлер его сначала принимают за немого. Только в ответ на расспросы девушки он, наконец, рассказывает свою историю, сразу покорив ее сердце («Все вы поведали чудесно,/ Как куртуазность нам велит»).

Ту же ошибку совершает Персеваль в замке Короля-Рыболова. Перед ним проносят Грааль, а он хранит молчание. На первый взгляд, это узнаваемое повторение исходной ситуации: Персеваль, как и прежде, исполняет указания буквально. Но оказывается, что нужный вопрос он не задает потому, что на нем лежит вина за смерть матери – тяжкий неискупленный грех. Так ему не раз объяснят позже. Его молчание напоминает кельтский «гейс» – наложенный запрет (Frappier 1957:201).

Логическая линейность сюжета успешного воспитания идеального рыцаря прерывается именно с появлением мотива Грааля. Судьба Персеваля разворачивается в романе как исполнение некоего предназначения, ему пока неведомого. Некоторые персонажи эту его избранность ощущают, другие о ней точно знают. Звучат пророчества, появляются предзнаменования (Karczewska 1998). И поиски рыцаря приобретают мистический смысл. Изначальная роль наивного простака становится объяснимой.

Таинственный замок Короля-Рыболова – заповедное пространство. Он возникает перед Персевалем ниоткуда, как мираж. Сначала Персеваль движется вдоль реки, но путь ему пересекает скала. Дальше двигаться он не может; в реку, в опасную быстрину, войти не решается. А местность вокруг пустынная, и Персевалю остается лишь возносить молитвы за здравие матушки, которую он мечтает найти живой и невредимой. Таинственная лодка появляется внезапно. Рыболов подтверждает, что Персевалю никак не удастся переправиться через реку. Остается один, указанный Персевалю, путь – через узкую расщелину в скале. Одолев тяжелый подъем, рыцарь не увидел в долине ожидаемого дома и даже заподозрил Рыболова в коварстве и предательстве. И вдруг из глубины долины проступают контуры величественной башни. Совершенно очевидно, что таинственный замок явлен только Персевалю. Позже кузина скажет Персевалю, что в окрестных землях нет никакого замка. Необычно уже то, что он расположен в долине, укрыт непроходимыми скалами. Обычно феодальные замки строились на возвышенных местах, превращаясь, таким образом, в неприступные крепости. Сама укромность замка

Грааля, прячущегося в потаенной долине, указывает, скорее, на топографию монастыря. В замке Персеваля явно ждут: подъемный мост опущен, наготове слуги (один из них уже держит алый плащ, чтобы накинуть его на рыцаря). Далее весь эпизод развернут в пространственном и психологическом восприятии героя – прием, к которому Кретьен прибегал охотно. Читателю известно не больше, чем Персевалю. Это сгущает атмосферу таинственности.

В огромном роскошном зале на одре возлежит величественный старец, после слов приветствия он вручает юноше в дар волшебный меч. А далее перед рыцарем в молчании проходит процессия.

Процессия Грааля – центральный эпизод романа, знаменующий перелом судьбы героя. Она чрезвычайно живописна. Первым выступает отрок, несущий в руке белое копье. С наконечника копья падают на его ладонь капли крови. Все время нарастает свет, и, наконец, зал наполняется сиянием грааля, который держит в руках прекрасная девица. За ней следует дева с серебряным подносом. Грааль переливается золотом и драгоценными камнями. Цветовые контрасты чрезвычайно эффектны: черное одеяние хозяина, алый плащ рыцаря, ослепительный свет, в лучах которого играют металл и камни. Воссоздан некий таинственный ритуал. Затем начинается ужин, и с каждой подачей нового блюда перед юношей вновь проносят Грааль: «А он все думал, почему/Такая честь дана ему».

Описанная в романе сцена глубоко символична, поэтому она подвергалась различным толкованиям.

Огромный зал, в котором лежит старец, имеет строгую форму квадрата, и это позволило некоторым исследователям

предположить, что в романе воссоздан образ храма Соломона. Соответственно дева, несущая Грааль, - христианская церковь, а дева, следующая за ней с серебряным блюдом - синагога. В такой интерпретации, весьма спорной, эпизод приобретает аллегорический характер, знаменуя победу Нового Завета над Ветхим (Holmes, Klenke 1959: 77). П. Галлэ связал тему Грааля с ориентальной традицией, обнаруживая – на типологическом уровне – сходные мифологемы и мотивы прежде всего в персидских и арабских источниках. В его интерпретации весь эпизод изначально приобретает мистический смысл (Gallais 1972). Христианизация сюжета, возобладавшая у последователей Кретьена, намечена и в «Персевале». Позже от отшельника герой узнает, что на граале (здесь он уже назван святыней) немощному сеньору ежедневно подносится гостия – единственное, что его питает. Очевидно, что речь может идти об обряде евхаристии. Важно, что отшельник противопоставляет гостию рыбе – пище, тоже имеющей новозаветные коннотации. Король, названный Рыболовом, по этой же причине тоже может быть вписан в христианский контекст.

Грааль в сцене процессии – это именно широкое, но неглубокое блюдо, которое использовалось при сервировке стола. На нем, кстати, легко было разложить приготовленную рыбу, о чем известно отшельнику. Ж. Фраппье сослался на убедительный пример. В одной из версий «Романа об Александре» (около 1170 г.) сенешаль принимает гостя, который, будучи приглашен на трапезу, ест вместе с хозяином с «грааля» (Frappier 1957:189). Кретьен придал этому слову совершенно точный, «технический» смысл, который оно и имело в аристократической среде в XII веке. Таинственность грааля в ро-

мане Кретьена связана с его необычными функциями: на нем подается гостия, по существу крошечный кусочек теста. Поднесение гостии хозяину замка есть торжественный ритуал, который осуществляется ежедневно в течение пятнадцати лет. Но почему в присутствии Персеваля Грааль вносят в зал каждый раз, когда подаются новые угощения гостям? Может быть, его назначение – благословлять вкушаемую пищу? Но золотое блюдо, инкрустированное драгоценными камнями, явно не соответствует евангельской простоте обряда евхаристии. Только свет, источаемый граалем, – это явное проявление сакральности. При таких противоречивых смыслах образ Грааля не может трактоваться только как аллегория. Позднее Вольфрам Эшенбах полностью отказался от трактовки Грааля как христианской реликвии: блюдо превратилось в магический камень.

Однако Персеваля влечет тайна таинственного копья, которое источает капли крови. Но о копье отшельник ему ничего не сообщает. В XIII веке уже не вызывало сомнений, что речь идет о копье Лонгина, но в романе Кретьена тайна так до конца и не разъяснена. Почему копье постоянно источает кровь? Неясно и главное: почему это копье должно выступить орудием наказания и возмездия? Почему, согласно пророчеству, от него должно погибнуть королевство Логр – владение Артура, та земля, которую он некогда освободил от язычества? Во второй части романа уже Гавэйну поручают разыскать и доставить это копье (чисто фольклорный мотив добычи магического предмета), но при этом Грааль не упоминается. Копье, источающее кровь, встречается в кельтской мифологии и литературе (Loomis 1963:379-382). Это талисман Иного мира, божественное и королевское орудие ужасной мести и разрушения.

В «Персевале» мотивы Грааля и кровоточащего копья неотделимы от образа Короля-Рыболова, в отношении которого христианские интерпретации ничего не проясняют. Возможно, этот персонаж восходит к кельтскому Брану Благословенному, который в валлийской мифологии считался властителем Британии и богом потустороннего мира. Бран был сыном морского божества Лира, мог вброд переходить моря и на спине переносить собственное войско.

Ж. Фраппье справедливо заметил, что легенда о Граале в интерпретации Кретьена есть сложная амальгама кельтских (языческих) и христианских мотивов. Отсюда альтернатива для исследовательских толкований: «Повесть о Граале» или «кельтизирует» христианские мотивы или христианизирует языческие (кельтские) легенды (Frappier 1957:203). Д. Пуарьон верно заметил, что христианизация сюжета определяется в романе только с появлением отшельника. Но картина процессии в замке Грааля не поддается аллегорическому толкованию и воплощает, скорее, полисемантическую структуру мифа (Poirion 1994:1312–1314).

Наутро замок оказывается пустым, и Персеваль вынужден уйти, не получив ответа на мучившие его вопросы. Невидимая рука резко опускает за ним подъемный мост, так что рыцарю с трудом удается удержаться в седле. Он изгнан. И с этого момента Персеваль оказывается в особом пространстве: все его почему-то узнают, то предупреждают, то угрожают, а он уже не может управлять событиями. Он включен в мистический поиск, исхода которого не знает, а волшебства множатся. Выйдя из замка, он тут же встречает на лугу девицу (она оказывается его кузиной), которая знает все о замке Короля-Рыболова и сообщает юноше, что, не задав вопросов,

он совершил непростительную ошибку, грозящую бедствиями. Когда она спрашивает его имя, юноша вдруг его произносит: «Валлиец Персеваль».

Эта неожиданная самоидентификация может быть истолкована как мистическое прозрение. Ошибка Персеваля впервые представлена в речах девицы как результат совершенного греха, который ему предстоит искупить: ведь он оказался виновником смерти своей матери.

Следующие подвиги Персеваля уже станут искуплением: он спас от унижений девицу, победив ее обидчика. И это была та самая девица, причиной бед которой в свое время невольно оказался сам Персеваль.

Происходит поединок Персеваля с Кеем, которому герой, в соответствии с пророчеством шута, ломает руку и ключицу. Так отомщена девица, получившая от Кея пощечину. И в этот момент впервые пересекаются пути Персеваля и признанного идеального рыцаря Гавэйна, которые клянутся друг другу в дружбе, чтобы больше не встретиться. После этого автор начинает рассказ о приключениях Гавэйна.

К Персевалю он возвращается нескоро, когда с героем происходит неожиданная метаморфоза: «Сиречь пять лет минуло целых,/А он забыл о чистых целях…». В духовном развитии Персеваля эта странная пауза почти необъяснима. Герой превращается в странствующего рыцаря, увлеченного лишь поиском новых авантюр. Он все время в пути, но ни разу не приблизился ни к церкви, ни к монастырю, предав тем самым заветы матери. Он не появляется при дворе Артура, не вспоминает о Бланшефлер – словом, пребывает в забытьи.

Если первые приключения и бои Персеваля укладываются в пятнадцать дней и 4740 стихов, то эти пять лет для

автора заслуживают лишь нескольких строк. Очевидны однообразие и бесцельность повторяющихся подвигов, которые автору описывать едва ли не скучно: «Я и не знаю, как измыслить/Бой описать, как перечислить/Все нападенья, все удары». Подобная психологическая «пауза» в развитии героя встречается и в других романах Кретьена. Эрек, увлекая за собой безответную Эниду, отправляется на рыцарские подвиги, охваченный обидой и яростью. Ему предстоит пройти испытания, чтобы обрести нравственную гармонию. Ивэйн впадает в безумие и скитается по лесам в ожидании прощения и духовного просветления. В любом случае героям предстоит вернуться к тому, что они едва не потеряли.

Но завершающий эпизод странствий Персеваля имеет совершенно иной смысл. Герой прощается с прошлым, чтобы к нему уже не вернуться. Как-то в Страстную пятницу дорога приводит героя к отшельнику, живущему в лесу, где он исповедуется, приносит покаяние и получает прощение за свои грехи. Встреча эта, естественно, не случайна: тайна Грааля раскрыта, отшельник оказывается его дядей, как и Король-Рыболов, а герой, совершая все необходимые христианские обряды, должен обрести новую духовную перспективу. И в этот поворотный для Персеваля момент автор с ним расстается: «О Персевале прерван сказ,/А о Гавэйне я сейчас / Повествованье начинаю./ Не скоро буду, уверяю,/О Персевале продолжать». Никакой возможности узнать, чем должны были завершиться поиски Грааля, нет. Мистические поиски Персеваля идут заведомо не по «правилам».

Его избранничество впервые для Кретьена де Труа обозначило еще одну важную сторону куртуазного служения – Богу

и добродетели. Эта идея, обозначенная в романе Кретьена в самом общем виде, скорее, как антитеза шаблонам рыцарской доблести, оказалась особенно востребованной в эпоху крестовых походов. И у продолжателей, и у подражателей Кретьена в поиски Грааля и загадочного копья будут вовлечены и другие рыцари Круглого Стола: Гавэйн, Ланселот и его сын Галахад, воплощающий идеал рыцарства. Не завершив историю героя, Кретьен де Труа оставил открытый сюжет, сгустив тем самым атмосферу тайны и очертив поле дальнейших интерпретаций.

Две истории – Персеваля и Гавэйна – сюжетно никак не связаны. Лишь однажды Гавэйну, во имя его спасения, дается приказ в течение года добыть и привезти копье, которое источает кровь. (Но о таинственном копье многие персонажи романа уже наслышаны: о нем сообщает в присутствии всех баронов уродливая девица, явившаяся ко двору Артура). Зачем автору «Персеваля» понадобилось подобное параллельное повествование? Думается, что это результат обдуманного художественного замысла. Скорее всего, Кретьен стремился обозначить контраст между двумя героями и их приключениями. В чем смысл такого контраста?

Суть Гавэйна состоит в безупречности. Он полностью соответствует куртуазному идеалу, обладает всеми рыцарскими добродетелями и недаром является любимцем короля Артура: прекрасен собою, отважен, благороден, разумен. В этом смысле он антипод Персеваля, наивного, пылкого и безрассудного. Когда нужно, Гавэйн умеет быть дипломатом, выждать, чтобы вовремя нанести удар. Он превыше всего дорожит личной честью. Легко покоряя женские сердца, он неизменно отзывчив на зов любви. Ж. Фраппье определил его

поведение как «куртуазное донжуанство» (Frappier 1972:216). Гавэйн, как и остальные персонажи романа, кроме Персеваля, статичен. Он словно движется по кругу среди событий, смысл которых не меняется.

Но в финале романа у Гавэйна, по закону контрапункта, появляется свой замок «чудес», и здесь очевидно смысловое пересечение двух параллельных сюжетов. Покидая замок короля Эскавалона, Гавэйн вынужден дать клятву, что доставит через год копье, источающее кровь. На этих условиях отложен на год необходимый для защиты его чести поединок с Геганбрезилем. Получается, что Гавэйн отправляется путем Персеваля. Но вместо замка Грааля он попадает в столь же таинственный замок, где его ждут неожиданные приключения. У этого замка нет названия, никому неведомо имя его хозяев. Гавэйну, похоже, предстоит переход в Иной мир, и в описании этого путешествия угадывается читатель «Энеиды»[7]. Появляется лодочник (Харон), который переправляет Гавэйна через реку и сообщает, что замок заколдован и что рыцарю ни в коем случае не стоит к нему приближаться. У ворот замка рыцаря встречает мрачный молчаливый страж (Цербер) странного облика: у одноногого старика протез из серебра, отделанный драгоценными камнями. Он принимает плату, словно за вход в потусторонний мир. Гавэйну заранее известно, что все, кто вступал в заколдованное место, при-

[7] Об «Энеиде» напоминает и эпизод с безымянной уродливой девицей, грозящей бедствиями Персевалю, которая появляется при дворе Артура, как гарпия Келено, пророчащая смерть Энею (книга третья). Гарпии, как известно, изображались с девичьими лицами на уродливом птичьем теле с когтистыми скрюченными лапами. Не отсюда ли: «и ноги скрюченные дивы, как прутья скрученные ивы»? Вергилий был классическим авторитетом для средневековых авторов.

няли смерть. Зловредная девица, встреченная им на пути, тоже оглашает мрачные пророчества его дальнейшей судьбы. В то же время известно, что все обитатели замка ждут рыцаря, который избавит их от чар, т. е. и у Гавэйна появляется особая миссия, соотносимая с сюжетами кельтских сказаний. Если Персеваль находит в замке Грааля любезный прием, то Гавэйну открываются лишь пустые залы, поражающие роскошью, но безлюдные. Ему предстоит пройти испытание (эпизод с Волшебной кроватью) и снять чары с околдованного замка. После этого его радостно приветствуют и чествуют странные персонажи. Королева с седыми косами Иджерна, мать короля Артура, вежливо расспрашивает его о здоровье своего столетнего сына. Гавэйн встречает и собственную мать, которую давно считал умершей, и неведомую доселе сестру Кларисcан. Очевидно, что все они не принадлежат реальному миру, из которого явился рыцарь. Может быть, и Гавэйну навсегда предстоит остаться узником этого зачарованного пространства? (Frappier 1957:208). Ведь ему, по предсказанию, предстоит управлять этим замком, найти мужей прекрасным девицам, посвятить в рыцари достойных юношей и т. д. Интригует финал неоконченного романа. Гавэйн посылает гонца к королю Артуру, чтобы объявить о предстоящем поединке с Гриномаланом. Но уже разнеслась весть о гибели Гавэйна, и его оплакивает каждый бедняк, потому всем кажется, что гонец несет дурную весть. Король Артур тем временем погружен в глубокую скорбь: «Не видя друга дорогого,/От горя чувств лишился вдруг». Все присутствующие бросаются ему на помощь. Дама Лор в тревоге бежит к королеве, и на этом роман Кретьена обрывается. Удастся ли Гавэйну вырваться из заколдованного мира – неизвестно. В этом последнем при-

ключении Гавэйна очевидно влияние кельтской традиции с ее развернутыми образами Иного мира/Авалона, блаженной страны вечного счастья, где время идет по своим законам. На пути к заколдованному замку Гавэйн встречает белую лань – символ перехода в другой мир (Carasso-Bulow 1976:39). Этот переход обычно сопряжен с переправой через водное пространство. Герою приходится иметь дело с магическими предметами и явлениями (Волшебная кровать, загадочный стеклянный купол, через который за Гавэйном могут следить, сами оставаясь невидимыми, все обитатели замка, дождь неизвестно откуда посланных стрел). И этим миром управляют существа бессмертные. Как верно заметил один из исследователей, «любой эпизод приобретает фантастический характер, если его причина или цель рационально необъяснимы» (Carasso-Bulow 1976:16).

«Персеваль» разительно отличается от других романов Кретьена тем, что любовный сюжет играет в нем явно второстепенную роль. Гавэйн в каждом замке находит даму по сердцу, но, собственно, дамы в куртуазном смысле у него вообще нет. Милая девочка, по прозвищу «Узенький рукавчик», – вариант куртуазной «нимфетки» – настолько очарована рыцарем, что при расставании приникает устами к его ноге. Искренний порыв, неожиданный и странный, – но ее возраст исключает развитие любовного сюжета. Гавэйн очарован прелестной Клариссан, но она оказывается его сестрой, и вспыхнувшая взаимная симпатия героев получает иную мотивировку. Если же препятствия отсутствуют, то Гавэйн охотно поддается соблазну и не встречает отказа. Впрочем, и в других романах Кретьена, как уже отмечалось, Гавэйн, выступает в сходной роли.

Персеваль о любви не знает ничего: его ведет природа. Встретив одинокую девушку в роскошном шатре, он не находит ничего лучшего, как немедленно исполнить буквально истолкованные советы матери: отнимает у нее и поцелуй, и кольцо. При этом он замечает, что уста ее слаще, чем горькие уста служанок в доме его матери. Последняя деталь весьма красноречива: Персеваль, взрослеющий отрок, уже дома привык вести себя с крестьянской простотой. В замке Бланшефлер усталый Персеваль засыпает сном младенца. Ночное явление полуодетой девы для него есть полная неожиданность, и Бланшефлер приходится пойти на хитрость, чтобы добиться цели. Абсолютная наивность Персеваля добавляет этой поэтической сцене оттенок комизма. Но нагрянувшая любовь ничего не меняет в его целях. Встреча с Бланшефлер – лишь эпизод его рыцарских странствий. Более того, он нарушает обещание, данное возлюбленной, и, быть может, уезжает, чтобы никогда не вернуться. Исследователи задавались вопросом: женился бы Персеваль на Бланшефлер, если бы роман был закончен? (Михайлов 1976:138). Стоит ли гадать?

Но в романе есть один любопытный эпизод, на который обратил особое внимание Р. Беццола (Bezzola 1972), – созерцание трех капель на снегу. Исследователь справедливо отметил, что этой сцене посвящены, возможно, самые поэтические строки романа. Пути Персеваля и Артура, отправившегося со всем двором на поиски неизвестного рыцаря, неожиданно пересекаются на лугу. Совершенно необычен пейзаж: бушует пурга, луг засыпан снегом. Это тем более странно, что совсем недавно (пятнадцать дней назад) Персеваль покинул дом весенней порой, когда вся природа в цвету и скоро наступит Троица. Белый снег, белые гуси, столкнувшиеся с ястребом,

птица, пролившая три капли крови на снег, – это пейзаж, явно имеющий символический смысл. В кельтском фольклоре птицы всегда выступают вестниками фантастических миров или знамениями прозрения. Для рыцарского романа пурга и снег, открытая равнина – декорации необычные. Раненая ястребом птица улетает, успев уронить на снег три капли крови. И в этот момент в воображении Персеваля яркий зрительный образ – капли крови на снегу – трансформируется в чувственное воспоминание о красоте возлюбленной (белизна кожи, окрашенная нежным румянцем). Это воспоминание интуитивно, и Персеваль погружается в созерцание, впадая в забытье, так что его принимают за спящего (аналогичные сцены есть и в романе Кретьена «Ланселот, или Рыцарь Телеги»). Лишь когда солнце высушило эти капли, юноша постепенно приходит в себя. Его состояние непонятно грубым воинственным рыцарям, вроде Сагремора и Кея. Только Гавэйн угадывает за странным поведением рыцаря «куртуазные и чистые мысли» и обращает к нему не меч, а слова сочувствия и дружбы. Важно, как подчеркивал Р. Беццола, что эта сцена имеет не аллегорический, а символический характер, переводя образный план в сферу чистой художественности. Такой эффект был редко доступен средневековым авторам. К примеру, «Роман о Розе» поражает именно филигранным искусством аллегории. В контексте кретьеновского текста романа это воспоминание о Бланшефлер кажется прощальным.

Редукция сюжета куртуазной любви в «Персевале» определила, вероятно, и своеобразную трактовку женских образов. Во-первых, отсутствует главная героиня, с которой было бы связано развитие сюжета. Женские персонажи, большей частью безымянные, встречаются лишь в эпизодах, и они мо-

гут быть разделены на группы, в зависимости от их функций. Самым необычным для романов Кретьена является образ матери-вдовы начиная с матери Персеваля. В заколдованном замке королевы Иджерны таких немало, и их общая участь – печаль и забвение. Вполне традиционны для рыцарского романа девицы-безвинные жертвы, терпящие поношения и бедствия. В «Персевале» немало рыцарей, которые, добиваясь любви дамы, оказываются агрессивными, ревнивыми и мстительными (де ла Ланд, Кламаде, Геганбрезиль). От таких некуртуазных поклонников несчастных девиц приходится защищать, чем занимаются и Персеваль, и Гавэйн. Но есть среди дам «Персеваля» обольстительницы, каковой в сущности является и Бланшефлер. Они сами предлагают рыцарю свою любовь, их не приходится завоевывать. В ранних романах Кретьена де Труа («Эрек и Энида», «Клижес») воспевалась супружеская любовь (Noble 1982). Но в «Персевале» такого сюжета, составлявшего их очарование, нет. Прекрасная Бланшефлер ведет себя не вполне куртуазно: сама приходит в покои спящего и ни о чем не подозревающего Персеваля, проводит с ним ночь. Действует она не вполне бескорыстно, и автор уличает ее в лукавстве: ей непременно нужен доблестный рыцарь, который освободил бы ее от домогательств Кламаде и защитил ее владения. Неопытный Персеваль действует по ее сценарию. Велика роль особ демонических, преследующих рыцарей своей ненавистью (уродливая девица, Гордячка из Логра). Они, этакие злые феи, одновременно выступают и в роли прорицательниц, обладая полным знанием о грядущих опасностях. Как справедливо заметил один из исследователей, женщины в «Персевале» играют определенную роль – «испытывают, удерживают или направляют рыцарей»

(Marcale 1999:27). В любом случае отношения героя и дамы не составляют привычного для романов Кретьена куртуазного сюжета, что еще раз подчеркивает особую роль «Персеваля» в творчестве писателя.

В предшествующих романах Кретьен де Труа не то чтобы забывал о Боге (упоминания о религиозных праздниках, определенные речевые формулы в них неизменны и обязательны), но Бог оставался в них подразумеваемой абстракцией, выступал как синоним права и справедливости. Артуровское рыцарство представляло в этих романах, от «Эрека» до «Ивейна», сугубо светскую цивилизацию. Религиозные церемонии изображались как необходимая формальность, украшение социальной жизни, вроде обязательного явления артуровского двора в одном из замков на праздник Троицы. Ни одна религиозная идея не одушевляла рыцарские подвиги. «Персеваль» открыл совершенно новую перспективу куртуазного романа и самой рыцарской культуры. Возросло бы значение «Персеваля», если бы Кретьен успел его дописать? Стоит в этом усомниться. Если бы в романе до конца открылась тайна Грааля, то не пришлось бы эту тайну разгадывать усилиями всей мировой культуры.

Литература

Барбер 2006 – *Барбер Р.* Святой Грааль. Во власти священной тайны. – М.: Эксмо, 2006.

Бахтин 2000 – *Бахтин М.М.* Эпос и роман. – С.-П.: Азбука, 2000.

Бахтин 1979 – *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство. 1979.

Ле Гофф 2000 – *Ле Гофф Ж.* Другое средневековье. – Екатеринбург: Изд. Уральского университета, 2000.

Ле Гофф 2001 – *Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого. – М.: Прогресс, 2001.

Ле Гофф 1992 – *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. – М.: Прогресс-Академия, 1992.

Мелетинский 1983 – *Мелетинский Е.М.* Средневековый роман. Происхождение и классические формы. – М.: Наука, 1983.

Михайлов 1976 – *Михайлов А.Д.* Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. – М.: Наука, 1976.

Михайлов 2006 – *Михайлов А.Д.* Средневековые легенды и западноевропейские литературы. – М.: Языки славянской культуры, 2006.

Перну 2001 – *Перну Р.* Алиенора Аквитанская. – СПб.: Евразия, 2001.

Bezzola 1944–1963 – *Bezzola R.* Les origins et la formation de la littérature courtoise en Occident, V.1-5. P. 1944-1963.

Bezzola 1972 – *Bezzola R.* Le Sens de l’aventure et de l’amour (Chrétien de Troyes). – P.: La Jeune Parque, 1972.

Bruce 1923 – *Bruce J.D.* The Evolution of Arthurian romance from the beginings down to the year 1300/ Göttingen, 1923.

Carasso-Bulow 1976 – *Carasso-Bulow L.* The Merveilleux in Chrétien de Troyes' Romances. – Genève: Librarie Droz, 1976.

Fourquet 1995 – *Fourquet J.* Chrétien entre Philippe d'Alsace et Marie de Champagne. Deux oeuvres sur commande: Lancelot et Perceval// Amour et chevalerie dans les romans de Chrétien de Troye. Actes du Colloque de Troyes (27–29 mars 1992). – P., 1995.

Frappier 1973 – *Frappier J.* Amour courtois et Table Ronde. – Genève, 1973.

Frappier 1957 – *Frappier J.* Chrétien de Troyes. – P., 1957.

Frappier 1972 – *Frappier J.* Chrétien de Troyes et le myth du Graal. Ėtude sur Perceval ou le Conte du Graal. – P., 1972.

Gallais 1972 – *Gallais P.* Perceval et l'initiation, essais sur le dernier roman de Chrétien de Troyes, ses correspondences "orientales" et sa signification anthropologique. – P.: Les Editions du Sirac, 1972.

Holmes, Klenke 1959 – *Holmes U.T., Klenke M.A.* Chrétien de Troyes & the Grail. – The University of North Carolina Press, 1959.

Karczewska 1998 – *Karczewska K.* Prophecy and the Quest for the Holy Grail. – N. Y. : Peter Lang, 1998.

Kelly 1966 – *Kelly D.F.* Sense and Conjointure in the Chevalier de la Charette. – The Hague; P.: Mouton & CO., 1966.

Kelly 1992 – *Kelly D.* The Art of Medieval French Romance. – The University of Wisconsin Press, 1992.

Kelly 1985 – *Kelly D.* The Romances of Chrétien de Troyes: Symposium. – Lexington, 1985.

Lazar 1964 – *Lazar M.* Amour courtois et fin'amor dans la littérature du XII siècle. – P., 1964.

Le Rider 1978 – *Le Rider P.* Le Chevalier dans le Conte du Graal. – P.: SEDES, 1978.

Loomis 1963 – *Loomis R.S.* The Grail, from Celtic Myth to Christian Symbol. – Cardiff; N. Y., 1963.

Marcale 1999 – *Marcale J.* Les Dames du Graal. – P.: Pygmalion/ Gérard Watelet, 1999.

Marx 1952 – *Marx J.* La légende arthurienne et le Graal. – P.: PUF, 1952.

Michat 1987 – *Michat A.* Essai sur le cycle du Lancelot-Graal. – Genève: Droz, 1987.

Noble 1982 – *Noble P.S.* Love and Marriage in Chrétien de Troyes. – Cardiff: University of Wales Press, 1982.

Poirion 1994 – *Poirion D.* Perceval ou le Conte du Graal. Notice // Chrétien de Troyes. Oeuvres complètes. – P.: Gallimard, 1994. – P. 1299–1318.

Ramm 2007 – *Ramm B.* A Discourse for the Holy Grail in old French Romance. – Cambridge: D. S. Brewer, 2007.

Stendhal 1855 – *Stendhal.* De l’Amour. P., 1855.

Vial 1987 – *Vial G.* Le Conte du Graal. Sens et unité. La première continuation. – Genève: Droz, 1987.

Примечания к «Персевалю»

[1] *Чтоб те взошли в ней благотворно.* – Вольно переданная цитата из Второго Послания к Коринфянам апостола Павла: «…кто сеет скупо, тот скупо и пожнет; а кто сеет щедро, тот щедро и пожнет» (2 Кор. 9: 6).

[2] *Филиппа Фландрского, того…* – Филипп Эльзасский, граф Фландрский (1142–1191), имел близкие связи с двором Шампани, в 1182 году приезжал в Труа, чтобы просить руки графини Марии Шампанской. Посвящение графу Фландрскому сделано Кретьеном де Труа в соответствии со средневековым этикетом и, скорее всего, не без расчета на вознаграждение.

[3] *Кто Александра самого…* – Имеется в виду Александр Македонский, имя которого в эпоху Кретьена ассоциировалось с абсолютной воинской доблестью и героизмом. Уничижение признанного героя должно подчеркнуть достоинства покровителя.

[4] Гласит оно: *добро дая…* – Далее следует в поэтическом переложении цитата из Евангелия от Матфея: «У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая. Чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Матф. 6: 3–4).

[5] *Но что же подразумевает:/Пусть левая рука не знает?..* – Левый и правый – одна из главных мифологических антитез, имеющих очень древнее происхождение. «Левое»

имело отрицательный смысл, «правое» – положительный. В таком значении это противопоставление часто встречается в Библии. В Средние века существовало устойчивое представление о связи «левого», в том числе и леворуких людей, с нечистой силой и всяческими пороками, особенно с лицемерием и ложью.

[6] *Тот в Боге и Всевышний в нём.* – Хотя в данном случае Кретьен вновь ссылается на апостола Павла, здесь налицо скрытая цитата из другого новозаветного текста – Первого Послания апостола Иоанна: «И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в нее. Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Иоан. 4:16).

[7] *По воле графа претворя /В стихи сказанье о Граале.* – Кретьен дает понять, что мог располагать каким-то письменным источником, который передал ему граф Фландрский, т. е. «книгой»: Ce est li contes del graal,/Don li cuens li bailla le livre (v.v. 66–67). Но пока неизвестно, существовал ли более ранний французский или латинский текст, содержащий историю Грааля.

[8] *Случилось то порой цветущей…* – Такой лирический зачин является традиционным для лирической поэзии XII века.

[9] *…сын Вдовы…* – Имя матери Персеваля в романе Кретьена де Труа так и не названо: она словно отождествляется со своей несчастной судьбой. И герой романа до определенного момента именует себя только так, как привыкла называть его мать – «сынок» (mon fils). Это сгущает атмосферу тайны и в то же время призвано подчеркнуть неразрывную связь матери и сына.

[10] *Пустынным Лесом…* – Топоним Пустынный Лес (Gaste Forẽt), обозначающий владения матери Персеваля, имеет широкий эпический смысл, обозначая безлюдные, заброшенные (или невозделанные) пространства. Замок Бланшефлер также расположен в опустевших землях – “terre gaste” (v. 1709). Ж. Ле Гофф отмечал: «Словарный запас новых, находившихся в процессе становления местных языков подтверждает устойчивость ассоциации лес-пустыня. Практически постоянным эпитетом к существительному forest (ст.-фр. лес) является прилагательное gaste (опустошенный, пустой, засушливый)…» (Ле Гофф. Ж. Средневековый мир воображаемого. – М.: Прогресс, 2001. – С. 94)

[11] *…дьяволы вот эти…* – Эта первая ассоциация Персеваля отражает особенности средневековой ментальности. Явление дьявола, согласно средневековым суевериям, должно было сопровождаться сильным шумом, а рыцари, еще непонятные герою существа, продвигались по лесу с грохотом и лязгом мечей. Слуховое восприятие здесь опережает зрительное.

[12] *Как ангелов за бесов мог …* – Красота в средневековых представлениях ассоциировалась с Богом и ангелами и обрамлялась подчеркнуто яркими красками, сиянием золота и серебра, небесной лазури и проч. Смена слуховых восприятий зрительными для Персеваля оказывается решающей для переоценки происходящего. Эта деталь подчеркивает наивность и непосредственность героя.

[13] *Как я с тремя могу справляться?* – Персеваль вооружен тремя дротиками, самым простонародным для рыцарской эпохи оружием. Дротики следовало метать во врага или в добычу на охоте. Поэтому рыцарь дальше делает важное уточ-

нение, что мечом, в отличие от дротика, «бьют, не выпуская из рук».

[14] *«Сеньор, валлиец что ответил?* – Валлиец для спесивых рыцарей – это почти синоним дикаря и невежи.

[15] *И есть ущелья там Вальдонны.* – Речь идет о воображаемой гористой местности вблизи владений матери Персеваля.

[16] *Что государь наш в Кардуэле.* – Кардуэл (чаще Карлиль) – замок, в котором король Артур собирал свой двор во французских рыцарских романах. Именно здесь Мерлин установил знаменитый Круглый Стол. Считалось, что Кардуэл расположен в Уэльсе.

[17] *Как называть тебя пристало?* – Этот вопрос и последующий диалог могут быть связаны со знаменитым спором реалистов и номиналистов в XII веке.

[18] *Ты зрел тех ангелов, возможно,/ Которые людей страшат, /Зане что видят, то крушат.* – Здесь имеются в виду Ангелы Апокалипсиса (Откровение Иоанна Богослова), возвещающие Страшный Суд.

[19] *На Островах морских пучин …* – Вдоль скалистого побережья Уэльса находятся десятки островов, и они не слишком удалены от того места, где происходит действие, т. е. от владений отца Персеваля. Следовательно, упомянутые острова (Iles de la mer) – это не топоним, а обозначение обширной островной территории, где гремела слава доблестного рыцаря.

[20] *Был ранен в пах…* – Это ранение обычно ассоциируется и с болезнью Короля-Рыболова, хранителя Грааля. В любом случае речь идет не только о мужском бессилии, но в более широком смысле – о слабости, беспомощности, опустошенности (см. сноску 9).

[21] *К Эскавалону…* – Возможно, что имя короля и название его королевства восходят к Авалону, иному миру, над которым властвует фея Моргана.

[22] *…к Бан де Гоморету…* – Бан – имя короля, отца Ланселота Озерного и мужа Элайны. Впервые он упомянут в романе Кретьена де Труа «Ланселот, или Рыцарь Телеги». Имя Гоморет, возможно, имеет связь с библейской Гоморрой, тем самым обозначая мотив смерти. В таком варианте встречается только в «Персевале».

[23] *И брака, и чулки кроя…* – Брака (braies) – средневековая мужская одежда, в которой совмещались в едином крое и чулки, и штаны.

[24] *На прочее даю запрет…* – Слово «soreplus» означает «остальное, прочее». Это своего рода куртуазный эвфемизм, который часто употреблялся для обозначения сексуальных отношений в любовных сюжетах.

[25] *Монастыри, и правда, эти / Прекраснее всех мест на свете…* – Персеваль принимает шатер за монастырь по той же причине, по какой он принял рыцарей за ангелов: он очарован красотой и блеском невиданного сооружения.

[26] *Войной на короля Риона.* – Рион (Ритон) в «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского – великан с огромной бородой, который стремится лишить бороды всех прочих, даже короля Артура. Но Артуру удается победить великана. «Тот из бород убитых им королей сделал себе меховой плащ и повелел Артуру, чтобы он тщательно выщипал свою бороду и выщипанные из нее волосы доставил ему, и, так как Артур одолел других государей, то, воздавая ему почет, он уложит волосы с его бороды поверх всех остальных. В про-

тивном случае он, Ритон, вызывает его на бой, и кто из них возьмет верх, тому достанутся плащ и борода побежденного. Они начали схватку, и в ней возобладал Артур…» (Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. – М.: Наука, 1984. – С. 112).

[27] *Доспехи и оружье алы.* – Алый цвет в Средние века символизировал солнечный свет, власть, желание славы и любовную страсть. Клижес в одноименном романе Кретьена де Труа тоже появляется в ярко-красных доспехах. Алым был бутон розы, воспетой в «Романе о Розе» Гильома де Лорриса и Жана де Мена. Венчальное платье в европейском средневековье тоже было алого цвета.

[28] *Он въехал на коне в чертог…* – Такое поведение героя в высшей степени некуртуазно. Рыцарь не имел права въезжать на коне в пиршественный зал короля Артура. Поэтому вполне естественно возмущение сенешаля Кея, который, в силу своей должности, должен был отвечать за порядок и правила придворного этикета. Сенешаль обладал значительной властью, он осуществлял административное управление королевским доменом и мог даже командовать армией в отсутствие короля. Его должность приобрела такое значение, что король Филипп-Август упразднил ее после смерти своего сенешаля Тибо Шампанского в 1191 году.

[29] *Но вот Йонет с ножом поднялся.* – Йонет – стольник Артура, обычно именуемый пажом, вероятно, в силу его возраста. В его обязанности входило прислуживать королю за столом, поэтому он и держит в руках нож. Эта деталь усиливает динамизм сцены и подчеркивает всеобщую растерянность при появлении Персеваля.

[30] *Был сенешаль задет всерьёз…* – Сенешаль Кей, персонаж многих рыцарских романов, предстает как человек злоречивый, мстительный, завистливый и обычно получает наказание за свою грубость. Как правило, он становится врагом положительных персонажей. Именно в такой функции он выступает и в «Персевале».

[31] *Со смехом молвила в ответ…* – Этот смех имеет, скорее всего, магический смысл. Персеваль находится в особом контакте с этой странной девицей и королевским шутом. Оба они изрекают пророчества, которым суждено исполниться.

[32] *Через неделю недалече* … – Это пророчество шута важно для понимания внутренней хронологии романа. В первой половине романа приключения Персеваля длятся всего несколько дней.

[33] *В них бурно бил морской прибой.* – В описании замка и его расположения (река, впадающая в море) угадываются типичные детали бретонского пейзажа.

[34] *Сеньор, забрав без промедленья / Стальные шпоры у него...* – Сеньор при встрече с Персевалем прогуливался без оружия, поэтому он вынужден был воспользоваться доспехами юного рыцаря, чтобы без промедления начать урок.

[35] *Усилья, воля, зоркий взгляд / Приблизят достиженье цели.* – Текст объясняет важность зрительного восприятия, что позволяет лучше понять систему воспитания, представленную в романе Кретьена.

[36] *Природа с Сердцем помогают.* – Понятие природы (натуры) здесь дополняется новым и важным компонентом. «Сердце» обозначает важнейший принцип нравственной жизни, существенный и в философском, и в теологическом аспекте.

[37] *Зовусь я Горнеман де Гор.* – Имя Гор (Goort), возможно, связано со словом «gort» (залив, бухта) и является топонимом, соответствующим пейзажу, представленному в романе. Этот персонаж появляется и в романе Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль» (Гурнеманц). Он тоже дает наставления юноше и даже намерен выдать за него свою дочь, но Парцифаля влечет мечта о подвигах.

[38] *С ним вместе из одной есть миски.* – Этот обычай связан с первоначальным значением слова «compagnon», т. е. тот, с кем разделяют хлеб. Совместное принятие пищи из одной посуды – это, несомненно, знак доверия и симпатии. На одной из средневековых миниатюр, представляющих Круглый Стол, видно, что одна тарелка подана для двоих (BNfr. 116, f °.610v °).

[39] *Наденет шпору на него.* – Кретьен любит ссылаться на древние обычаи, воображаемые или реальные, что создает своеобразную ностальгическую интонацию по отношению к героическому прошлому. Обычай надевать шпору на посвященного рыцаря упоминается во многих средневековых текстах.

[40] *…дол безлюдный…* – Здесь прилагательное «gaste» употреблено не в общем эпическом значении (см. сноску 10), а в буквальном смысле (опустошенный, безлюдный). Но идея одна и та же: пейзаж представляет собой территорию, опустошенную войной.

[41] *С накидкой серой…* – Серый цвет в Средние века ассоциировался с бедностью и печалью.

[42] *…святым Рикье клянусь…* – День памяти святого Рикье, епископа из Сантула (VII в.), отмечался 22 апреля. Этот святой прославился тем, что разрешал сложные дела и стал покровителем судейского сословия. В Средние века к его имени

взывали ради свершения справедливого суда. Он упоминается и в «Клижесе».

[43] *Вина варёного кувшин …* – Древняя (античная) технология приготовления вина обычно подразумевала его выпаривание, иногда до густоты сиропа, после чего оно могло разводиться водой. Известно, что в Риме вино в амфорах иногда подвешивали на угол печи или камина, чтобы постепенно оно превратилось в сухую массу. В данном контексте речь, вероятно, идет о вине второсортном, которое, во избежание естественного закисания, кипятилось для сохранности. Эта деталь должна указать на бедность поданного угощения.

[44] *Она взрыдала, оросив …* – Эта ночная сцена заставляет вспомнить о Психее, склонившейся над Купидоном, и об Эниде, плачущей над спящим Эреком.

[45] *Ангигеррона, сенешаля…* – Имя Ангигеррона явно созвучно слову «guerre» (война). Этот персонаж выполняет функции сенешаля знатного феодала Кламаде де Иль.

[46] *Сеньора Кламаде де Иль…* – Имя Кламаде воплощает неумеренную гордыню и неоправданные претензии: Clamadeu от «clame a Dieu»(в данном контексте: кричу, вопию Богу). Как следует из полного титула, он является властителем островов, где был прославлен отец Персеваля, что делает грядущую схватку особенно значимой.

[47] *Убить себя, а там пускай…* – Самоубийство с целью избегнуть любовного домогательства было, скорее, характерным для античности (Лукреция). В Средние века самоубийство осуждалось церковью. В данном контексте упоминание о самоубийстве явно связано с шантажом, которому подвер-

гается герой со стороны весьма предприимчивой и не лишенной хитрости Бланшефлер.

[48] *Однажды брат его один…* – Убийство брата – в феодальном обществе достаточный мотив для кровной мести.

[49] *Пока отмщеньем не упьюсь.* – Здесь речь идет о другой форме мести, собственно рыцарской и связанной с защитой слабых.

[50] *Как Борепер он покидал…* – Борепер (Beaurepaire, т. е. прекрасный приют) – это замок, принадлежащий возлюбленной Персеваля Бланшефлер.

[51] *И к морякам гонцов послали…* – Замок Борепер, как и замок Горнемана де Гора, расположен на берегу моря.

[52] *…слитков полную телегу.* – Это не очень практично с точки зрения коммерческой, но щедрость считалась одним из главных достоинств рыцарского сословия. Налицо здесь и средневековая страсть к гиперболизации.

[53] *На скандинавского вскочив / Коня…* – Порода норвежских (скандинавских) лошадей – фьордская – отличается особой выносливостью и древним происхождением. Считается, что она восходит к XX веку до н. э. Довольно низкорослые, но мощные, эти лошади были боевыми конями викингов. В скандинавском эпосе конь выступает как постоянный спутник богов и героев. Знаменитому Сигурду служил серый конь Грани.

[54] *Всяк у седла копьё имел.* – Длинное копье рыцаря должно было иметь точку опоры у седла, для чего предусматривалось особое крепление. Без него рыцарь не мог расположить копье горизонтально.

[55] *Динадарон* – Название этого замка связывается с именем Динаса, который упомянут в «Романе о Тристане» Беруля как сенешаль короля Марка. Динас принимает сторону героя, и Тристан не раз находит убежище в его замке: «Динас, сеньор Динана, / Душой и сердцем друг Тристана…» (Легенда о Тристане и Изольде. – М.: Наука, 1976. – С. 37).

[56] *Гласит история сама.* – Здесь автор, как он нередко делает, когда хочет подчеркнуть правдивость какого-то необычного события или описания, дает понять, что ссылается на известный (письменный) источник. О роскоши придворной жизни писал уже Гальфрид Монмутский: «Ведь Британия достигла тогда такого величия, что несметными своими богатствами, роскошью нарядов, беззаботностью своих обитателей намного превосходила все прочие государства». И описывая далее пир у короля Артура, Гальфрид отметил, что «кравчий Кай» появился в «платье из горностая» (Гальфрид Монмутский. Указ. соч., С. 106).

[57] *Жирфле* – Жирфле, или Жифле, – рыцарь Круглого Стола в артуровских сказаниях, оруженосец короля Артура. Возможно, его имя восходит к слову «guivre» – змея. По легенде, именно Жирфле вернул меч Эскалибур в озеро.

[58] *Но ею не было забыто / То оскорбленье до сих пор.* – Подобное представление о чести, характерное для аристократического военного сословия, сохраняло все свое значение и для знатных женщин.

[59] *Рыбёшку не крупней гольяна.* – Гольян – мелкая (не более 20 см в длину) пресноводная рыба из семейства карповых. В Европе обычно обитает в быстроводных реках и используется как наживка для ловли хищных рыб.

[60] *Вплоть до Бейрута не найти …* – Бейрут был захвачен крестоносцами в 1100 году и стал фьефом Латинского королевства Иерусалима. С этого времени он играл важную роль в торговле с итальянскими городами. В то же время он обозначал своего рода крайнюю южную точку нового Латинского королевства. Следовательно, имеется в виду вся территория от Уэльса (или французской Бретани) до Бейрута – характерная для средневековой словесности гипербола.

[61] *Вплоть до Лиможа не сумеем…* – Лимож – город в центральной Франции, известный производством ценного фарфора. В данном случае очевиден риторический повтор (см. сноску 60).

[62] *В руках девица в зал внесла.* – Девица держит грааль двумя руками, т. е. очевидно, что она несет предмет, имеющий форму блюда или корзины, но отнюдь не сосуда. Отсюда известный вариант этимологии названия – от лат. crātēr (ваза для смешивания воды с вином). Устойчива ассоциация Грааля с обрядом евхаристии (с грааля Король-рыболов вкушает не «миног» и «кефалей» – лишь гостию), а в раннем христианском искусстве символом евхаристии было блюдо или корзина с хлебом и рыбой.

[63] *Несла серебряное блюдо.* – Появление этого второго предмета, уже вполне конкретного (tailleor – это именно блюдо или поднос, используемый для нарезания мяса), подтверждает, что кортеж возвещает ритуал трапезы, обычный для всякого рода церемоний – религиозных и светских.

[64] *Здесь подавалось всё в избытке …* – Появление стола, щедро уставленного яствами, указывает на волшебную природу

грааля, который может дать вволю пищи, как рог изобилия. Это свойство позволило позже Роберу де Борону и продолжателям сюжета связать этимологию «грааля» с латинским словом «gratus» (благодатный, приятный).

[65] *Электуарии к тому же*… – Электуарий – фармацевтический препарат (лекарственная кашка), в котором лекарственное вещество входит в состав пасты с сиропом или медом. В электуарии включались средства от желудочных и легочных болезней, общеукрепляющие и успокоительные снадобья. Готовились они, в основном, на травах.

[66] *Был дротиком он уязвлён / Меж бёдер прямо*… – Ранение короля-Рыболова напоминает то, которое когда-то получил отец Персеваля. Это своего рода эвфемизм, указывающий на потерю мужественности. Быть может, это наказание за какой-то проступок. В любом случае такое символическое сближение должно подчеркнуть особую, искупительную, миссию Персеваля, о которой герой еще не ведает.

[67] *Как по наитью угадал, / Сказав: “Валлиец Персеваль”*… – До сих пор имя героя не было названо. Такой ответ мог быть связан с внезапным воспоминанием, семейным преданием, когда герой просто слышал свое имя, не подозревая, что речь идет о нем самом. Но возможен и чисто мистический смысл такого прозрения.

[68] *Котоатр* – Здесь Котоатр обозначает место, где живет кузнец Требюше, изготовивший меч, подаренный Персевалю. Позже он станет замком (в четвертом продолжении «Персеваля») и даже королевством в «Эсканоре» Жирара д’Амьена.

[69] *Требюше* – Требюше – знаменитый кузнец, владеющий магическим искусством, вроде мифологического Вулкана.

Искусство оружейного мастера высоко ценилось в средние века.

[70] *де ла Ланд Гордец* – Гордец де ла Ланд (l'Orgueilleux de la Lande) – это тот самый рыцарь, хозяин шатра, в котором Персеваль увидел одинокую девицу на пути к королю Артуру, став невольной причиной ее дальнейших бедствий. Он упоминается и в романе «Эрек и Энида» (с ним сражается Эрек).

[71] *Боится «да» сказать, но чает, / Что силой смогут захватить.* – Весь предшествующий монолог разгневанного рыцаря демонстрирует антифеминистические представления, характерные преимущественно для городской средневековой культуры.

[72] *Карлион* – Карлион – замок короля Артура, который, как считалось, расположен на юге Уэльса.

[73] *Из леса Кинкруа…* – Лес Кинкруа был владением Алого рыцаря, убитого Персевалем.

[74] *И я клянусь святым Давидом…* – Давид (VI в.) – святой покровитель Уэльса, которого чествуют и доныне. Ему приписывались различные чудеса, и он был увековечен в легендах о короле Артуре. Гальфрид Монмутский сообщает, что Давид был дядей короля Артура и что Артур назначил его архиепископом Карлиона. Давид основал множество церквей и монастырь в одном из городов, который позже назван был в честь него Сент-Дэвидз.

[75] *Сагремор* – Сагремор – рыцарь Круглого Стола, который впервые упоминается при перечислении рыцарей в «Эреке и Эниде» (v. 1709). В «Клижесе» Сагремор участвует в турнире, где он побежден героем романа (vv. 4646–4679).

[76] *И кто же он – вам даст ответ.* – Подчеркнутое стремление Кея узнать имя незнакомца связано с его обязанностями сенешаля.

[77] *Бретонцы, видя пред собой…* – Здесь имеется в виду территория Британии. Замки Артура Карлион и Кардуэл располагались в Уэльсе.

[78] *Я подожду: быть может, тот / От дум очнётся, отойдёт…* – Гавэйн предлагает чисто куртуазную версию странного поведения Персеваля. Его внимательность и безупречная вежливость составляют очевидный контраст с несдержанностью и злобой Кея. Автор предлагает наглядный урок куртуазии.

[79] *Шамбеллан* – Шамбеллан (от слова «chambre» – комната, покои) – дворянин, который должен был выполнять определенные обязанности дворецкого (камергера) при дворе высшего по рангу феодала.

[80] *Пятнадцать дней назад тому…* – Здесь есть указание на внутреннюю хронологию романа. Очевидно, что действие в первой его части развивается стремительно.

[81] *И в этом лишь твоя вина!* – Несчастья, которые предсказывает девица, развивают мотив опустошенных земель, постоянно повторяющийся в романе.

[82] *О Горделивом замке сказ…* – Таинственный Горделивый замок (Le Château Orgueilleux) впервые упоминается в «Персевале». В последующих продолжениях он становится местом рыцарских авантюр.

[83] *…на вершине Монтеклера…* – Монтеклер –это явно вымышленный топоним, гора или поселение, где томится в не-

воле юная дева, нуждающаяся в рыцарской защите. Ее спаситель будет вознагражден очередным волшебным мечом.

[84] *Каэден* – Каэден – имя брата Изольды белорукой в романе Тома «Тристан».

[85] *Геганбрезиль* – Геганбрезиль – гордый и воинственный рыцарь, который обвиняет Гавэйна в убийстве своего сеньора. В продолжениях «Персеваля» он неизменно будет выступать как враг Гавэйна.

[86] *…Аграве́н, Гавэйна брат…* – Агравен – рыцарь Круглого Стола, сын Лота и брат Гавэйна, Гарета и Мордреда. В «Персевале» он только упомянут, но в «Вульгате» и в «Смерти Артура» Томаса Мэлори будет играть важную роль в истории свержения короля Артура.

[87] *Что красотой Авессалома / Затмил…* – Авессалом – сын царя Давида в Ветхом Завете, прославленный своей красотой.

[88] *Коня испанского…* – Кони испанской (андалузской) породы высоко ценились в Средние века. Они в основном использовались на парадах и праздниках и обеспечивали потребности высших сословий. Любимый конь Наполеона был вывезен из Андалузии.

[89] *Мелиан де Лис* – Мелиан де Лис – один из рыцарей Круглого Стола, который был впервые упомянут Кретьеном в «Эреке и Эниде» (v. 1686). Топоним Лис, возможно, связан с легендой о мифическом городе Ис (l'Ys) на побережье Британии, который был поглощен океаном, – своеобразный вариант кельтской Атлантиды. (Guyot, Charles. The Legend of the City of Ys. – Amherst, MA: University of Massachusetts Press, 1979).

[90] *Траэ д’Ане* – Рыцарь Траэ д’Ане упоминается только в «Персевале», и никаких сведений о нем в рамках артуровского сюжета нет.

[91] *Тьебо де Тинтажель* – Имя Тьебо (Тибо) было широко распространено в эпоху Кретьена. Тинтажель – замок короля Артура, упомянутый в «Бруте» Васа. По сведениям Гальфрида Монмутского, этот замок почти со всех сторон был окружен морем. Упоминается он и в «Эреке и Эниде» (v. 6524).

[92] *Но был там старый подвассал…* – Подвассал (vavasseur) – в феодальном обществе дворянин, часто влиятельный и богатый, который вынужден был подчиняться прерогативе суверенного сеньора в своих владениях: в частности, он не имел права вершить правосудие на своей территории. В свою очередь суверенный сеньор являлся вассалом короля или другого более влиятельного феодала. Отсюда возможный буквальный перевод: вассал вассала (Tardif A. La procedure civile et criminelle aux XIII et XIV siècles ou Procedure de transition. P.,1885. P.16).

[93] *Девица Узенький Рукав* – Это прозвище связано со средневековой женской модой, в соответствии с которой рукава на верхней одежде при необходимости снимались (расшнуровывались). Дама могла подарить такой рукав рыцарю в знак признательности. Именно так поступает по совету отца дочь Гарэна. Такой дар рыцарь прикреплял к своему оружию.

[94] *Сейчас Гарэном, Берты сыном, / Он принят, знаю, на постой.* – Здесь впервые называется имя подвассала, который оказал гостеприимство Гавэйну. Берта – имя матери Карла Великого, Гарэн – имя основателя рода Гильома Оранжского. Эти эпические имена соединяют повествование с древней

традицией. Гарэн в романе «Персеваль» является подвассалом Тьебо де Тинтажеля.

[95] *На два арпана…* – Арпан – старинная мера длины, равная приблизительно 58 м.

[96] *…оставить поцелуй на ней…* – Такой странный жест не связан с каким-либо феодальным ритуалом, а скорее, выражает спонтанный порыв девицы, являясь своеобразной демонстрацией любви и преданности.

[97] *Но конь споткнулся в этот миг…* – Подобное происшествие должно служить дурным предзнаменованием. К тому же явление белой лани, по средневековым представлениям, знаменовало переход в некие зачарованные миры.

[98] *Был самый среди них красивый.* – Так, сам того не ведая, Гавэйн встретил молодого короля Эскавалона, сына того самого убитого короля, из-за которого ему предстояло выйти на поединок.

[99] *Эскалибур* – Эскалибур – знаменитый волшебный меч, который Артур добыл у Владычицы Озера. Как этот меч мог оказаться у Гавэйна – из текста романа неясно.

[100] *И эшевенов…* – Эшевен в Средние века – это обычно член графского суда или городского магистрата.

[101] *Гизарму и топор хватал!* – Гизарма – колющее оружие пешего воина XII–XIV вв., по форме напоминающее рогатину.

[102] *Идя убить Лимаса злого.* – Лимас – чудовище, представленное в основном в фольклоре Ломбардии. Его имя переводится как «улитка», что указывает на двурогость.

[103] *Копьём тем будет сокрушён.* – Здесь обозначена еще одна важная интерпретация таинственного копья, вновь свя-

занная с неким древним преданием. Уродливая девица пророчит разрушение замка Грааля, которое должно произойти по вине Персеваля. Возникает и тема грядущей гибели королевства самого Артура (Логра) от того самого копья, которое источает кровь. Логр, как название артуровского королевства, присутствует и в «Ланселоте» (v. 1307). По созвучию оно может ассоциироваться со словом «ogres» - так назывались архаические великаны, жившие в подземелье, страну которых Артур некогда захватил, чтобы установить в ней более высокую цивилизацию. Известно, что Артур лично убил, по крайней мере, одного великана – Риона (см. сноску 26). Копье, источающее кровь, встречается в кельтской мифологии и литературе. Ассоциация копья и крови – одна из характерных черт кельтской мифологии (см. об этом подробнее: Frappier J. Chrétien de Troyes et le mythe du Graal. – P., 1972. – P. 189-190).

[104] *Грингале* – Грингале – имя знаменитого коня, принадлежащего Гавэйну. Впервые он упомянут в «Ереке и Эниде». Некоторые исследователи видят в нем существо фантастическое, связанное с фольклорными истоками.

[105] *И встретил рыцарей он пять…* – Настойчивое повторение числа 5 (и кратных чисел – 10, 50), несомненно, имеет символический смысл. В начале своего рыцарского странствия Персеваль тоже встретился с пятью рыцарями. Если обратиться к христианской символике, то «пять» - это число ран на теле распятого Христа. (См. Апостолос-Каппадона Д. Словарь христианского искусства. – Урал LTD, 2000. – С. 184). Такая символика может соответствовать сюжету и смыслу духовного поиска Грааля. Кроме того, число 5 ассоциируется со Страстной пятницей, и здесь очевидно включение в христианскую символику и Копья, источающего кровь. Пятеро

пеших рыцарей, которые сопровождают десять дам, облаченных во власяницы, – это явно религиозная процессия, и она совершается в Страстную пятницу. Согласно толкованию Ж. Рибара, изучавшего числовую символику в средневековой литературе, число 5 представляет сумму чисел 2 (указывающего на несовершенство) и 3 (со значением совершенства и полноты). Таким образом, в числе 5 заключена идея самого человека, существа несовершенного, плотского, конечного, но обладающего неистребимой тягой к духовному совершенству и абсолюту (Ribard J. Le Moyen Age. Littérature et symbolisme. – P.: Champion, 1984, P. 27).

[106] *Отцу благого Рыболова / И служит благостный Грааль.* – Здесь Рыболов оказывается сыном больного короля, не названного по имени. Подчеркивается, что больной уже пятнадцать лет не покидает свои покои, так что Персеваль явно не мог встретить его в лодке на реке. Впоследствии, в более поздних версиях сюжета, появление двух персонажей в замке Грааля вносило некоторую путаницу. Король-Рыболов оказывался то дядей, то дедом Персеваля. У Эшенбаха больной король получает имя – Анфортас, а Рыболов предстает как сын короля.

[107] *Святых именований Бога…* – Таких именований существовало немало, несколько десятков, в зависимости от религиозных традиций (Владыка, Спаситель, Отец Небесный и т. п.). Они должны были защищать от различных опасностей.

[108] *Где пасся конь в сени ветвей, / Нерослый, северных кровей.* – См. сноску 53.

[109] *Здесь Гальвуа лежит земля.* – Гальвуа (Galloway) – местность на юго-западе Шотландии. Границей, отделяющей ее, являются труднодоступные горы.

[110] *Сравним с павийским замок сей…* – Павия – итальянский город, который уже упоминался Кретьеном в «Клижесе» (vv. 5184, 6628), обычно в системе сравнений. В данном случае речь идет об укрепленном городе, защищенном замком и расположенном на берегу моря. В период раннего Средневековья Павия была столицей государства лангобардов и представляла собой хорошо укрепленную крепость.

[111] *А под оливою зелёной…* – Олива в Средние века считалась символом вечной жизни.

[112] *Тот конь был с головой двуцветной: / Цвет белый с чёрным пополам…* – Здесь ясно дано понять, что герой во власти волшебства. Традиционно двуцветное одеяние имели феи – смесь черного с белым.

[113] *Не отвечал – уста свело…* – Поведение Гавэйна в этом эпизоде может показаться странным. Но это высшее проявление куртуазности, образцом которой он в романе является: Гавэйн просто не может ответить грубостью на грубость, особенно по отношению к даме. К тому же девица допускает возможность каких-то сексуальных притязаний с его стороны: каким же образом он может оправдаться?

[114] *Наш рыцарь ведал назубок.* – Знания о врачевании ран Гавэйн явно получил из своего богатого воинского опыта.

[115] *Нам книги говорят не сказки…* – Знания в области фитотерапии были широко распространены в Средние века. Эти представления опирались на опыт античной медицины, прежде всего Галена, который ввел в практику изготовление медицинских препаратов на основе растительного сырья и даже учредил в Риме собственную аптеку. Наука о лечебных свойствах растений, особенно широко представленная в Салерно, основыва-

лась на аналогии между формами растительной и человеческой жизни. В XI веке появилась медико-ботаническая поэма Одо из Мена «О свойствах трав», содержащая описание более ста лекарственных растений. В романе Кретьена растение, которое использует Гавэйн для врачевания раненого, не названо.

[116] *Грегориас* – Грегориас – дерзкий рыцарь, совершивший насилие над девушкой. Он хочет отомстить Гавэйну, украв у него коня. Грегориас является кузеном одного из врагов Гавэйна – Геганбрезиля.

[117] *Порукой мне Мартин святой…* – Святой Мартин (IV в.) – один из почитаемых в Европе до нашего времени святых, воплощение милосердия. По легенде, он разрубил надвое свой красный плащ римского легионера, чтобы укрыть его половиной замерзающего нищего, после чего обратился в христианскую веру, чтобы совершать деяния милосердия. В Труа находилось аббатство Сен-Мартен, где был установлен культ этого святого.

[118] *Где чудеса одни окрест.* – Слова лодочника указывают на то, что Гавэйн попал в заколдованную страну.

[119] *В нём королева обитает…* – Здесь речь идет о королеве Иджерне, матери короля Артура. Как и мать Персеваля, она покинула родной край после смерти своего мужа Утерпендрагона. О ее «земном» возрасте напоминают лишь седые косы.

[120] *То дочь её, как слышал я…* – Это жена короля Лота и мать Гавэйна.

[121] *Но и у той есть дочь своя.* – Имеется в виду Клариссан, сестра Гавэйна, что объясняет сразу возникшую взаимную симпатию героев, еще не знающих о своем родстве.

[122] *В истории, коль верить, нашей…* – Здесь вновь появляется указание на некий источник, послуживший основой романа.

[123] *Голодный, мощный, страшный лев.* – Поединок со львом со времен античности (Геракл) считался высшим проявлением мужества. Две лапы льва, вонзившиеся в щит, соотносятся с феодальной геральдикой.

[124] *Был плащ подбит отнюдь не белкой, / А чёрным, словно ежевика, / Пушистым соболем…* – Эта деталь оказывается важной, потому что черным соболем был отделан и головной убор Короля-Рыболова: создается образно-смысловая связь между двумя волшебными королевствами.

[125] *Разумно не терять тепла.* – Холодное и теплое, вместе с сухим и влажным, – это четыре главных понятия средневековой физики и физиологии. С их помощью медицина пыталась объяснить природу болезней.

[126] *И вам не выбраться отсель.* – Очевидно, что Гавэйн попал в зачарованный мир, откуда смертные не возвращаются. Подобные предупреждения в дальнейшем будут повторены не раз.

[127] *Уриен* – Уриен – брат короля Лота и король земли Горр, откуда никто не возвращается. В некоторых рыцарских романах упоминается о любовной связи Уриена с феей Морганой, сводной сестрой Артура. Уриен впервые встречается в валлийских легендах как воин короля Артура. У Гальфрида Монмутского он представлен как сторонник Артура в борьбе с Галлией и Римом. Но в «Вульгате» Уриен становится врагом Артура.

[128] *Один – мессир Ивэйн – особо / И куртуазен, и почтен.* – Ивэйн – один из рыцарей Круглого Стола, герой романа Кретьена де Труа «Ивэйн, или Рыцарь со львом».

[129] *Он прозывается Бастардом.* – Речь идет о незаконном сыне короля Уриена и жены королевского сенешаля, сводном брате и тезке Ивэйна. Он не раз появлялся в более поздних версиях романов о Граале.

[130] *А восемь дней бы подождали…* – В христианской традиции число 8 было символом очищения и Воскресения. Христос восстал из гроба на восьмой день после входа в Иерусалим. Восемь человек спаслись от потопа в Ноевом ковчеге. Для Гавэйна эти обозначенные восемь дней могут стать гарантией освобождения от власти злых сил.

[131] *Оркелен* – Это название явно ассоциируется с Орканией, королем которой был Лот (с географической точки зрения, это, вероятнее всего, Оркадские острова). В конце романа в Орканию, как всегда в день Троицы, прибудет король Артур.

[132] *Гриномалан* – Этот персонаж встречается только в «Персевале», несмотря на то, что «молва идет по странам» о его доблестях и несметных богатствах. Может быть, так усиливается мотив заповедных, заколдованных земель.

[133] *Гордячка Логрская прозвав.* – Так впервые появляется имя, а скорее, прозвище, зловредной девицы (l'Orgueilleuse de Logres), которая преследует Гавэйна своей ненавистью. Определение «Гордячка» заставляет вспомнить о Гордеце де ла Ланде. То, что девица родом из Логра, связывает ее с хтоническим миром, когда-то покоренным Артуром. Она смиряется, когда пересекается с новым для нее куртуазным миром, воплощенным в Гавэйне, и делает новый выбор.

[134] *Гордец Ущелья; сей воитель…* – У этого таинственного рыцаря длинное прозвище, связанное с его основным назначением – охранять проход через ущелье: l'Orgueilleux de la Roche à l'Etroite Voie. Это еще один Гордец, персонаж явно сказочный, который должен понести наказание от руки Гавэйна.

[135] *Уж двадцать лет почти, как он, / Известно, матери лишён.* – Подобные хронологические несоответствия, как, в частности, и возраст короля Артура (ему то сто, то шестьдесят лет) свидетельствуют о пребывании в волшебном пространстве, где время идет не по земным законам.

[136] *…и сестрицу / Того, кто Богом осуждён…* – Так Гавэйн узнает о своем происхождении, обретая сразу и мать и сестру.

[137] *Убит отец мой, не могу / Я благосклонным быть к врагу*. – Так выясняется, что Лот убил отца Гриномалана. Но о каком кузене, убитом уже Гавэйном, идет речь – неясно.

[138] *Ларош зовётся де Сангин.* – Название замка (La Roche de Sanguin – букв.: Кровавая Скала) может объясняться основным промыслом обитателей, прежде всего женщин, – изготовлением тканей алого цвета, которые пользовались большим спросом.

[139] *Дай Бог ему в неё влюбиться / Так, как в Лавинию Эней.* – Ссылка на «Энеиду» вновь свидетельствует о влиянии и популярности Вергилия в Средние века.

[140] *А дама Лор, что находилась…* – Дама, по имени Лор, появляется в «Персевале» впервые, но в продолжениях романа XIII века она предстает как фея и возлюбленная Гавэйна.

Содержание

Научное издание

Кретьен де Труа

Персеваль, или повесть о Граале

Пер. со старофранцузского
Н.В. Забабуровой и А.Н. Триандафилиди

common place

издательская инициатива/
волонтерский DIY-проект

Наши книги всегда можно купить в независимых магазинах
«**Фаланстер**», «**Смена**», **«Все свободны», «Йозеф Кнехт»,**
а также заказать с доставкой на сайте **www.libroroom.ru**
Больше информации о проекте: vk.com/common_place

На обложке — иллюстрации из книги «Dictionnaire raisonné du mobilier français de l'époque carlovingienne a la renaissance» Eugène-Emmanuel Viollet-le-Duc; © Universitätsbibliothek Heidelberg

Подписано в печать 25.11.2014
Формат 60x84/20
Бумага офсетная.
Гарнитура Minion Pro, Academy Old.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 23.80.
Тираж 200 экз.
Заказ № 37/12

Издательская инициатива «Common place»
commonplace1959@gmail.com

Отпечатано в типографии «Розовый слон»
Москва, Автомобильный проезд, 8, стр. 1
8 (499) 713-86-84, info@elephant-print.ru